

Виктор Брюховецкий

Маятник судьбы

Лауреаты Губернаторской литературной премии
имени Роберта Рождественского

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Алтайская краевая универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова

Виктор Брюховецкий

Маятник судьбы

Лирика

Барнаул
2015

12+

ББК 84 (2Рос – Рус) 6-5

Б 898

Издание подготовлено по заказу и при финансовой поддержке
Администрации Алтайского края в рамках
Губернаторского издательского проекта.

Брюховецкий В. В.

Б 898 Маятник судьбы : лирика / В. В. Брюховецкий ; Упр. Алт. края по культуре и арх. делу, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. – Воронеж: ООО «Новый взгляд», 2015. – 356 с. – (Лауреаты Губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского)

ISBN 978-5-93737-120-1

Лирический сборник В. В. Брюховецкого «Маятник судьбы» - это красочная палитра стихов о любви и дружбе, пейзажные зарисовки и глубокие философские рассуждения.

ББК 84 (2Рос – Рус) 6-5

ISBN 978-5-93737-120-1

© В. В. Брюховецкий, 2015
© Т. Н. Кузнецова, редактора, 2015
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2015

Литературная премия имени Роберта Рождественского учреждена в 2012 году Губернатором Алтайского края А. Б. Карлиным.

Премия посвящена памяти родившегося в Алтайском крае талантливого русского поэта, внесшего большой вклад в отечественную и мировую культуру.

Роберт Рождественский – один из самых известных поэтов Советского Союза. Вместе со своими талантливыми сверстниками Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Беллой Ахмадулиной Роберт Рождественский стал кумиром эпохи – поэтические встречи «шестидесятников» собирали огромные стадионы. Поэзия Роберта Рождественского пронизана особой искренностью и свежестью, всегдашней актуальностью и современностью.

Своими стихами Рождественский рассказал о великой стране, в которой жил, о ее героических и самых обычных людях, о грандиозных и малых делах советской истории. Изпод его «пера» все выходило удивительно искренне и талантливо. Он говорил о великом - но очень просто и понятно. В его стихах можно услышать и о любви, и о стране, и о простом человеке. Со временем Рождественский создал много текстов популярных песен, которые до сих пор считаются богатством музыкального наследия эпохи. Многие полюбили Роберта Рождественского за его любовную лирику, которая занимает очень большое место в его творчестве. Его стихи о любви наполнены не только проявлениями цельности героя, но и драматическими противоречиями, сердечными тревогами, поисками смысла жизни и неповторимого счастья.

Одним из значимых культурных центров Косихинского

района является Косихинская модельная мемориальная районная библиотека. С 2007 года она носит имя Роберта Рождественского. Регулярно работники библиотеки совместно с другими учреждениями культуры готовят новые интересные программы, посвященные творческому наследию Роберта Ивановича. Начиная с мемориальной доски перед входом в библиотеку до книжных экспозиций и выставок – все здесь говорит о причастности к жизни и творчеству поэта.

В Косихе открыт Центр патриотического воспитания сельской молодежи имени Роберта Рождественского, в котором расположен музей поэта. В Центре проходят литературные праздники, встречи с деятелями культуры и искусства Алтай, музыкально-литературные вечера.

Премия имени Р. И. Рождественского присуждается один раз в два года за поэтические произведения. Ее вручает Губернатор Алтайского края Александр Карлин во время Рождественских чтений, которые проходят в два этапа – в Барнауле, в музее истории литературы, искусства и культуры Алтайского края и в селе Косиха, где родился поэт.

Первым лауреатом премии имени Роберта Рождественского в 2012 году стал поэт, боевой офицер, полковник в отставке Виктор Верстаков из Москвы. Вторым – наш земляк, проживающий сейчас в Ленинградской области, Виктор Брюховецкий.

В 2014 году Губернатором Алтайского края принято решение об издании на Алтае серии книг лауреатов премии имени Роберта Рождественского.

В этой книге представлены стихи второго лауреата премии Виктора Брюховецкого.

Брюховецкий Виктор Васильевич, родился 10 июля 1945 года в г. Алейске Алтайского края, где жил и учился до сентября 1962 г. В 1962 году переехал на жительство в посёлок Кузьмоловский Всеволожского района Ленинградской области.

В 1963 году окончил Кузьмоловскую среднюю школу и в августе этого года поступил на работу на Опытный завод государственного института прикладной химии. С декабря 1964 года по октябрь 1967 года проходил срочную службу в рядах Советской Армии (п. Мирный Плесецкого района Архангельской области). После увольнения в запас продолжил работу на Опытном заводе, где и работал до ухода на пенсию. Трудовой производственный стаж - 49 лет.

С 1968 года по 1974 год В. В. Брюховецкий учился заочно в Ленинградском институте авиационного приборостроения (ЛИАП), по окончании которого получил специальность - инженер-электромеханик.

Литературным творчеством начал заниматься в 26 лет, участник трёх конференций молодых писателей Северо-Запада (70-е годы). Работал в семинарах Л. Агеева, В. Торопыгина, М. Борисовой.

В настоящее время автор имеет более ста публикаций в отечественных журналах. Произведения В. В. Брюховецкого переведены на китайский и польский языки, он автор 12 поэтических книг, в том числе одной детской.

Виктор Васильевич Брюховецкий участник Шукшинских дней 2012 г. на Алтае. Выступал со своими стихами в

библиотеках Барнаула, Бийска, села Сростки. Читал стихи на горе Пикет.

- Член Союза писателей России с 2001 г.;
- Лауреат Пушкинской премии,
- 1994 г. (г. Нью-Йорк);
- Лауреат премии журнала «Нева»,
- 2003 г. (г. Санкт-Петербург);
- Лауреат премии журнала «Москва»,
- 2004 г. (г. Москва);
- Лауреат премии журнала «Наш современник»,
- 2011 г. (г. Москва);
- Лауреат Всероссийской литературной премии им. А. Прокофьева, 2012 г. (за книгу «Как запомнилось...»);
- Лауреат Губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского, 2014 г. (за книгу «Избранное»).

МАСТЕР СЛОВА

Итак, перед вами новый поэтический сборник Виктора Васильевича Брюховецкого «Маятник судьбы». Почему именно так, а не иначе? Почему именно «маятник»? Да потому, что жизнь, судьба и творчество этого замечательного поэта неразрывно связаны с Алтаем и Петербургом, именно между ними проходит амплитуда колебания его личного маятника.

Великолепный лирик, вдумчивый философ, Виктор Брюховецкий ворвался в русскую литературу, в русскую поэзию, как истинный мастер слова. Он не оперирует словами и образами, как чем-то абстрактным, но умеет отобразить мир и окружающую действительность во всей её красоте и неприглядности. Ему не нужно высасывать из пальца какие-то события, ибо события сами находят поэта.

Столица и в Австралии - столица,
А вот деревня – только на Руси...
Дома светлы. Приветливые лица,
Туман как шаль, хоть на плече неси....

Посмотрите, как точно он не только отображает природу, но схватывает и описывает. Описывает и своё, и наше с вами душевное состояние в этот момент в стихотворении «Предосеннее»:

...Месяц август. Прозрачнее в речке вода.
Утомленное небо прохладней и ниже,
И спокойнее росы, и чище звезда,
И родное – роднее, а близкое – ближе...

В сборник вошло стихотворение «Памяти Николая Шипилова», поэта и барда, чья судьба, в определённый момент жизни, была связана с Алтаем:

По шёлку отав, по сентябрьскому полю,
Где гаснут деревья в закатных лучах,
Дурак и Дурнушка Шипилова Колю
Уносят в бессмертье на скорбных плечах...

В заключение, приведу небольшой отрывок из статьи красноярского журналиста Николая Зайцева, посвященной этому талантливому поэту и его поэзии: «...Какое вольное дыхание! Какая свобода... какая гениальная свобода обращения со словом!..

...Да, в нашу русскую литературу пришёл мастер! И, по всему видно, по-есенински суровый мастер, для которого петь – то же самое, что дышать... Но, что не менее важно, этот мастер – по-настоящему, на совесть, для себя, работает над поэтическим словом!..»

Впрочем, прочтите эту книгу, и вы всё поймёте сами.

Татьяна Кузнецова, поэт,
член Союза писателей России

ЛИРИКА

Сети

Бродит ветер вдоль повети,
Сыплет снегом у окна.
Возле печки русской
Сети
Батя вяжет. До темна...
Напролет весь день
В едином
Ритме движется рука:
Узел, взмах — и в паутину
Тычет носом челнока.
Узел. Взмах. Еще. И снова.
Всё на совесть, не за страх.
День за днем — и сеть готова,
И опять за взмахом взмах!
День за днем одно и то же.
Но зато потом, потом
Щука, хищный путь итожа,
В сеть ударит
И хвостом
Раскачает на рассвете
Легкий сон прозрачных вод...
Вяжет батя, вяжет сети,
Вяжет зимы напролет.

Осень

Сестре Нине

Вот опять в наряде древнем,
Закрутив косу в венец,
Бродит осень по деревне
В рыжем золоте колец.

Не с того ли утром рано
Тополь плакал у ворот,
Не с того ли наша мама
Солит в бочках огород!

Дни труда и очищенья...
Но потом, в январской мгле,
В нашем доме на Крещение
Будет лето на столе.

Будет в доме пахнуть грядкой,
И в завьюженной избе
Осень девушкой нарядной
Снова явится тебе —

Той, что важно так гуляла
По проселку босиком,
Той, что лужи укрывала
Ночью тоненьким ледком,

Той, что с белым покрывалом
Вдруг ушла за поворот...
Наша мама, наша мама
Солит в бочках огород!

В клубнике полевой красны откосы.
С бидонами шныряет детвора...
Но перепел кричит — пора в покосы!
И коростель-дергач зовет — пора!

Пора! пора! — в черемухах сороки
Откликнутся, как будто помянут...
И, острым жалом ощущая сроки,
По всей деревне косы зазвенят.

И оселки завжикают по стали,
И косовища вымокнут в пруду.
Всё для того, чтоб мы однажды встали
Готовые к нелегкому труду...

В лицо ударит луговая сырость.
На черном небе звезды голубы.
И больно мне, что я еще не вырос,
Что не гожусь еще я для косьбы!

Что от меня пока мала отдача!
Что стоят все старания мои,
Когда — покос!
А вся моя задача —
Поить коней да кипятить чай.

И я в такой тоске, осиротелый,
Брожу по стану и смотрю, смотрю,
Как вольно мужики в рубахах белых,
Раскачиваясь, падают в зарю...

Утро

За окном — январь. В окне — рассвет.
Утро. Я не сплю. Мне десять лет.
Печь. Огня мерцанье у стены,
Круглой стопкой на столе — блины.

Мне уютно. В горнице покой.
Вкусно пахнет жженою мукой,
И с полатей видно, с высоты,
Как колдует мама у плиты.

На ее беззвучные шаги,
На плечах пригладив рушники,
Зрит из-за иконного стекла
Николай-угодник из угла.

А она болтушку зачерпнет,
Сковородкой плавно покачнет,
И к плите ее, на самый жар.
А плита — малиновый пожар!

Мама не спешит. Она важна.
Маме в этом помощь не нужна,
Но растет стопа, блинов — на всех!
Корочки хрустящие — наверх!

Я смотрю на маму с высоты,
Всей еще не вижу красоты.
Я еще не чувствую пока,
Что запомню это на века.

У костра

Дышало озеро.
Чуть охал топкий берег.
До горизонта розовела тишь.
Цвела калина, шел карась на нерест —
Из черной глубины в густой камыш.

Отец курил, смотрел на воду строго.
Искал дергач подругу на лугу...
— Пора к сетям,
Там чайник возле стога,
Ты сполосни и завари чайку.
Да не забудь смородиновых веток... —
И, помолчав:
— Кизяк побереги...

Качнулась лодка. У ближайших сеток
Испуганно метнулись поплавки.

Спустилась ночь.
Вначале еле тлевший,
Костер поднялся, весел и искрист.
Из чайника, от пара побелевший,
Топорщился смородиновый лист.

И рядом, в котелке, совсем неслышно
Вода вскипала — для тройной ухи...
И я еще не знал тогда, мальчишка,
Что это всё потом войдет в стихи.

Декабрь

1.
Забинтованы белым березы,
Забинтованы белым луга,
И мороз, как стальная заноза,
Проколол голубые снега.

Легкий скрип — кто-то ходит в подворье,
Гул в трубе — это кто-то не спит,
И село, как большое надгробье,
Почернев от мороза, стоит.

А луна вся в кругах, золотая!
Свет густой, хоть в ладони клади.
А зима-то еще молодая,
Вся зима-то еще впереди!

2.
Мороз под сорок.
Всё в снегу.
Над крышами дымы прямые.
И на сверкающем лугу
Стога мерцают голубые.

Чуть веет запахом хвои.
Путь санный незнаком и долог.
И в небе дремлет в забытыи
Луны сверкающий осколок.

Устать от долгого пути,
В душе почувствовать тревогу,
Потерянного не найти,
Вернуться к отчему порогу,
Все неудачи позабыть,
К чужому прикоснуться счастьем
И с новой силой,
Новой страстью
Навеки землю полюбить.

В дороге

... А в «Татре», в кабине,
Открытки и снимки —
Девчата и парни
Одни и в обнимку.
Кабина пропахла дорожною былью,
Кабина продута дорожною пылью.
Водитель смешлив, и улыбка бела:
— Вот так и гоняю в село из села,
Вожу бочкотару, навоз да свиной...
А осенью свадьбу сыграю... вот — с ней! —
И в снимок — рукой,

А на снимке — она!
Приклеена прочно чуть выше окна.
Открытые губы и тоже смешлива.
А он — мне: — Красива?
Киваю:— Красива!
— Конечно, красива... — Вздыхнул, закурил
И всю-то дорогу о ней говорил.

Я вскоре сошел, он умчался на «Татре»...
Я вспомнил о нем в ленинградском театре.
Смотрю и не верю, на сцене — она!
Чей снимок приклеен был выше окна.
А может, ошибка?
Бинокль — к глазам.
Да нет, и прическа такая ж, как там....

Ой, парень смешливый! Улыбка бела!
Всё так же гоняешь в село из села?

Прикрою глаза и представлю его:
Клубится дорога и нет никого!
У парня улыбка на ясных губах,
И ветер гудит в телеграфных столбах.
А в кузове бочка, обрезок доски
И сто километров мечты и тоски.

Твой дом

Фундамент.
И ни стен, ни крыши.
Поставлен кран, и вот уже
Известно всем — дом будет выше
Земли на девять этажей.
На целых девять будет выше.
На целых девять!..
А пока
На месте том, где будет крыша
Лежат седые облака.

Но только утро наступает,
Я вижу каждый раз одно —
Как чисто ласточка влетает
В тобой раскрытое окно

На сумасшедшем вираже...
На самом верхнем этаже!

Плюшевый медведь

Глаза в раскос, на шее красный бант,
На грудке галстук, сам синей, чем небо.
Сидит передо мною, словно франт,
Но я-то знаю, что таким он не был.

Он бурый был, с когтями и живой!
Умел легко ходить на задних лапах,
Ему понятен был малины запах
И щебетанье птиц над головой.

А как ревел! Шарахалось зверье.
Тайги хозяин, ярый и косматый!
От лап его не раз бежал сохатый,
Вдыхая ночь распахнутой ноздрей.

Вблизи селенья в ранние часы
Он появлялся откровенно смело,
И, хлебным соком наливая тело,
Под корень мял медовые овсы...

Но там, где речка свой смиряет бег,
Где бьет малька таймень крутой волною,
В закатный час, в кустах, на водопое
Его поймал на мушку человек.

Поймал... Погоревал... Поговорил...
Снял выкройку с его могучей туши,
И, зная геометрию, из плюша
Подобье для забавы сотворил.

Детишки, знаю, влюблены в него.
Детишкам — что, детишкам интересно...
А мне вот жалко, я признаюсь честно,
Косматого и страшного — того.

Вновь на родине

Хлопунец в осоке озера
Воздух пробует крылом.
Горизонт червонным козырем
Замахнулся над селом.

Близ околков, близ осиновых,
От селенья — полверсты,
Я литовку щукой синею
Выпускаю на цветы.

Зазвени, литовка-любушка,
Положи траву в отвал,
Я ж не зря вчера, голубушка,
Над тобою колдовал.

Молоточком прихорашивал,
Гладил холодом бруска,
Чтобы сталь твоя от пяточки
Засветилась до носка!

Ш-ша!..
И брызжет сочь росистая,
Травы плотные — стеной!
Луг, как песня голосистая,
Весь в цветах передо мной,

Весь раскрылся, будто сказочный,
Что ни вымах, то куплет.
Пой!
Пою, но песне красочной
Ни конца, ни края нет.

То ль еще такое сбудется,
Повезет мне или нет?..
И прокос широкой улицей
Распахнулся на рассвет.

На сеновале сука оценилась
Приблудная. Щенки слепые. Шесть.
И на загровке у нее искрилась
Стальная шерсть.

Она смотрела злым недобрым взглядом,
Лежала туго согнутой дугой...
День кончился тяжелым снегопадом,
А ночь — пургой.

И снегом завалило всю округу.
Где был сарай — гора. Белым-бела...
Потом она мою лизала руку
И хлеб брала.

И всех щенят позволила потрогать,
И даже вынуть одного на свет.
А после шла до самого порога
За мною вслед.

И я, пацан, в том воздухе морозном,
Затерянный в заснеженных лесах,
Впервые понял, что бывает звездно
И в злых глазах.

Вокзалы

И вновь — вокзал!
Уже в который раз!
С гудками, суетой неистребимой.
Уходит кто-то от любимых глаз,
И кто-то возвращается — к любимым.

Скрещенье судеб.
Гомон, толчея.
Как будто так природа пожелала —
Огромный смысл земного бытия
Вместить однажды в суету вокзалов!

И люди верят в эту суету.
Коль плохо им, они берут билеты,
И покидают эту пустоту,
И едут на другой конец планеты.

А что там, на другом конце земли?
Никто не знает.
Только верят очень,
Что там длинней и радостнее дни,
Что там светлее и короче ночи...

А если — нет?
И вновь не повезет?
Вокзал обманет нас, вокзал нас и спасет!

Дед Сашка

А деду было семьдесят с лихвою.
Я ж только подбирался к тридцати.
Мы пили на спор, Господи, прости,
Ядреный самогон с калган-травой.

Он говорил: «Посмотрим, дюж, иль нет,
Какого роду будешь и закваски,
И верно ль говорят — ты меньший, Васькин...»
И вилкой тыкал в снохин винегрет.

Чадил махрою хуже, чем в аду.
Он возвратился только что с покоса,
Лил самогон и приставал с вопросом:
«Ну, как там люди ноне, в городу?»

И молча слушал, будто бы скорбя.
А я... Я — что? Пил наравне, храбрился.
И говорил. Дед тихо матерился,
И хлопал по коленям сам себя.

Он вскакивал. Обьедками сорил.
И, задирая бороденку гордо,
Мне толковал про Картера и Форда,
И даже про де Голля говорил.

Гонял сноху за груздями в подвал,
Твердил, что будет светопреставленье,

Что город, мол, пойдет еще в деревню,
И кукиш мне прокуренный совал!..

Он наливал стаканы до краев.
Он намекал, что не хватает тоста
Хорошего. И предложил я просто
От всей души: «Давай за муравьев!»

«Что — муравей? Он тоже человек,
И никакая вовсе не букашка...»
А деда на деревне звали — Сашка!

В тот вечер он устроил мне ночлег
В стогу, что за сараем, у ворот.
Там кошки спали, там щенята жили,
А ночью к стогу черти приходили
И тыкали мне вилами в живот.

Проснулся я с больною головою.
Смеялся дед:
«Пойдем сенцо грести!..»
Я только подбирался к тридцати...
А деду было семьдесят с лихвою.

Суслик

Лишь только выйду за проселок —
У свежей норки боковой
Стоит он рыжий и веселый,
Как малый столбик межевой.

Стоит, освистывая волю,
На всю вселенную один.
«Кто здесь, скажите, господин?»
И добавляет: «Не позволю...»

Но коршун закружит в полях,
И суслик упадет от страха,
И пестрая его рубаха
Уже мелькает в ковылях.

Но только небо станет чистым,
Как весел, рыж и невредим,
Мой суслик тут же с тем же свистом:
«Кто здесь, скажите, господин?..»

Ну, задавала! Ну, кино...
Всё это было так давно.

С тех пор пошел который год.
В полях давно никто не свищет,
Там тишина, как на кладбище.
Повытравили всех господ.

Предал друг. Рассказать кому?
Что с обидой такой любое?
Я в глаза посмотрел ему —
Как в разведку сходил без боя.

Там, в зрачках, поселился стыд.
Каждый сам за себя в ответе,
Ведь живем мы на этом свете
Только так, как душа велит.

Значит, мелкой душа была,
В трудный час оказалась слабой...
Как живет он с такою бабой —
Поманят и уже пошла?

Как сидится ему в седле?..
Мы не моем друг другу кости
И не ходим друг к другу в гости,
Хоть живем на одной земле.

Лишь встречаемся иногда,
Улыбаемся для порядка
Будто всё у нас в прошлом гладко...
Вот такая со мной беда.

Павлина

О, эти руки... Ну, куда их деть?
Припухшие, в порезах и морщинах.
Такие не увидишь на картинах,
Их можно только в жизни подсмотреть —

Ну, скажем, на базаре, где лотки,
Или в рядах, где продают пшеницу,
Иль в поле, где ломая поясницу,
Ты столько лет «сапашь бураки».

Кого винить? Вيني иль не вিনি,
Слагай успехи, вычитай потери...
Но больно мне и не хочу я верить,
Что это всё возможно в наши дни,

Чтоб женщина — любимая и мать —
В век техники, прогресса и науки
Так о работу изломала руки,
Что на люди неловко показать.

И ты стоишь, передник теребя,
В глазах и свет, и горькое бессилье...
И мне обидно за мою Россию,
И за тебя, Павлина, за тебя.

Тюмень

Лучами фар просвечен лес —
Утром, задумчив, осторожен.
Красавец лось лучом стреножен,
В зрачках безумный интерес.

Космические блики глаз!
Казалось — он из бронзы вылит.
Его свинец пробил навывлет.
Лось рухнул в снег и луч погас.

Ему и нам не повезло.
Нас четверо и каждый молод.
Теперь нам был не страшен голод.
Как жутко это ремесло.
Кровь пахла приторно, свежа.
Мы страшное вершили дело,
Кромсая неживое тело
В четыре острые ножа...

Нас увозил тягач домой,
Висело небо темной грудой
И окровавленное блюдо
Луны вставало за спиной.

Качался лес на вираже.
Мы не шумели, не кричали,
Мы зло курили и молчали,
И скверно было на душе.

Л.

Ну, цари в моей душе!
Распахни глаза пошире!
Я впервые в этом мире
Верю раю в шалаше!

Пусть лопочут тополя,
Что я грубый и нескромный,
От любви моей огромной
Пусть расколется земля!

Чистой влагой напои!
Позови с собой в дорогу,
И не прячь ты, ради бога,
Губы грешные свои!

Не жалея живой воды,
Позабудь про осторожность,
И в глазах твоих безбожных
Пусть зажгутся две звезды!
Время выпадет в осадок,
Время сгрудится в века,
Но останутся на свете
Ты и я, и этот ветер,
И восторг, и облака!

Крушина — ягода сладкая

Пугала мать: «Не ешь крушину,
Ты рано влюбишься, сынок,
Уж больно сладок этот сок,
А нужно вырасти в мужчину.
Не ешь...»

Я ел и не влюбился!
Друзья влюбились, я не смог.
Вот так и прожил, видит Бог,
Искал любви и не добился...

Но вот я падаю в машину
И рву шоссе — скорей, скорей!

Все ели ягоду-крушину
Давно, тайком от матерей.
Какой прекрасный дар природы!
Какая радость бытия!
Коснулась всех любовь-змея,
Лишь я один ушел сквозь годы.
Но не дошел.
И вот — люблю!
Откуда мне такое диво!

Я жгу бензин нетерпеливо,
Я стрелку за предел топлю.
Я мчусь туда, где под часами
Моя любовь, моя краса!
Дай, жизнь, мне счастья полчаса —
Касаться рук ее губами,

Пьянеть от запаха волос,
Смотреть в глаза — не насмотреться,
И ощущать, как рвется сердце,
И детство вспоминать — сбилось!

Не исчезай, моя отрада,
Ты знай — как я, никто другой
Не вспыхнет вольтовой дугой,
Чтоб увести тебя из ада...

Срывая все замки с дверей,
Шепча единственное слово,
Я падаю в машину снова
И рву шоссе. Скорей!.. Скорей!..

Я люблю, вспоминая утраты,
Средь осенних уставших полей
Одиноко смотреть на закатных,
Отлетающих вдаль журавлей.

Что зовет их? Кто их прогоняет?..
И крылами зарю шевеля,
Журавли свои песни роняют
На покрытые желтым поля.

Мне понятно такое согласие
И небес, и полей твоих, Русь...
Есть у каждого право на счастье,
Есть у каждого право на грусть.

Есть у каждого прошлое, бывлю
Отошедшее вдаль... не видать...
Есть у каждого право на крылья,
Есть у каждого право страдать.

Крылья! Крылья... Далекая стая...
Дай вам Бог в вашем долгом пути,
Чтоб картечины вас не достали,
Чтобы ветер не смог отвести

Вас от цели той самой единой,
Уводящей туда, на закат...
Чтобы снова тропой журавлиной
Вы могли возвратиться назад

К нашим хатам и солнечным весям,
К вечным радостям жизни земной,
Чтобы стоном своим в поднебесье
Вы могли попрощаться со мной, —

Потому как заходятся мысли,
Что с правами на жизненный срок
Нам дано еще право на выстрел
В точку боли, под левый сосок...

Забывые двери

Мы уходим из дома в крошечную тьму,
Чтобы что-то найти, чтобы что-то отдать,
И открытые двери в далеком доме
После нас будут долго скрипеть и стучать.

Наши ночи без снов и в мятущихся снах!
Мы упрямо считаем, что нам повезло.
А в далеком доме сумасшедший сквозняк
Через двери последнее выдул тепло.

Эти струйки тепла среди сотен дорог
Нас однажды настигнут, коснутся щеки —
И привидится дом, и разбитый порог,
И обрыв со стрижами у синей реки.

И потянет туда, где в редеющей мгле
Бродит мягкий туман, словно ласковый зверь,
Где забытая нами, на ржавой петле,
Всё скрипит и стучит одинокая дверь...

Старая крепость

Ее в пустыне возвели
Еще в начале эры нашей,
И до сих пор с разбитой башней
Она виднеется вдали.

В той крепости, что схожа с клетью,
В потоках света и теней
Лежат уснувшие столетья
Под грудой щебня и камней.

Там пыль слежалась — слой за слоем,
И те слои принадлежат
Своим столетьям.
Вот — восьмое,
А ниже ранние лежат.

А под последним слоем пыли
Следы ушедших в забвенье —
И тех, что крепость возводили,
И тех, что рушили ее...

Я камень трогаю покатый,
Снимаю пыльные слои,
А в это время век двадцатый
На плечи рушится мой.

Ночная фантазия

За окнами стоит зима, и ветер сходит вновь с ума,
И жуткой ночи кутерьма плывет в дома.

И видно — речка под окном, подковой огибая дом,
Уже прихваченная льдом течет с трудом.

Полоска полыньи черна. Едва пульсирует она.
И в ней звезда отражена, совсем одна.

А ночь ревет на все лады, и гаснет полоса воды,
И отраженный свет звезды сжимают льды...

О, мысль безумная моя! Спасти звезду решаюсь я...
У льда, как лезвия, края, и — полынья!

Из бездны черной и немой я не вернусь уже домой,
И лед, как сумрачный конвой, над головой...
Уйдут под лед обломки льда, и успокоится вода,
И отразится в ней звезда. Моя звезда!

Кто скажет мне, что не моя? А как же лезвия-края?
А как же бездна-полынья? А как же я?

Зайчиха

Весна... Такое половодье!
Бери, Мазай, свое весло!
Сегодня в заячьи уголья
Не бревна — льдину принесло!

Покачиваясь в тальнике,
Большая ледяная глыба
Лежит, как мраморная рыба,
И санный след на плавнике.

И на спине ее, в снегах,
Зайчиха мечется косая,
Но лодки нет и нет Мазая —
Есть я в болотных сапогах.

И ты, зайчиха, верь, не верь,
Но после передай детишкам,
Что дед Мазай остался в книжках,
И за Мазая — я теперь!

Ее тревогу понимая,
По кочкам илистого дна
Я к ней бреду, а сам не знаю —
Поверит или нет она...

И возвратившись на сухое,
Смотрю, как, листьями шурша,
Среди вселенского разбоя
Бежит спасенная душа.

Воробей

— Вора бей! — кто-то крикнул впервые,
Когда серая птичка-мала,
Залетев по весне в кладовые,
Из амбара зерно унесла.

— Вора бей! — кто-то крикнул повторно,
Когда серая птичка-мала
Расклевала на грядке подсолнух
И собратьев на пир позвала...

И название прилипло навеки.
Желторотик покинет гнездо,
Сядет где-нибудь в сквере на ветке,
А — ему: — Воробей!..
А за что?

А за что!
Несмышлениш притихнет,
Но услышит опять и опять...
Не украл, а ругают. Привыкнет.
И, конечно, начнет воровать.

Брошенная

У собаки опущены уши.
На собаке ошейника нет.
Ей не лаять охота, а кушать.
И собака выходит на свет —
Где помойка,
Где кошки ночами
Громко воют навстречу луне,
Где деревья притихли в печали...
Но собака замрет в стороне.
Нет ей места в кошачьей харчевне,
Нет ей кресла на этом пиру.
Посидит, погрустит и исчезнет
В ночь, как в черную пропасть-дыру.

Волчица

Она в селенье за полночь пришла
С голодными поджарыми боками.
Качался пар над белыми клыками,
И шерсть была от инея бела.

Как тень, переметнулась по сугробам,
И, черные глотая небеса,
Она завывала, и светились злобой
Ее полужакрытые глаза.

И так всю ночь. Пока не рассвело.
Пока не показался день во мраке.
И слушало испуганно село
Тот жуткий вой... И вымерли собаки.

Монолог волка

Я волк и тем уже отличен от собак.
Во всей округе я один остался,
Поскольку никогда я не боялся
С другой породой
Клыкасто желтых драк.
Мне смерть дано с рожденья презирать,
Я не обучен предавать породу,
И шею не могу другим в угоду
Смиренно под ошейник подставлять.
Поэтому повсюду я гоним
С остервенением, со злобой исступленной,
Но даже голодом и стужей опаленный,
Я становиться не хочу другим...
Когда ж облаивает псина запах мой
И по ушам полощет вой жакана,
В ответ оскалюсь острыми клыками,
Я гордо ухожу своей тропой.
Я ухожу в звенящую пургу,
В морозный дым, в сосновый терпкий запах
С одной мечтой — в своих тяжелых лапах
Сломать хребет проклятому врагу.
О! как я буду счастлив в этот миг!
И пес разбудит ночь предсмертным криком,
Когда ему с победным тихим рыком
Я в горло погружу горбатый клык...
Я никому не причиняю зла.
Люблю свободу.
Что же лает псина!
Пусть только выйдет сволочь из овина,
Из-под опеки сизого ствола...

Забытая деревня

Снова слякоть и грязь во дворе,
Пахнет стылой землей и навозом,
Степь молчит под осенним наркозом
И петух не кричит на заре.

Ветер песню поет об одном,
Слов той песни нигде не отыщешь,
И бредут, не спеша, в сапожищах
Мужики в магазин за вином.

Словно всё посходило с ума!
Даль подернута сизым туманом...
Мужики из граненых стаканов
Пьют вино и глядят на дома.

А дома, почернев от земли,
Веют чем-то далеким и древним,
И весь день над забытой деревней
Всё кричат и кричат журавли.

Случится час и мрак звенящий
Подступит к нам, неумолим,
И время — «Судия всезрящий»
С нас пыль сотрет и снимет грим.

Проступят лица сквозь личины,
И, временем обожжены,
Изъяны наши и морщины
Проявятся, обнажены.

И мы поймем — кто мы такие,
Когда на роковой черте
Предстанем пред собой нагие
Совсем не те, совсем не те.

И удивимся — как мы жили,
Как мы добро творить могли,
Коль столько грязи, столько пыли
При жизни на себе несли.

Колодец

Колодец вырыли, а жилу не нашли.
Сосед, от всех уединившись в хате,
С открытыми глазами на кровати
Лежал чернее матушки-земли.

Двенадцать дней он рыл колодец тот.
Соседи приходили, помогали,
И, вишь ты, неудачно как попали...
За новый браться...
Кто помочь придет?

Но он был смел и новый начал рыть.
Один. Худющий, словно с того света...
Через шестнадцать дней позвал попить —
Воды в колодце было на два метра...

Она струилась, каплями сверкая,
Когда ее он черпал из ведра,
И говорил, почти не умолкая,
А мы кивали: «Славная вода...»

Я помню всё. И если жилы нет,
И строчки заведут меня в пустыню,
Я отдышусь, смирю свою гордыню,
И рою вновь, как смелый мой сосед.

Дом одинок. Жильцы уехали.
Всё пусто и в проем окна
С внимательной душою лекаря
Глядит ночная тишина.

Как странно стало в этих комнатах!
Войдите и шагов своих
Вы не узнаете, не вспомните...
И горький дух от нежилых

Неровных стен повеет пропастью.
А ведь прошло всего два дня.
Два! Но с какой жестокой гордостью
Мой дом не признает меня...

Бабушка

Бабушка в сквере. В пальто и берете.
С бабушкой рядом вязанье в пакете.
В пальцах у бабушки тонкие спицы.
Смотрят на бабушку с ветки синицы,
Смотрят, гадают и не понимают:
Что это бабушка часто вздыхает!
Тонкие пальцы... Блестящие спицы...
Ну, до чего ж бестолковые птицы!
Бабушка вяжет для внуков. Заочно.
Бабушка носит посылки на почту.
Бабушка с почты посылок не носит...
Лето прошло и кончается осень,
В парках повяла, пожухла трава...
Внуку — девятый, а внученьке — два.
Рядом чужие играют дети,
Бабушке зябко в пальто и берете.
Солнце лучами сквозь листья играет,
Бабушка вяжет и думу гадает:
«Может, приедут, внучаток покажут...»
Может, приедут...
И вяжет, и вяжет.

Город дорог, видит Бог!
Я, служа моей отчизне,
Подарил ему полжизни,
То есть, отдал всё, что мог, —

Не оставил ничего.
У него такая хватка!
Есть в запасе три десятка —
Только тоже для него.

Он стоит в пыли веков,
Вечно юный и старинный...
Выйду в парк к Екатерине,
Укротившей мужиков!

Вся в заре огромной, алой!
О, мадам, не обессудь,
Пусть — у ног, они не малы,
Но огромны... В этом суть...

Невский, Невский! Сто путей —
Сто морщинок на ладони.
Пляшут клодтовские кони,
Пышут жаром из ноздрей!

Шеи выгнуты в дугу!
Сколько силы, сколько страсти!
Двадцать лет я им подвластен,
Ну, куда я убегу?..

Мглистый воздух над рябью багровых лесов —
Панорама с холма. Журавлиные дали.
Бродит ветер, как песня любви и печали,
Над землей и не слышно людских голосов.

Вот и снова окончен зеленый поход,
И опять до поры засыпает природа,
И над пристанью тихой гудки парохода
Созывают к отплытью последний народ.

Я к причалу спущусь желтой тропкою узкой,
Где опавшей листвою протока рябит,
Где торжественно так, и красиво, и грустно
Пароход, словно лебедь, трубит и трубит.

Навсегда распрощаюсь с бревенчатым краем,
С белым домиком возле огромных берез,
Где казалась мне жизнь удивительным раем,
Где мне было легко и печально до слез,

Где писались слова и свободно и просто,
Где меня средь затопленных старых корней,
Конопатая Ольга метрового роста
Обучала ловить на блесну окуней.

Октябрь

Пожалуюсь коту на одиночество,
Достану из стола черновики,
И станет что-то тайное ворочаться
В душу моей, как в омуте реки.

На бакене огонь, как отражение
Больной звезды, пробившейся сквозь мглу,
И непременный дождь, как приложение,
И мотылек, прибившийся к стеклу, —

Все атрибуты камерной поэзии...
Кончается октябрь, в моем лесу
Сошли грибы, и десятью болезнями
Болеет дом на каменном мысу.

И ставни в нем, и двери заколочены,
Вверх дном ведро одето на трубу,
Калитка настезь и бурьян всклокоченный...
Я там пытал и не достал судьбу!

Я упустил жар-птицу. Все уехали.
Я опоздал, теперь себя кляню.
Октябрьский ветер кедровыми орехами
Швыряет в низкорослую сосну:

— Она вернется! — Верую в пророчества...
— Она вернется! — Я готов страдать,
Читать стихи коту про одиночество
И ждать весну. О, я умею ждать.

Луг с метелками конского щавеля.
Ночь. В такую же ночь у костра
Каин сталью ударил Авеля,
Точно зная, что сталь остра.

И обрызганный кровью Авеля,
Опасаясь гнева отца,
Он бежал и метелки щавеля
Кровь сбивали с его лица.

Становились от крови красными,
В землю сыпали семена...
Бродят каины тропами разными
Мне же помнится та, одна —

В росных травах (сквозь ночь кромешную),
И под звездами, зрима едва
Тень убийцы и треплются грешные,
В кровь испачканные рукава...

Выйду в августе в луг некошенный,
На траве росяная пыль,
Щавель красный и семя сброшено,
Значит, был и опять убил.

Старый бакенщик

Он каждый вечер, не спеша, к воде
Спускался по настилу, как на праздник,
С прокуренною трубкой в бороде
И парой весел синевато-грязных.

Быстра в реке тяжелая вода.
Он веслами работал неустанно
И выплывал, как призрак, из тумана,
Когда зажжется первая звезда.

Он по настилу уходил во тьму,
Туда, наверх, к притихшей деревушке.
Всю ночь горел огонь в его избушке,
Видать, с огнем спокойнее ему...

И видно было далеко с воды
Всем тем, кто совершает путь во мраке, —
На отмелях мерцающие знаки,
И свет в окне... На уровне звезды.

В кармане нету ни рубля,
Ни двушки нет — для телефона.
В глуби трамвайного вагона
Живу.
— Ну, как ты там, Земля!
О чем печаль твоя, забота,
Легко ль болтаться на оси?
В окно смотрю — такси... такси...
И даже думать неохота.
Из города уеду в лес,
К реке уеду и бруснике,
Там каждый муравей — великий,
Как будто чудо из чудес!
В брусничник навзничь упаду,
В кармане — ни рубля, ни крошки!
Подставлю солнышку ладошки
И словно миллион найду.
И присмирю как-то сразу,
Замру, беззвучие храня,
И муравей огромным глазом
В упор посмотрит на меня.

И радостно, и грустно в этой жизни...
Проселок, не дорога — маета.
На радуге сверкающей повисли
Две деревеньки: наша и вон та,
Что за холмом упрятана пока.
Наш хилый газик тянется к кювету,
Грызет шипами влажную планету,
А в воздухе сыром — ни ветерка...
Сползли в кювет — и рассуждай о смысле!
Толкай плечом, дерись за каждый шаг,
И удивляйся — надо ж как повисли!
И огорчайся — надо ж грязно как!

Так и живу — люблю, работаю,
Пишу свои черновики,
Смотрю на зори над болотами,
На белый бакен среди реки.
Хожу на птицу королевскую —
Проворных серых дупелей,
Со всеми грязь топчу библейскую
На тихой улице моей.
Латаю крышу, ставни делаю,
Вбиваю клинья топором,
И ежегодно в ночи белые
Хочу покинуть этот дом
С его укладом и окладом —
Забуть бы всё, закрыть глаза,
К реке спуститься тихим садом,
Глаза открыть... и паруса!
И чайка за кормой летает,
И серая кипит вода,
И я под парусом не знаю —
Зачем пришел, плыву куда?

На кладбище

Здесь мысли удивительно чисты.
Здесь друг и недруг поселились рядом...
С дерев стекают желтые листья
На ветхие и новые кресты,
И падают неслышные к оградкам.

Как будто вечность смотрит на меня
Начерченными косо именами,
Но время, как надежная броня,
Пока еще не пустит к ним меня,
Еще зияет пропасть между нами.

На фотографиях — то юный, то седой...
Среди могил, ухоженных с заботой,
Возникнет ров, заполненный водой,
Возникнет крест, укрытый лебедой,
И станет очень грустно отчего-то.

Брожу по тропкам и смотрю, смотрю.
Всё не могу с увиденным смириться.
«Ну, как же так?..» — беззвучно говорю...
А в небесах уходят на зарю,
Курлыкая, встревоженные птицы.

И вдруг услышу в тишине святой:
«Что смерть? Предел, к чему приходит каждый...»
Вот только ров, заполненный водой,
Вот только крест, укрытый лебедой,
Всё остальное, в общем-то, не страшно.

Предосеннее

Дождь. Земля задохнулась последним теплом.
Задымились кустарники возле обочин.
Машет солнце подрезанным рыжим крылом
И становится видно, как день укорочен.

Месяц август. Прозрачнее в речке вода.
Утомленное небо прохладней и ниже,
И спокойнее росы, и чище звезда,
И родное — роднее, а близкое — ближе...

И смотрю я с подворья, под крики грача,
На покорное стадо в лугу за домами,
Где скворцы, табунясь и беззлобно ворча,
На коровах катаются целыми днями.

Ну, куда на корове уедешь, скажи!
Пять километров в час не движение — отдых,
И скворцы это знают и пробуют воздух,
И со свистом крутые кладут виражи.

Месяц август и рыж, и шумлив, и вихраст.
Но кончается он, и живу я в тревоге,
Что осенняя Муза уже на пороге,
Вот без стука войдет и печали предаст.

Игра

Учебник шахматной игры.
Он весь загадками пропитан.
Я, как и все, на нем воспитан,
Живу неясный до поры.
Меня понять еще нельзя,
На что я ставлю, атакую, —
На всемогущего ферзя
Или на пешку проходную?..
Но Время смотрит на Весы,
И всё на свете подмечает,
И маятник судьбы качает
Моей, и двигает часы.
И грузно дышит за спиной,
В пути меня сопровождает,
Ходов моих не осуждает,
И не беседует со мной.
Лишь усмехается порою,
Мои тревожа вечера,
И кажется смешной игрою
Вся эта жалкая игра.
И страшно мне —
Что, если вдруг,
Когда чужие вскрыю фланги,
Цейтнот сразит мои фаланги
И выпадет король из рук?..

Боже мой, неужели теперь
Это всё позади навсегда,
Неужели никто никогда
Не прошел эту жизнь без потерь?

Хорошо бы, конечно, в пути
Не терять, а всегда находить,
И находок повозку катить,
И безопасно веселым идти,

И не видеть морщины у глаз,
И не знать, что седеет висок,
И что время проходит сквозь нас,
Как живая вода сквозь песок...

Осенние листья

Объятые пламенем клены и вязы.
Последние дни отшумевшего лета.
И солнечный шар, будто нитью привязан,
Всё ниже скользит над остывшей планетой.

Опавшие листья — обрывки поверий,
Что где-то остались в анналах былого,
И каждый, входящий в багровые двери
Осенней поры, умолкает сурово.

В пустеющем парке, как в сумрачной зале,
Где каждый вошедший тоскует о воле,
Где, скверно играя, в тревожном финале
Мы вдруг забываем нам данные роли.

Мы помним — как нужно, и всё же в итоге
Откроем свои сокровенные мысли,
Но ветер, сорвав с наших губ монологи,
Сомнет их и спрячет в опавшие листья.

Он всё перекрутит в свистящем порыве,
Слова ломает, запутает фразы...
Ну, кто их найдет в этом жутком архиве,
Какой многорукий,
Какой многоглазый?..
А дворник весною, не зная об этом,
Граблями сгребет потемневшие листья,
И ночью сожжет,
И развеет по свету
Прекрасные наши крамольные мысли.

Алей река

Другу моего детства
Ивану Ворожбитову

Постояли над омутом
И ушли в эту жизнь...
Сердце болью затронуто —
Задержись, оглянись.

Помнишь — время нас мучило,
Помнишь — верили мы,
Вот от этой излучины
Уходя за холмы,

За родимые пажити,
Сквозь белесый рассвет...
Может, счастье и нажито,
Может, вовсе и нет.
Сколько нами протопано
С крепкой верой в успех,
И бесстрашно поломано
И закопано вех.

Не у каждого сладилось.
А обиды не в счет.
Чтоб корявое сгладилось,
Много рек утечет,

Много веры порушится,
И людей... Без числа!
Но в конце обнаружится —
Жизнь прекрасной была.

За синими горами

Не говорю, что точно, но, примерно,
В той стороне, там, где встает луна,
За синими горами есть, наверно,
Прекрасная и добрая страна.
Там зреет рожь, там пахнет повиликой,
Там у затонов чахнут камыши,
Там в зарослях дремучей ежевики
Известно о бессмертии души.

Там помнят всех и помнят обо всем,
Там каждый куст излечит от тревоги,
Там около задумчивой дороги
Стоит, наверно, очень старый дом.

И в доме том по вечерам пьют чай
За столиком с клеенкой голубою,
И стены в нем, наверно, без обоев,
И в рушниках угодник-Николай.

Там под окном еще грустит ветла,
И женщина встает там очень рано,
И я однажды брошу все дела,
Поеду и спрошу:
— Ну, как ты, мама?..

Почернела душа — ни уйти, ни уснуть.
Тают льды, обнажая весь ужас пространства.
Кто меня обманул, наставляя на путь,
Обещая мне счастье с таким постоянством?

Я читал эту книгу и верил в нее.
Сколько правильных слов мудрецы и калики
Изрекли для меня, сколько мыслей великих
Я открыл и поверил, что это мое.
Верил каждому слову и каждой строке...
Сколько грязи плывет по весенней реке!

Я приветствую этот вселенский разбой...
Ни креста, ни отметки на тайном погосте.
Кто забытый еще к нам пожалует в гости,
Мы еще не скорбели над чьей судьбой?

Ой, ты, Родина-мама, слепые глаза!
Есть ли пятна печальней в прошедших эпохах?
Сколько лет бушевала над нами гроза,
Сколько правды погребло в беззвучных сполохах.

Открываю завесу, и стынет душа —
Как мы выжить смогли, всё дробя и круша?

От обиды и боли сходили с ума.
Безысходность страшнее, чем «высшая мера»,
И спаситель Христос покидал их дома,
И с Христом уходила последняя вера,

И сочились минуты, как годы в плену,
Где ни капли надежды на каплю удачи.
Кто-то сильно молился за эту страну,
А иначе — ну, как! — не представлю иначе,

И дорогу, что мне указывает Рука,
Я единственно правильной вижу пока.

А душа почернела? На то и душа,
Чтоб гореть от стыда и чернеть от обиды,
Может, чья и спокойна, выдавшая виды,
А моя так болит, словно в час мятежа,

Словно в час урагана, как челн — по волнам,
Оторвалась от суши и молится Богу,
И предчувствует трудную нашу дорогу,
И трепещет — Христос возвращается к нам!

Почему же со всеми навстречу судьбе
Я шагаю не в ногу, а сам по себе?

Друган, давай поураганим,
Вина попьем, похулиганим,
Раскинем новую игру
Колодой старой. Слышал, будто
Был в Азии правитель Бхутто —
Вот, говорят, играл в буру!

В парче, алмазах и при власти,
Он выезжал на черной масти:
В покои призовет господ —
Есть игроки и в ихней вере —
Проверит пули в револьвере,
А после золото гребет.

Плесни винца, друган, разложим
Пасьянс, о счастье поворожим,
Нам карта с детства не врала,
И выручала — с кона, статья,
Не золото — откуда взяться! —
Но медь советскую брала.

В кино водила... Геловани,
Брижит Бардо, портвейн в стакане,
И танцы, и опять игра.
К чему нам формулы ньютонов,
Коль нас морочил дух притонов,
Хрущевок хруст и масть — бура!

А счастья нет. Давно известно,
Поскольку в мире очень тесно,

Оно прошибло небосвод,
Как нечто легкое. От веку,
Когда идешь зимой на реку,
Что видишь в проруби? Так вот —

Пасьянс не может разложиться,
Хоть мы учимся божиться,
Прикапывая мед в елей...
За картой карта, стычка, драка,
Как много королей, однако,
Пасьянс не любит королей.
Плесни винца. А что? Обидно —
Искали счастья и... не видно.
Стара колода, может быть.
А, может быть, мы сами стары...
Куда-то вбок ушли Стожары,
И из Ковша уже не пить.

Он опрокинут. Сыплет звезды.
Куда? Конечно, на погосты.
Достоин каждый на Руси
Своих отметин — вышних, горних.
Так много ныне беспризорных
Крестов, что — Господи, спаси,

И сохрани седых и малых...
Налей полней, сведем бокалы.
Пасьянс, дружище, не в чести.
Но выход есть: в хмельном тумане
Раскрутим пулю в барабане —
Должно ж кому-то повезти.

Памяти брата Ивана

...Мне всё кажется — дверь откроется:
— О, братишка, ну, как ты, жив?
Не забыл ли, ведь завтра Троица...
Голос искренний твой — не лжив.

Утро чистое, небо строгое,
Молодая листва дрожит,
И бредем мы, пыля дорогою,
На илбан, где отец лежит.

— Знаешь, брат, что-то сны тревожные,
Словно хмелен я без вина...
Нам одна с тобой подорожная,
И печаль на двоих одна...

Отмолилась и стихла Троица.
Скоро новая на дворе.
Мне всё кажется — дверь откроется...
Только умер ты в декабре...

Снова утро и небо строгое,
Взять в попутчики мне кого?
И бреду я, пыля дорогою, —
Нету рядышком никого.
Я не стар еще, мне хватает сил,
Почему ж на кургане, здесь,
Упаду в траву между двух могил —
Есть ли место мне?
Место есть...

Под напевы реки, у высокого края,
Где звезда по дуге упадает, сгорая,
Где кривой горизонт и березы кривы,
Я бродил пацаном, шалопаем бездомным,
Объяснялся в любви деревенским мадоннам,
И на зорях литовкою столько травы
Повалил. Куликовское поле! Не меньше.
Чистотел ли, татарник... И было не лень же
Хороводиться ночь и мотаться в луга,
Чтобы вволю натешиться острою сталью,
Чтобы видеть потом журавлиную стаю —
Как летит, задевая крылами стога!..

Ой, стога! Высоки! До луны, до звезды!..
По утрам у коровы слюна из слюды
Повисает с губы, и пахучим настоем —
Молоком да прожаренной солнцем травой —
Как дохою, накроет меня с головой...
И припомнятся ночи с далекой верстою,

И роса, и дышащий туманом Алей,
И высокие трубы седых журавлей,
И тугие отавы, и кони на броне...
Неужели всё это прошло, протекло,
И не склеить разбитое это стекло
Никому. И душа, словно кость к непогоде,

Так болит...

За окном минус сорок.
То ли сон, то ли морок.
Плавит наледь старинный пятак.
На сугробах России
Мерзнут гуси босые —
Две гусыни и старый гусак.

Горизонт — чернолесье.
Дым прямой в поднебесье.
Скрип полозьев за дальней верстой.
Выдь на улицу — пусто.
Гуси белые. Грустно.
Воздух густ, как свинцом налитой.
Лезет холод за ворот.
Тяжек старенький ворот.
Мрак в колодце — замри, не дыши!
А пимы — неудобье,
Черный сруб, как надгробье,
И не видно нигде ни души.
После — разве что — гуси
Скажут тете Марусе:
Мол, ведро вынимал голубок...
Ах, вы, страсти мордасти!
Я не верю в напасть, и
Не боюсь, что колодец глубок!

Этой улицей прямой, как стрела,
Отъезжаем мы в луга на покос,
И, покачиваясь в такт, удила
Тихо булькают под скрипы колес.

А на улице еще ни души,
А за улицею луг до реки,
Где туманы, как тулупы, больши,
И таинственны, как все старики.

А за лугом, за рекою илбан,
Где садились по весне журавли,
Где когда-то богатырь Еруслан
Мял шевровым сапогом ковыли.

Мне всё кажется, что я не расту:
Прижимаюсь, примеряюсь к отцу...
А колеса подминают версту,
А верста хоть и длинна — да к концу.

Пророчество

Зорят гнезда. Здоровый мужик и ребенок.
Разбрелись, между ними — шнурок-тетива,
И — по травам, как неводом. Утка спросонок
Обязательно вылетит — вот, голова! —
И гнездо обозначится... Теплые яйца...

— ...ты чему его учишь, скажи, борода?
Твой пацан к сорока перестанет смеяться,
Вот попомнишь... — Сказал и исчез навсегда.

Кто он был этот Некто, из облака, что ли?
Из росы? Из тумана?.. Не всё ли равно —

Мужика уже нету. Распахано поле.
Да и уток все меньше. И сорок давно.

В мире этом кривом и убогом
Мне отпущено Господом-Богом
Пять десятков, а может быть, шесть.
Я живу, причащаюсь словами,
На еду добываю делами,
Неподсуден, судим ли — Бог весть.

Я встаю до зари с петухами,
Закрываю тетрадь со стихами,
Чтобы вечером снова раскрыть.
Плащ набросив небрежно, как тогу,
Я потом выхожу на дорогу,
Чтоб куда-то спешить и спешить.

Мимо окон и старого сквера,
Мимо бабушки с именем Вера,
Мимо деда с кликухой Кощей,
Мимо урны — от ветра? — упавшей,
Мимо площади, пивом пропахшей,
Мимо синих друзей-алкашей.

Не сужу. Да не буду судимым,
Потому что — не хлебом единым!
Пиво тоже кому-то еда.
Я иду и иду по дороге,
Устают и не слушают ноги,
И ведут неизвестно куда.

День за днем, год за годом, по кругу.
Я до мелочи знаю округу,
Я завод заучил наизусть.
Жизнь моя, моя боль и отрава!
Всё едино — налево ль, направо:
Что ни клин, то библейская грусть.

Я вступаю в ненужные споры,
Я считаю, что выстрел «Авроры»
Не такая большая беда.
Ну, подумаешь, парни пальнули.
Почему б не пальнуть, коль гульнули,
Жаль, осколки летят сквозь года.
Видно, мне и досталось металла
От снаряда того, и устало
Сердце тикает службу свою,
Потому что подточено ржою.
С этой примесью горькой, чужою
Как высокую песнь пропою?

Вот не знаю. Пою и не знаю.
Каждые вечер тетрадь раскрываю.
Гляну в зеркало — радость в глазах.
Почему ж, до зари просыпаясь,
Заправляя постель, удивляюсь —
Отчего вся подушка в слезах.

Не проклянй тот час, когда меня не станет.
Но будет утро. Любо на заре
Седой старухе в черном сарафане
Бродить с косой на диком пустыре.
Коси, карга, но не сбивай до срока!
То должно умереть, что отцвело.
И пусть кричит встревожено сорока,
И вскидывает бусое крыло...

Не задержусь над холодной постелью.
Я вновь вернусь для радости иной
Веселую сосной, иль сумеречной елью,
Хотелось бы, конечно же, сосной!

Взбежать на холм и к небу прислониться!
И не жалеть, когда народ в леса
Придет с ножами и моей живицей
Голодные наполнит туеса.

*И Люксембургский, в частности?
Сюды. Забрел я как то...
И. Бродский*

Пронзительна сентябрьская смелость!
Еще вчера — зеленые плоды,
А нынче столько снегирей расселось,
Что изогнулись арками сады,

И я вхожу сюда, верней, сюды,
Как одному за океаном пелось,
Не потому что слова не имелось,
А потому что капелька звезды

С ресниц упала на стихотворенье,
И так легко образовалось «ы»,
Что эту легкость наблюдая, мы
Измучены. Но только на мгновенье.

Родная речь. Отечества дымок...
И все. Конец. И щелкает замок.

...И приснится однажды... Как вы сны глубоки!
Так бывает от жажды, да еще от тоски.

Потому что далёко, далеко-далеко,
По стране синеокой и светло, и легко

Бродит солнце кругами средь осоки-куги,
И садится на камни возле синей реки.

А потом вечерами просто так, задарма,
Золотыми лучами освещает дома...

Я вернусь к этой речке, к этим избам-домам,
К этим темным крылечкам и высоким дымам.

Там в ковыльном разгоне, позабыв про узду,
Одичавшие кони пьют росу и звезду.

Там девчонка Елена так легка на бегу!
Там оса по колено тонет в дынном соку,

И несказанно просто полыни да кусты
На далеких погостах среди той чистоты

Верой-правдою служат деревянным крестам,
И бездомные души не встречаются там.

Март

Когда о том пришло известье,
Сосед по нарам, Колька Штырь,
Кричал, гремя совком из жести:
— Опился кровушки упырь!

— Опи-ился!.. — И гулял впрысядку.
Барак смотрел и замирал.
А он, блажной: — Даешь трехрядку! —
Орал и так перебирал

Святых, что иней стыл на звездах,
А за распадком Саюн Цы
Колы качнулись на погостах —
Зашевелились мертвецы.
Видать, и мертвецам хотелось
Коснуться радости такой,
И Кольку похвалить за смелость:
«Ай, парень, молодец какой!..»

Но был мороз, хоть пахло мартом,
И волчи свадьбы на бегу
Отметки ставили с азартом
У тех колов и шли в тайгу.

А из тайги слетались души
К местам своим со всех концов...
Земля, проколота стужей,
Не отпустила мертвецов.

А утром Штырь и не умылся.
Вошел конвой во всей красе...
А мы-то думали — опился.
А там ее хлебали все!

А там, в Кремле, под звон капли
Справляли тризну егеря...
Как пахла порохом заря...
Кто заложил тогда Штыря,
Мы не узнали. Не сумели.

Возвращаюсь в страну, из которой бежал,
Надышась заграничную гарью. Эпоха
Золотая моя без упрека и вздоха
Умудрилась меня завалить без ножа.

Распластала, как будто свинью перед праздником,
И, мешая с зарею снега ноября,
Залила моей кровью свои прохаря
И ладони отерла замызганным ватником...

Как я верил тебе с горькой страстью раба!
Я сосал твоё вымя под звездами синими
И считал, что все страны зовутся россиями.
Оказалось — Россия одна, как судьба.

Как судьба! И куда бы ни шел — не уйти.
Сотни раз убежать и назад возвращаться.
В этом замкнутом круге по кругу вращаться,
И шептать сокровенное слово — прости.

Ты простишь меня, Родина. Я не при чем.
Я готов заплатить этой жизнью прекрасной
И за то, что обманут твоим кумачом,
И за то, что раздавлен звездой ужасной.

Я покорен в любви. А неправде твоей
Есть предел, как картежнику с картой крапленой.
Хоть звезда в Вифлееме намного видней,
Я ее не заметил, иной ослепленный.

Как тавро над могильной зубчатой стеной,
Кровяная блатная бандитская штука.
Роковой оказалась, однако, наука.
Даст Господь — и не станет ее над страной.

И тогда мы вернемся к тебе навсегда,
Все изгой твои, беглецы и калеки,
И заплачем от счастья, любви и стыда,
И поможем тебе, и пребудешь вовеки.

...И вновь стихи. Я слышу их мотив.
Так знает автор тайну слов в конверте.
Так помнит режиссер все кадры в ленте,
Отснятой и запрятанной в архив.

Они живут, как дождь, как облака,
Как времена, отлитые в века.

Я каждый вечер прихожу сюда,
Кручу кино, пока всё спит на свете.
При лампе в сорок ватт, в ее щадящем свете,
Я вынимаю кадры из «тогда» —

Из точки на обоях, на стене,
Куда дано проникнуть только мне.

Я режу ленту, заново крою,
Переставляю даты и события,
И воскресает всё, что мог забыть я,
И жизнь мою, как будто не мою,

Я вижу вновь. Из прошлого огня
Она зовет в грядущее меня.

Как будто звук, к которому привык,
Пройдя по залам меж столов и стенок,

Вдруг приобрел неведомый оттенок,
Какой и не придумает язык...

Чем я, Господь, себя не оправдал —
Что слухом наделил и зренья дал?

Зачем мне нужно в свете сих свечей
Смотреть за горизонт и слушать, слушать,
И прежде, чем создать, сто раз разрушить,
И, трудно постигая суть вещей,

Почувствовать единственное то,
Что не умеет чувствовать никто.

И всё же я судьбу благодарю
За все мои страданья и мытарства.
Прекрасен конь и хороши полцарства!
Но за коня и царство подарю:

Но чтобы обязательно гнедой.
О двух крылах. И чтобы со звездой!

Когда Иван красивый свой баян
Раздвинет над сентябрьской рекою,
К чему мне тот Бетховен Людвиг ван
С запутанной фамилией такою.

Иван ясней, и мне с Иваном проще.
И слушают, застыв на берегу,
Тяжелый бор и маленькие рощи
Высокую российскую тоску.
Покину дом и выйду на крыльцо,
И засмотрюсь в таинственную темень,
И всем нутром почувствую, как время
Затягивает жесткое кольцо.

И никуда не деться из петли,
Дороги нет, и нету малой тропки...
Играй, Иван, топи сильнее кнопки,
Уже вот-вот заплачут журавли.

Уже лососи будоражат устье,
Уже брусникой вырубки красны...
Играй, Иван, давай напьемся грусти
И, может быть, дотянем до весны.

Хорошо мне в моей избе:
Окна с видом на горизонт;
Мокрый петел на городьбе
И три яблока на вербе.

Дед когда-то давно чудил —
Черенок на вербу привил,
И прохожий, за городьбу
Взявшись, смотрит на ту вербу.

Так заглянет и так зайдет,
Ствол потрогает: нет — верба!
И, качая башкой, пойдет...
Хороша у меня изба!

То ли думал дед, то ли нет —
Я живу в избе сорок лет,
Сам люблюсь на ту вербу.
Никому не продам избу.

То ли червь земляной,
То ли глаз слюдяной,
То ль подворье звездами разоткано.
Заглядишься во мглу —
Ан, башка на колу,
Приглядишься — подсолнух и только-то.

А уже в голове,
Как тепла в рукаве,
Столько мыслей дурацких заверчено.
Вот, перо не возьми —
Пролежишь до восьми,
А с восьми — разве сон, жди до вечера.

Только вечером вновь
Та же боль в ту же бровь;
На дворе серебра навезенного!
Выпь кричит за рекой,
Как дозорный, с тоской,
И подсолнух похож на казненного...

И, предавший тебя в горьких пьянках, в гульбе,
Я ползу, как собака на брюхе, к тебе.

Как на Страшном суде ты предъявишь мне счет.
Но повинную голову меч не сечет.

«Не сечет...»

Это, если Судьей решено...

Я ослеп, я не вижу. И просто темно.

Вот стою пред тобою, как вор пред людьми.

Что ж не рубишь, ведь снова сорвусь, черт возьми...

Я не верю в судьбу, не пытаю судьбу.
Вот еще один год — словно сажа в трубу!
Это кто ж кочергою там угли ширяет?
Распахнул поддувало, а тяга сильна!
Из трубы в черном космосе дырка видна:
Не в нее ли однажды душа отлетает?

Бросит грешное тело, как житель избу,
Пролетит вместе с хлопьями сажу в трубу,
И, наверно, испачкает саван Господний.
И к созвездию Рака, поскольку я — Рак,

Поспешит, огорчаясь: «Ах, парень дурак,
Сдох бы раньше, дорога была бы свободней.

А теперь, сколько их — Близнецы да Тельцы...
Жили-были, и вот обрубили концы...»
Я не верю, что души цепляют друг друга.
Я не верю, что тесно в космической мгле:
Космос — это простор, это не на земле,
Где мы вброшены в круг, и не выйти из круга.

Я не верю в судьбу, я ее не молю,
Я ножовкою обруч мой ржавый пилю,
Да смотрю на песок и листки обрываю.
И на мир, что во мне, предъявляя права,
Я пишу на стене золотые слова
И строку самогоном кругым запиваю...

Ой, ты, Боже еси, призови и спроси:
Сумасшедшие есть ли еще на Руси?..
Я отвечу, что есть, потому что я знаю.
Потому что я вижу — в таком же окне
Тусклый свет, значит, кто-то и там на стене
Пишет слово и пропасть обходит по краю.

Да случится!
И станет, и будет спасен,
А не просто летучим песком занесен,
И другой, и еще, и совсем неизвестный.
Значит, тем и живем, значит, и потому,
Раздвигая руками тяжелую тьму,
Мы однажды пройдем над грядущею бездной.

Пчелы — желтые свечки,
На оборках пыльца.
Все танцуют от печки,
Я пляшу от крыльца,
А, вернее, от улья.
А точней, от летка...

Золотая колдунья
С золотого цветка!

Поднималась кругами
По росе, по заре.
Прилетала с крылами
В золотом янтаре.

Танцевала-кружила,
Что устала — не в счет,
Чтобы знали, где жила
Золотая течет:

— За рекою, за лугом,
В ежевичной стране...

Рассказала подругам,
Проболталась и мне.

В ноябре

Подходит эпоха интриги —
Метельных больших похорон.
Давай погрустим в этой риге
Под крики осенних ворон.

О чем они грают и скачут
На мокрых от неба лугах,
Наверное, что-нибудь прячут
В растрепанных рыжих стогах.

И прячут, и скачут, и грают
У каждого стога-шатра.
Посмотришь — как будто играют,
Присмотришься — нет, не игра.

И хочется крикнуть, ей-богу,
И я это сделать могу:
— Запрячьте вы нашу тревогу
В каком-нибудь дальнем стогу!

Но только напрасны усилия,
Слова пролетят стороной...
А тучи, как черные крылья,
Плывут над моею страной.

Плывут над заброшенной ригой,
Плывут над забытым селом
Какою-то жуткой квадригой
С морозом под каждым крылом.

Шумит сосна, качает непогоду,
В окно глядит сырой вечерний мрак.
Как не любить мне русскую природу,
Как не любить березовый очаг.

Дрова трещат, чуть пахнет берестюю,
Не ярко светит лампа на столе,
В трубе гудит... С такую красотюю
Готов прожить три жизни на земле!

Пусть этот вечер будет мой и только,
Пусть для меня шумит моя сосна,
Пусть воет ветер жалобно и тонко
Всю эту ночь у моего окна.

И пусть меня печалит и тревожит
И ветра вой, и этой ночи тьма,
Я буду ждать упрямо, и, быть может,
В мой дом войдет поэзия сама.
Она войдет без стука, осторожно,
Она войдет, неспешно, не дыша,
Но я пойму — мне станет вдруг тревожно,
И заболит, замечется душа...

Шуми, сосна, качай в ночи ветвями,
Гори, огонь, не угасай, гори,
Плачь, ветер, плачь над мокрыми лугами,
А ты, душа, негромко говори.

И не снег на лугу, не лебеди...
Клочковатый апрельский туман
По утрам, словно белое в неводе,
Подступал с понизовых полян,
И весенняя поляя, темная
Растекалась вода по земле.
И встающее солнце огромное
Отражалось в оконном стекле,
Что светилось, как печь перед выпечкой...

За селом на илбан поднимусь,
На вершине привстану на цыпочки
И горящего солнца коснусь.
Подержу алый шар над деревнею —
Эта вечная жажда огня! —
И ворона, как родина, древняя,
С высоты поглядит на меня,
И, крылами огромными хлопая,
Захрипит в заревой окоем...

Может, знает, а, может быть, пробует
Всё узнать о грядущем моем.

Шесть утра — и в переулке
Заскрипела ось во втулке.
Пахнет солнцем. Здравствуй, день!

Сон еще тягучий, сладкий;
Говор утренней касатки;
Покосившийся плетень...

Вот оно — мое, родное,
Вечное, не проходное —
Цок подковы, удила,

Росами пропахший воздух,
Жеребца тяжелый роздых
И — рассвет в конце села.

Российские скупые дали.
Светло и горестно глазам.
Давай начнем с горизонтали
И, может, выйдем к небесам —

От тех бугров, от тех строений,
От безнадежного шмеля,
Что пробует цветок осенний,
Сухим крылом не шевеля.
Он мудр, он прожил Спас медовый,
Он тайно пересек черту,
И он уже почти готовый
Упасть и кануть в пустоту —
На землю нищую, нагую,
В бурьян ее и семена...
Но трогает струну тугую,
И отзывается струна.

Она еще пока живая,
Еще басовая, пока
Седая туча дождевая
В поля не выронит снега.

Слышишь, птицы кричат. Это осень зовет.
Как прощальный сигнал, как последний наказ.
Всё, что временным было, уходит в полет,
Поселяя надолго тревожное в нас.

Здравствуй, осень, я твой! Я тебя признаю.
Вот ладони мои, на, веди за собой
Сквозь дождливые дни, но тревогу мою,
Я прошу тебя, сделай моею рабой.

Чтобы стало светло у меня на душе,
Чтобы боль отошла, показалась — легка.
Чтобы сердце мое на крутом вираже
Удержало меня. Ну, хотя бы пока...

Из детства

И снег, и сено, и дорога.
Скрипят полозья на снегу.
Луна горбата и двурога.
Луна похожа на дугу.

Сижу на пуповине воза,
На самой маковке сижу.
Лицо спасаю от мороза —
В голицу мерзлую дышу.

А — ветер... Северяга ветер!
Ночной дороге нет конца.
И в лунном омертвевшем свете
Блестят подковы жеребца.

Мерцает наст, играют блики,
Переливаясь и звеня.
И звезды, как немые лики,
С небес взирают на меня,

И нависают ниже, ниже...
И я себя на том ловлю,
Что небо это ненавижу.
Но выживу и полюблю.

Тепло рукавицы и волчья пола,
Пахучее сено, широкие сани,
И медь на дуге где-то под небесами,
И хруст под копытом острей, чем игла.

Бегущий за кем-то, зовущий кого-то,
Февраль облизал языками сугробы,
У солнца столбы золотые — ворота! —
Распахнуты тоже и нет горизонта.

Всё слито в едином... Вези меня, чалый!
Я знаю — там ждут нас — ворота раскрыты,
И щи притомились, и стопка налита,
И меру овса засыпают в корыто...

На теплой губе оплывают снега,
Молчит вороной и на вьюгу косится.
Четвертые сутки — слепая пурга,
Четвертые сутки домой не пробиться.

Я знаю дорогу, я брошу коня,
Я помню отметки — столбы верстовые...
Мой конь изумленно глядит на меня —
Живыми глазами в глаза неживые.

Не плачь, мой товарищ... Попоной укрыт,
Я грею ладони в паху его жарком...
Пурга потрясает большим полушалком,
И стог наматает, и стонет навзрыд.

Мы рядом замерзли. Душа весела
Его — на лугу, а моя — у села.

А дому так хотелось жить,
Но в доме всё сложилось плохо,
И заросли чертополоха
Подворье начали глушить.

Ушла собака со двора,
Ушла тайком, ушла стыдливо,
И за околицей тоскливо
Облаивала вечера.

И по селу прошла молва,
Что в доме жить никто не будет,
И приходили к дому люди,
И дом ломали на дрова.

А он зашторенным окном
Смотрел на этот мир бродячий,
Но было то окно незрячим,
Как глаз, затянутый бельмом.

Лишь по ночам в проем дверей
Неслышно кошка проходила
И в доме том мышей ловила
По старой памяти своей.

Откуда знать могла она,
Что человек живет до срока,
Что у разбитого порога
Бурьян осыпал семена...

Когда ущербная луна
Взойдет над черным пепелищем
И степь раздвинется, видна,
Я вижу ясно из окна,
Что кто-то бродит близ жилища.

Уже какую ночь подряд
Он под мое окно приходит,
Одетый в сумрачный наряд.
И замороженный мой взгляд
Следит за ним и не находит

Его следов... Что ищет он,
Мой гость загадочный и странный,
Когда над миром правит сон,
Когда с холмов со всех сторон
Ползут колючие туманы?

Что носит он в душе своей,
Какую тайную тревогу,
Какую боль прошедших дней,
И к тихой пристани моей
Кто указал ему дорогу?

Что общего меж ним и мной,
Что вместе нас соединило
В степи заснеженной ночной
Под этой острою луной,
Какая страсть, какая сила?

Зачем в минуту забытья
Мой дом покажется мне гробом:
Как будто жизнь прошла моя,
И за окном не он, а я
Брожу по голубым сугробам.

Я покину мой дом навсегда —
Что мне делать еще остается...
Будет с неба струиться вода,
Будут ветры шуршать у колодца.

Старый тополь у наших ворот
Мне помашет ветвями кривыми,
И подсолнухами золотыми
Мне поклонится вслед огород.

Я пойду по-над тихой рекой,
Там, где солнце гуляет в забоке,
Где над шапками рыжей осоки
Машет чибис крылом, как рукой.

Чалый мерин больной и седой,
С потемневшими чудо глазами,
Мне в ладони уткнется губами,
Как в корыто с прохладной водой.

Будет кулик стонать на косе,
Раскричатся тревожно сороки,
И пшеница у старой дороги
Будет что-то шептать в полосе.

И уже на вокзальном кругу
Я от мысли простой онемею,
Что без родины жить не сумею
И остаться я здесь не могу.

От рожденья строй не люблю,
Но иду в строю и терплю.
И со всеми ногу тяну...

За какую, Боже, вину?

Высоко тяну, высоко!
Но с ноги собьюсь — и легко!

Неужели это — судьба —
Убивать по капле раба?

...И хлещет дождь по мостовой,
И крыша есть над головой,
И в форточку не задувает.
Струится дух от батарей —
Садись к теплу и кости грей,
И слушай — Время убывает:
Тик-так, тик-так, вперед, вперед...
Единственное, что не врет!
За тайной тайну раскрывает,
И осторожно с потолка
В ладонь спускает паука.
Подсказывает, намекает...

Виски потрогаю — бусею...
Скажи мне, Время, не жалея,
Седею, это что — старею,
Иль просто делаюсь светлей?

Я не ропщу, я понимаю,
Я это всё осознаю
И тяжесть эту принимаю,
Как песню позднюю свою.
Но мне еще идти сквозь слякоть,

И медь прикладывать на бровь,
Еще смеяться мне и плакать,
С губы облизывая кровь.
И ощущать себя идущим,
И пыль дорог смывать со щек,
И радоваться дням грядущим,
Что мне отпущены еще.

И каждый день я раскрываю книгу,
Я в сочетаньях слов неясный смысл ловлю,
Я слушаю вождя, я слушаю калику...
Я не люблю хомут, и пряник не терплю.

Не таю от любви и душу не морочу.
Доволен бытием, какого же рожна
Смотрю на эту жизнь, по капле кровотоку,
Всё не могу понять — зачем она дана.

Кто даст ответ? — Я расцелую руки,
Я в Божий храм пойду, я запалю свечу,
И с чистою душой, избавленной от муки,
Во здравие молитву прошепчу.

Здесь всё не так и не о том.
Как будто высечен кнутом —
Устала плоть, душа устала.
У знаменитого столпа
Бушует нельская толпа,
Как муравьи у пьедестала.

Стон лебедей... Крик воронья...
Отличие правды от вранья
В спокойствии и тихой силе.
Я знаю это. И в толпе
Живу с печалью о тебе,
И о себе, и о России.

Вот как странно — плачу и плачу.
Что ж ты, сладкая жизнь, горька!
Дали гривенник мне на сдачу,
Разменял на два пятака.

Мчат подземные электрички,
Возят в полных авоськах быт.
Ковыряет соседка спичкой
В левом ухе. Видать, свербит.

А прическа — с цветной заколкой!
А на пальце — огонь во льду!..
На своей сойду остановке,
Во Гостиный Дворец пойду.

Сколько люду! Куда податься?
Запах кожи, духов, тоски...
Стану я между секций шляться —
Хоть бы выбросили носки.

Хоть бы — лезвия. Я ж небритый.
Борода поросла травой.
И стучу я о кромку быта
Непонятливой головой.

И, устав от такой непрухи,
В тишине подворотней мглы
Я куплю себе бормотухи
За червонец, из-под полы,

Чтобы после в часы ночные
В тесной комнате тосковать,
Вспоминать о моей России,
Пить отраву и горевать.

Здесь тропы кривы, а заря бледна.
Здесь над Оятью высоко-высоко
Раскинут бор и так остра осока,
Что клюква не годится для вина.

Здесь ночь темна. А если есть луна,
То на овсы медведи не выходят,
А на лабазах по утрам находят
Охотников, опухших ото сна.

Здесь мох зеленый оторочен белым.
Здесь белый гриб с таким роскошным телом,
Что нож немеет и сочит росой,
И светится такую белизною,
Что если бы не шмель с тугой струною,
То я б ходил не в кедах, а босой.

Я молодой поэт. Мне пятьдесят.
Пью молоко и сплю на сеновале.
Держу корову, пару поросят
И улы прячу на зиму в подвале.

А что! А почему бы и не жить!
Ходить в кирзе, промасленной фуфайке,
Рубить венцы, налимов потрошить,
По вечерам играть на балалайке,

Смотреть звезду, внимать иным мирам,
Грызть семечки не хуже маслобойки,
И квасом похмеляться по утрам
После веселой дружеской попойки.

А иногда чинить карандаши,
Сдувать с тетради слой тяжелой пыли,
Чтоб мысли о бессмертии души
Мою, еще живую, не томили.

Всё работа до пота,
Всё куда-то спешу,
То дерусь за кого-то,
За кого-то дышу.

И порой нелегко мне
Всё поспеть на бегу.
Только жить по-иному
Я уже не могу.

Кровь размажу по морде —
След жестоких атак...
И не нужен мне орден,
Я красивый и так.

Стриж

Крылами чиркая карниз,
Свечою — вверх, и камнем — вниз,
Со свистом воздух рассекая,
Он ликовал под солнцем мая,
И строил для потомства дом
С такой заботой и трудом.
Я любовался иногда,
Как, отлепившись от гнезда,
Он спинкой падает туда,
Где на потресканном асфальте
Коты в охотничьем азарте
За ним следили день-деньской
С какой-то дьявольской тоской.

Я верил в крылышки его
И не боялся за него.

Но крылья птицу подвели
И от беды не сберегли,
И уступило злу добро...
Кружилось в воздухе перо,
И на асфальте рыжий кот
Заглядывал другому в рот...
И всё. Морали никакой.
Но только дом наш стал другой:
Осиротел, обмяк, провис,
И, приподняв рукой карниз,
Он с той поры во все глаза
Всё смотрит, смотрит в небеса.

В память о ташкентских ворах

Трамвай набит, не отступить назад.
Узбек притерся, смотрит сладко-сладко...
Меня спасла французская подкладка,
Не справился с ней хитрый азиат.

Уже потом я потом обольюсь.
Как резал гад! О, как искусно резал!
Ташкент, Ташкент... А попади в Хорезм —
Отрежут всё, и я не удивлюсь.

...Наш самолет прошел сквозь облака,
Отыскивая заданные тропы.
Я в забвении, и память далека,
Но чувствую, почти наверняка,
Как ползает змеиная рука
По шелковому холоду Европы.

Я с детства не любил овал...

Павел Коган

О, как я эту жизнь люблю!
Всё больше пью, всё меньше сплю,
А если пью, то не напиться,
А если сплю — не вижу сны.
А, может быть, уже граница!
И черный сгусток тишины,
Клубясь, накатывает валом —
Еще чуть-чуть, еще шажок,
И время протрубит в рожок.
... И угол заменяю овалом.

Кровь хлынула на белизну сорочки
И на Россию эхом пролилась...
Метет февраль. Мне не хватает строчки
Той, что могла бы, но не родилась.

И вся печаль. Я думаю, не мало.
На Сороти голубоватый лед
Еще не вспух, а вот его не стало.
И предстоит нелегкий перелет

Его душе... Как всё оледенело!
Ни бубенцов, ни голоса в ночи.
И лишь морозом скованное тело,
Да кони тяжелы и горячи...

Моя страна... От края и до края
Текут ветра и грозы шелестят,
И, зрелую листву перебирая,
Дожди над прошлогоднею грустят,
И омывают голубые крыши,
И загоняют сны на сеновал...
Я не бывал ни в Вене, ни в Париже,
Да я и на Амуре не бывал —
Не приводила долгая дорога.
За что же мне судьбу благодарить!
Не я ль живу убого, как у Бога,
И сам себя пытаюсь обхитрить —
Мол, вон какой, счастливый да богатый,
Мол, сам Господь от бед меня хранит,
И, как марал, не зная, что рогатый,
Трублю и бью копытом о гранит.

Баллада о читающей женщине

Она являлась в десять — при погоде —
И уходила около пяти.
Всегда в очках и стареньком капоте
С оглаженною тросточкой в горсти.

Она садилась около фонтана
В прохожем сквере, прямо на миру,
И ветхого старинного романа
Страницы раскрывала на ветру.

Она читала. Как она читала!
Она от строк не отрывала глаз,
Она слова беззвучные шептала
И грустно улыбалась всякий раз...

Я наблюдал за нею иногда,
И сохранились в памяти доньше
Сухие пальцы и на середине
Развернутый роман ее всегда.

Я в доме жил напротив, но она,
Увы, меня совсем не замечала.
Когда бы не читала, а скучала,
Она б давно заметила меня —

Я столько раз садился рядом с ней.
И я ее спросил бы так: «Простите,
Я вижу вас, поверьте, много дней,
О чем вот эта книга, расскажите?

Какую силу вы открыли в ней,
Какие в ней глубокие начала?..»
Но женщина меня не замечала,
И я не задавал вопросов ей...

Потом ее не стало. Умерла.
И тайна неразгаданной осталась.
Кому та книга странная досталась,
Не знаю я... Такие вот дела...

Уже позднее много — Боже мой! —
Соседка коммунальная болтала,
Что женщина в очках была слепой...

Но я-то знаю, что она читала.

Бедным не был, не жил и богато,
Жил, как все, под сенью стороны,
Той, что для гулянки мне когда-то
Клетчатые выдала штаны.

Штапельные серые с отливом,
С фирменной молнией крутой.
И смотрел отец, как Бог счастливый,
Словно в день творения шестой.

Ой, гармошка! Век бы не оглохнуть!
Ой, меха блестящие, дугой!
Если б знал, что знаю, можно сдохнуть...
Но земля вращалась под ногой.

Сельская тесовая площадка.
Дробь да переборы каблуков.
И душа посапывала сладко
От ушей до штопаных носков.

Прижималась к блузочке дешевой,
К свежести девичьего плеча
Под сияньем двадцатигрошовой
Близорукой лампы Ильича.

Счастье, счастье... Много ли? Не мало.
И душа с гуляния домой
Шла и ни хрена не понимала...
Класс который?.. Кажется, восьмой...

Г.

Я тебя целовал на февральском морозе.
Было на небе звезд, как в кисете махры.
Где-то сипло на рельсах кричал паровозик,
И поземка мела с Панюшёвской горы.

Этот северный ветер до боли и дрожи!
Этот крик паровоза морозно-стальной...
На кого, интересно, мы были похожи —
Две горячие точки на сфере земной,

Что нас грело, какая прекрасная тайна!..
Мы расстались. Как жаль...
Но, ту радость храня,
Я поверил в любовь и молюсь неустанно:
Да спасет эта вера в дороге меня.

Закружило порошами
Золотые дома.
Звезды, словно горошины.
Не сойти бы с ума.

Под сапожками улица —
Хруст похожий на вскрик!
Месяц в небе сутулится —
Умирает старик.

Звезды падают, катятся
По кривой, под углом.
Мне вселенная кажется
Нашим русским селом.

Потому-то и чудится —
Хоть на тройке гони! —
Не окончится улица,
Всё огни да огни.

Поднимусь над судьбой,
Улыбнусь над собой:
Это что ж за страна — пьяный мат и разбой.

И разврат, и раздрай...
Удивительный край!
Хоть ступай во дворец, хоть в разбитый сарай.
С мясом вырван звонок.
Обезглавлен замок.
В паутине, как в сумраке, спрятался Бог.

Ни лампад, ни свечей.
— Кто, откуда я, чей?
Тайный шепот и звуки бесстыжих речей.

Всё никак не пойму —
То ль привык ко всему,
То ли с кровью вошло... про тюрьму да суму...

Вот возьми, откажись,
А окажется — жизнь!
И другой не дано, хоть на плаху ложись...

Всё, что увижу — берегу,
Храню с надеждой и любовью,
И память эту никому
Не уступлю я, не позволю.
Она моя!
В ней всё мое,
Всё, чем я жил, всё то, что было,
В ней боль моя, и крик, и сила,
И соловьи, и воронье.
А без нее кто мне судья,
Кто скажет мне: ты прав, идущий.
И с чем я встречу день грядущий,
И с чем уйду из бытия?
Она моя!
И миг любой,
Что горьким был и стал болящим
Я совмещаю с настоящим
И становлюсь самим собой.
И жизнь, как бой!
Без середины,
Где всё — от края и до края —
Она — моя передовая,
То тихая, то огневая,
И я на рубеже.
Один.

Эта горькая жизнь, будто хлеба краюха...
Вот стою на меже, и понять не могу —
Что случилось со мною: ни зренья, ни слуха —
Тошнота и теплынь, как в сентябрьском стогу.

Словно вымерло поле от края до края —
Ни дождя, ни звезды, только перепел бьет,
За далеким бугром полосу дожиная,
И половиною дышит, и зарево пьет.

Потому и ослеп, потому и не слышу —
Что которую ночь золотая сова
Не садится, как прежде, на старую крышу,
Чтобы мне нашептать дорогие слова

О любви, о печали, о дальней дороге,
О последней черте, за которую нам
Поднесут в хрустале, словно в царском чертоге,
Полный кубок чего-то с вином пополам...

Пригублю, как и все, с неумейной тоскою,
Прикусив от краюхи и помня совет
Старой мамы моей: «Если хлеб за щекою —
И отравя не кажется горькою... нет».

*Я убит подо Ржевом...
А. Твардовский*

Я упал над обрывом на закат головой,
Перемешанный взрывом с августовской травой.

Я казался усталым, и моя, не дыша,
В изголовье стояла молодая душа.

На разрывы смотрела, на пожар за рекой,
И покойного тела чуть касалась рукой.

Я лежал без движенья. Продолжалась война.
Смерть всего лишь мгновенье. А потом — тишина.

А потом под сосною свежий глиняный грунт,
Да друзей надо мною разнобойный салют,

Да ветров над опушкой игры в нечет и чет...
И считает кукушка, сколько жить мне еще.

КАМаз отползает в кювет. Застревает.
И небо дождем чернозем засекает.
Горят палисады созревшей калиной,
И племя сайгачье ковыльной долиной
Сквозь мглу дождевую — то дальше, то ближе.

И кот на карнизе, и ворон на крыше —
Согбенный старик — отрясает крыла —
Две тощих души на квадрате села.
Всё пусто, и мокро, и так некрасиво...

И лишь за мостом, за распаханной гривой,
В плаще, как в хитоне, — Господь на Руси! —
Идет агроном и не тонет в грязи.

ЖИЗНЬ

Как мне нравится жить, знают лишь удила.
Не иссякли б чернила, достало бы зренья.
Я крошу в самогон золотые коренья,
И по капле цежу, и гляжу в зеркала.

Полусвет, полумрак — резче тени морщин.
Имярек, ты зачем ищешь суть в амальгаме?
Не вмещается песня в классической гамме.
Зеркала, имярек, это не для мужчин.

Так почто я грущу. С каждым днем всё сильней,
Будто льдами иду,
Чуя смертную майну,
Понимая, что жизнь не откроет мне тайну,
Да и я не сумею раскрыться пред ней.

Ленинград

О, этот город! Боль и мука...
Стоит мороз. Декабрь в дыму.
Перед грядущею разлукой
Что я смогу сказать ему?
Что я его люблю? Он знает.
Что я от встречи с ним дрожу?
Он трепет этот понимает,
Когда я Невским прохожу,
Когда брожу, как обреченный,
По ключевым его местам —
То под Иглою золоченой,
То, забывая время, там,
Где жеребец, от славы гордый,
Вздымая прах, во весь опор,
Тугую даль пронзая мордой,
Петра выносит на простор...
О, этот город... Честь и доблесть!
Сплав ожиданий и тоски...
Ты для меня — лечебный пояс
На хрустнувшие позвонки.
И расставанье, как пропажу,
Предощущая, над Невой
Стою, холодный камень глажу,
И воздух пью морозный твой.

*За Паганини длиннопалым...
О. Мандельштам*

В саду, в полуподвале, где бильярд,
Играет бомж на однострунной скрипке.
Бичи молчат, погашены улыбки,
И только пальцы бомжа говорят,
Да конский волос вынимает голос
Из одинокой тоненькой струны.
Открыта дверь. Звезду роняет космос.
Ладони вытирает о штаны
Пацан-сержант... Шары застряли в лузах,
Лежат кии, развернуты углом,
Напоминая циркуль в Сиракузах
В тот час, когда ворота шли на слом.
Кто рассчитает квадратуру круга?
Кто рассчитает оптику зеркал?..
Играет бомж, спина его упруга,
Глаза прикрыты и блестящ оскал.
Играет бомж и в этом зале темном
Нет никого — лишь пальцы да струна...

А в профиль он похож на горбуна
Из кадра, что мы видели и помним.

Когда я был брюнет, а ты кадет
С лампасами, в отпаренных штанинах,
Ты говорил, что места войнам нет
Ни здесь у нас, ни в чуждых палестинах,
Что мир уже сближает полюса,
Что шар земной — огромная квартира,
Где нас объединит не порох — лира...
О Господи, какие словеса!
Потом я слесарил, а ты орал,
И чистил сталь от тухлого нагара.
О чем сейчас ты скажешь, генерал,
Отхаркиваясь пылью Кандагара?

Ладога весенняя

Владимиру Тургеневу

Камышовая отрада! Крошево из тростника!
Сеть ряжевого посада выползает из мешка.
Замочись, лихая справа! Утекай, змеей скользя.
Ячеистая отрава для апрельского язя!..
Разводи костер, Володя! Словно шпаги шампурь!
Пусть сосновая порода в золотых пластах коры
Даст углей. Бараньим соком пусть чадит и брызжет пусть!
Пусть луна зеленым оком всё запомнит наизусть —
Этот берег, этот шорох, эту прорву, что черна,
Этих двух в плащах, которых любит Бог и сатана!..
Темны Ладоги поверья! Блещут из небытия
То ль язей тугие перья, то ль русалок чешуя?
Наливай! Заря покажет! Весла – на воду... Грузи!..
Сеть подыдем, сеть расскажет — бабы это иль язи.

Валун шевелится и ветер доносит
Капусты морской усыхающий запах.
Луна камыши осветила и косит,
Да так, что лосось в серебристых накрапах
Встает на волну и веселой губою
Снимает звезду и уносит с собою.
Снимает и снова! Одну за другою!
Он в лунном луче голубою дугою
Сверкает и брызжет! Вальяжно! Свежо!..
Губою — звезду!..
До чего ж хорошо!
И вкусно, наверно, и просто приятно,
Представьте — во рту и светло и прохладно,
И ветер соленый, и шорохи сосен...
Я помню его, я с ним бился в ту осень!
...Пятнистый, упругий, холодный, голодный,
Он звезды уносит в свой замок подводный,
Где — камень на камень, звезда на звезду
(Блесна моя там же блестит под камнями!)
Он строит гнездо, он кипит плавниками,
И ждет свою Ладу:
— Придешь ли!?!..
.....
— Приду!

*Поедем в Царское Село...
О. Мандельштам*

Поедем в Токсовские дюны!
Там струны сосен до небес,
Там на горе садовник юный
Торгует розами на вес.

Он за цветы берет картошкой,
Вином берет и колбасой,
Он веселит народ гармошкой
По вечерам, когда босой

Восходит месяц над кирхою
И, обалдевший, с высоты
Стекает звездною трухою
На лес и темные кресты.

Поедем!
Белых роз нарежем!
И разобьем в лесу привал.
Ты будешь ведьмою, я — лешим,
Я ведьм еще не целовал!

Всё в мире этом очень важно.
Всё в этой жизни для любви.
А если любишь — жить не страшно,
А если страшно — не живи.
И не люби.
Но любишь! Верю!
Я вижу это по глазам...

Возьму машину, хлопну дверью,
И — по газам, и — по газам!

Туда, туда, где пахнет медом,
Где до зари течет вино!
Там петухи перед восходом
Клюют небесное зерно,
И, круто шеи выгибая,
Срывают горла:
— Пропадешь!..

Но рядом женщина такая,
Что — и пора! — а не уйдешь!

Л.

Любовь... Любить... Люблю...
Не понимаю
Что это — мука или благодать!
Но всякий раз тебя я раскрываю,
Как пахнущую свежестью тетрадь,
Где чисто всё!
Где, что ни напишу я —
Взойдет строкой высокою такой,
Что в омуте глубоком поцелуя
Без берегов, без неба над рекой —
Я закружусь, твои сжимая руки...
Тонуть, тонуть, вернее, — плыть и плыть!
Что благодать?
Когда мне этой муки
Достаточно, чтобы счастливым быть!

Ели стоят, словно церкви, высокие,
Гулко под куполом, входишь и ждешь —
Преет земля забродившими соками,
Тычется в небо кривыми осоками,
Острыми, будто отточенный нож.
Родина! шорохом каждым и трепетом,
Кистью брусничною, свистом крыла,
Старых осин созревающим лепетом,
Рыбою-стерлядью, птицею-стрепетом —
Ты для меня колыбелью была.

Песню качала... Полынною горечью
В душу входила, цветною дугой,
Дынной пластиной широкою, сочною,
Батиной сетью капроновой, прочною,
Криком орлиным и волчьей тоской.
Не потому ли, пришитому к прошлому
Дратвой суровой, собачьим ремнем,
Мне в этом граде с Невою роскошною,
Чайка парящая кажется коршуном,
Кони на Невском — степным табуном,

Церковь зеленая — елью высокою...
Смутно под куполом. Темень в суках!
Преет земля забродившими соками,

Тычется в небо кривыми осоками,
Гулом исходит и тонет в веках.

Вот и смотрю, тяжелею и думаю —
Сколько до срока еще, до поры...
Ворон ли вымолвит букву угрюмую,
Камень ли вздрогнет сократовой думою,
С хрустом ли в плаху войдут топоры —

Родина...

Соленый ветер продует этажи.
Соленый дождь со стекол грязь омоет...
Ты что-то хочешь мне сказать? Скажи.
Покуда в деревьях еще не воет,
Не ураган пока — наговори,
Я запишу слова Твои в тетради,
И если ошибусь, меня же ради,
Прошу — поправь,
И лишнее сотри.

Не «мерседес» угнать бы — скакуна!
Что мне металл с клаксоном и антенной!..
В покрое из буланого сукна,
Втянув ноздрями запахи вселенной,
Он свечку сделает и гулкая земля
Под иноходью пылью задохнется,
И золотой атлас из ковыля
Стечет с холма и степью развернется.
И где-то там, за синею чертой,
Где кружит птица и полынью душной
Напитан воздух, я скажу:
— Постой...
И станет конь (буланы послушны)...
Взовьется жаворонок — бусы зазвенят,
Стекая вниз по ниточке висячей...
И я руками, что еще хранят
Тепло коня, земли коснусь горячей,
И слушать стану родину мою,
В которую я верю, как в удачу,
Которую ругаю и пою,
С которой вместе радуюсь и плачу.

Так вот ты какая, вся синь и забава,
В зрачках два огня и коса на плече.
В июне высокие травы — отрава,
И каждый цветок, что алмаз на луче.

Нам старый паромщик укажет дорогу,
И шмель с коромыслом на сильных плечах,
Гудя под ногами, нас выведет к логу,
Где столько алмазов на гибких лучах!

Он будет кружить в перекрестном полете,
Он будет ромашки сшибать до земли,
И, хмелем груженный, в сплошной позолоте,
Свечою взойдет и исчезнет вдали.

...Проступит роса над пушистой губою,
Пропахшей нектаром цветов полевых,
И небо холстиной своей голубою
Потонет в глазах изумленных твоих....

Нас встретит паромщик с улыбкой — ага, мол!..
А мы промолчим, потому что — ага.
И омут глубокий тревожно о главном
Вздохнет, ударяя волной в берега.

Туда! туда! где пахнет морем,
Где в бочках солится хамса,
Где белым яхтам на просторе
Полощет ветер паруса.

Там груш не менее чем яблок,
А кабачков — что огурцов,
Там ложки делают из яблонь,
А под черешней — сорванцов.

Там ночи темные, как деготь,
Там женам фартуки к лицу,
Там зверь о камень точит коготь
Перед походом на овцу.

Там в тучах синева, как пропуск
На юг меняющим восток,
Там ворон с ордером на обыск
По трапу ходит, колченог.

Там смешан говор на причале,
А в море так легка волна,
Что со скалы, как и в начале
Столетия, Турция видна.

Песенка бездельника

Лес, и вдруг — сосна сухая, степь, и вдруг — в степи гора...
Есть еще юдоль другая — ни кола и ни двора!

Был бы кол — кувшин повесил, был бы двор — запряг коня,
И поехал бы в Одессу, где никто не ждет меня.

Колесил бы по России, шевелил во рту слова,
И болтались бы босые две ноги и голова.

Мне в краю под вольным небом — там приют, и здесь приют.
Ел бы я картошку с хлебом, пил бы то, чего нальют.

И прослыл бы я беспечным — надо петь, могу и спеть,
То есть, был бы человеческим — любо-дорого смотреть.

И, как водится в былинах, я бы прибыл в дивный град
В день и час, когда в долинах созревает виноград,

Где народ, от солнца влажный, шарит гроздьях сверху вниз
Среди тонких лоз и каждый — босоногий Дионис...

Только ходит лень по следу, как за девками гармонь.
Никуда я не уеду, даже если будет конь.

Зажжем огни на мачтах и пойдем
Туда, где ветер солит пеной дюны,
Где камни, как бизоны, и безумны
В ночи стоят деревья под дождем.

Я украду, любимая, тебя
Из этих дней, гудящих многотрубно,
И мы с тобой, о будущем скорбя,
Уйдем по курсу выбранного румба

Сквозь черную густую пустоту,
По гребням волн, кочующих кругами.
Не слезы — брызг соленых чистоту
Мы будем пить горячими губами.

Пойдем туда, нам не о чем жалеть!
И на просторе том необозримом
Нам парусов бугрящуюся медь
Наполнит ветер, пахнувший Гольфстримом!

Мне всё кажется — черти есть в озере этом.
И не то, чтобы много, но пара живет.
Я их высчитал просто, по явным приметам:
Камышовый нагрыз, и следы, и помет.

Сеть раскину, пожалуй, да выну обоих,
К живодерам снесу, а когда подсушу
Кучерявые шкуры, распну на обоях,
И тебя непременно сюда приглашу.
Расскажу о чертях — где нашел, как добыто,
О себе расскажу, улыбнусь над судьбой,
И ты хвост подожмешь, и прикроешь копыта,
И мне весело будет и грустно с тобой.

Ночью

Как тихо и тревожно во дворе!
В такую ночь хоть в поле — со свечами...
И волчий глаз с нездешнею печалью
Мерцает за селом на пустыре.

Сойду с крыльца и в темноту пойду,
Где к осени подмешан волчий запах.
Мне зверь, как Джим, протянет молча лапу
И про свою поведает беду.

И я, не веря не хорошим слухам,
Прощу ему все сто его грехов.
Он опалит меня горячим духом
И канет в ночь под пенью петухов.

Исчезнет, тенью мягкою скользя,
Но связь незримая останется меж нами...
И новым злом за дальними лесами
Звериная наполнится стезя.

Да, милый друг, ты прав — и зверь есть зверь.
Да, я обманут лживыми словами...
Горит свеча — не шевельнется пламя.
Такая ночь!
Попробуй, не поверь.

Встает рассвет неожиданной новью,
Роса отсвечивает кровью,
В тени таятся купыри.
Село проснулось, говор слышен,
И трубы белые на крышах
Пускают дыма пузыри.

Стою один. Стою в молчанье.
Что день несет? Одним — печали,
Кому-то смех, кому-то смерть,
Кому-то новые морщины...
Проснется юноша мужчиной,
Проснется женщина вдовой,
Проснешься ты, а я — не твой...

Сколько дал — значит, столько и дал.
Что же дышишь в затылок натужно?
Всё, что есть — раздарю, не продам,
А чужое и даром не нужно.

Я еще поживу! Извини...
Эту жизнь я пока не итожу,
Хоть до крови изрезал ступни
И спалил до костей свою кожу.

Я еще говорю и смотрю,
Твоим словом и верой согретый...
Ты поймешь, когда всё раздарю,
По закрытой тетради. Вот этой.

Вот тогда приходи и дыши.
И, клонясь над страницей белой,
Всё, что я не успел — допиши,
Всё, что я не сумел — переделай.

А зима подступает всё ближе к домам,
И пернатые жмутся к жилью, понимая
Непогоду по плотно прижатым дымам
К темным кровлям домов и дощатым сараям.

Этот северный край только тем и хорош,
Что из осени в осень — как рыжее фото,
Где один старожил на другого похож,
Как болото одно на другое болото.

Здесь зимою потребность в мехах и пимах,
Здесь мороз если свалит, то кто-то обгложет,
Здесь морошку моченую держат в домах —
Вдруг кому-то поможет...

Над могилой моею, над русской моей
Незавидною долей, укрытой снегами,
Ни ямщик не споет, ни заезжий Орфей —
Лишь калина, облитыми кровью кистями,
Будет что-то шаманить на полном ветру,
Да зеленая церковь, сравнимая с елью,
Будет слушать ночами, как в темном бору
Бородатая птица грустит по апрелю.

Вот и всё. Разве мало? О чем же печаль?
И глухарь, и калина, и церковь со Спасом...
Мне не жаль ничего, ничего мне не жаль —
Только русскую речь, да шибяущий квасом
Старый дом, что, завешенный звездной пургой,
На заре свои окна росой промывает,
Да серебряный дым, изогнутый дугой...

От него и першит.

Ночные мысли

1.

Замрет сознание... Острый холодок
Пронижет тело и остудит душу.
И даль не познана, и не допит глоток...
Зачем же вышел из воды на сушу!
Кто даст ответ — зачем?
Ответа нет.
Куда уйду — Сатурн? Юпитер? Вега?..
Пространство без дождей, деревьев, снега —
Бессмертия докучливых примет...

Дождем вернусь, хвоинкою, ветлою,
Гнездом сорочьим, тропкой на большак,
Блестящею цыганскою иглою,
В ковер воткнутой кем-то. Просто так...

2.

Нет, мне не стать ни елью, ни сосной,
Ни белой птицей, рвущейся весной
За горизонт, ни зверем быстроногим,
Ни волчьим, ни ракиновым кустом,
И даже не осиновым листом,
Лежащим одиноко у дороги.
И я ничуть об этом не грущу,
И тот объект, кем стану, не ищу,
Хотя на дне сознания мерцает —
«А вдруг...» Но что напрасно говорить,
Нам никогда себя не повторить.
Душа стремится — разум отрицает.

Дрались попы, я видел это сам.
Хлестали по бровям и по носам.
Похоже, ими правил сатана.
И рясы не мешали. Вот те на!

Кресты мотались и на тех крестах
Летал Спаситель с болью на устах.
На рясы кровь текла из-под гвоздей.
Вот и попы, а всё, как у людей.

Сошлись, прозрели и не разойтись —
Хоть волком вой, хоть колесом катись.
Но — благо — кулаки, и — кто кого...
И каждый бил за Бога... своего.

Когда однажды старый твой брегет
Устанет жить и стрелки не сомкнутся,
Мой друг, ты не сумеешь отвернуться
От той страны, чему названья нет,
И выдохнешь: «Неужто это всё?..
Как мало, Господи!.. А ведь казалось – много...»
Но дети выросли, и тополь – у порога.

А солнце дальше катит колесо
По новым дням, над арками-садами,
И новый август новыми плодами,

Как в бубен, ударяет в чернозем:
«Земля, земля, ты большего достойна...»

И думается чисто и спокойно
О прошлом и грядущем. Обо всем.

Шорох юбок. Золотые перстни.
Из-под юбок — розовый сафьян...
Мне цыганка нагадала в детстве,
Что удачлив буду в жизни я.

Нагадала на моей ладони,
Посулила светлую судьбу.
С той поры я, как скакун в загоне,
С белою отметиной во лбу...

Даль манила, синяя до боли,
Ночи звали, схожие с углем.
И, когда подули ветры с поля,
Пахнущие спелым ковылем,

Я в котомку увязал тревоги,
Бил поклон — на отчую избу,
И ушел, чтоб где-то на дороге
Повстречать суленую судьбу.

Что мне роза ветров, я их чувствую кожей!
Вот подуло опять из гнилого угла,
И размашистый дождь, словно щеткой сапожной,
Превращает разбитый асфальт в зеркала.
Что ты рвешься, душа, в эту грязь, в непогоду?
Что там бластит тебе в этой черной ночи?
Оставайся со мною, бросай эту моду
Исчезать по ночам, пусть у теплой печи

Намурлычет нам кошка иные понятия,
Нагадает страну, напророчит сюжет,
Где Ивану достанутся добрые братья,
А в снегах, что белей офицерских манжет,

Будут русские села, дымы завивая,
Рассыпать серебро над морозной рекой,
И ямщик сквозь пургу, что летит, завывая,
Будет петь о любви, не бывает какой...

И зачем же я удачу
Разменял на боль и грусть?
Я давно уже не плачу,
Я уже давно смеюсь.

Над недоброю судьбою,
Над веселою страной,
Сам с собою – над собою,
Над родимой стороной,
Где ни просо и ни жито
Не растут. Лишь — лебеда.
Где твердят: «Не лыком шиты...»
Лыком.
В том-то и беда.

Ладога

*Светлой памяти
Георгия Николаевича Самарина*

1.

Открыта ветрам и тоскующим взорам,
В зеленой кайме, переплавленной в дым.
И это зеленое с белым простором
Прихлопнуто колоколом голубым.

Ледник проходил ли, комета ль упала,
На пену и брызги разбив изумруд!
Гряда за грядой, камышей опахала,
Тюлени играют, бакланы орут.

И окунь, мерцая иглой золотою,
Выходит на марево рыжих осок,
И жаберной крышкою свищет водою,
И хлещет малька, баламутя песок.

Ударит, затихнет, и снова сверкает
Перо огневое да темень полос...
Наляжет волна и накатит другая,
И ветер заходится, многоголос!

И шторм заklubится, и небо споткнется
Овчиною синей о край камыша,
И катер далекий тревожно забьется,
Винтом крутолобые гребни кроша.

И ты, как по лезвию, правишь по гребню —
Ни право, ни влево не дрогни, рука!

...И глохнет мотор, и тяжелую греблю
Встречает накатистый шум тростника.

2.

Дождь, как слезы, чист, землю вымочил.
На березе лист — в ноготь! — выскочил.
Замолчи, прибой! Дай покою дням.
Прет плотва гурьбой к тростникам-камням.
Я стою-смотрю — вся вода в огнях!
Плавники зарю шевелят в камнях.
Ох, и плещутся, и полощутся!..
Соловей звенит в белой рощице.
На плотвиный бой откликается,
Или сам с собой развлекается?
Откликается... развлекается...
Свез жену в роддом — счастьем мается!
...Ой, весна красна, век бы жить — не лгать,
И растет сосна, и грохочет гать!
Притушу глаза и опять смотрю...
Дупель крыльями просверлил зарю!
Птица малая, да удалая!
А из той дыры — солнце алое!
И по гребням волн, по своим кругам —
На высокий холм, да к моим ногам.
...А уже пришли лоси воду пить.
И два сокола стали уток бить.
Мне бы их крыла хоть ненадолго,
Полетел бы я морем-Ладогой...
Уходить пора, но не хочется.
Ой, ты, жизнь-игра!..
Нет, не кончится!

3.

Сеть длинна и густа, к ячее ячея.
Берег пахнет тесовой смолою и варом.
Шелестят камыши, как лещей чешуя...
Закопченный котел с окуновым отваром
Преет возле огня. Рыбаки не спешат —
Чинят снасть, улыбаются, слушают время.
Опрокинется на небе звездный ушат
И рассыплются звезды, и звездное племя
Брызнет с севера — светлую лентой — на юг,
И запорскает конь, и, гремя удилами,
Отойдет в темноту, и, покончив с делами,
Люди лягут к костру и поставят на круг
Этот самый котел с этой самой ухой,
С обгорелой и дважды закрученной дужкой,
И бывалым ковшом молодой и лихой
Разольет эту прелесть по мискам и кружкам.
И повеет в лицо духом пряной травы,
Хлебной коркою, горечью зрелой бересты...
Бьет крылами сова, но не слышно совы —
Только быстрая тень да глазастые звезды.
Тишина. Комариная песня звенит...
На исходе июль, зреет птица и семя.
И — в богатую крапину — черный зенит
Перевернутой чашей висит надо всеми.

Я медленно и трудно рос.
Здоровый дух в здоровом теле!
...Загадывая на мороз,
Отец из собственной шинели
Кроил мне шмотки, говоря:
«А ну, пацан, поворотись-ка!
Растешь?.. Вот ладно бы не зря...»
И солнца шар настолько близко
К моей клонился голове,
Что видно было, как он дышит,
Роняет зерна, плавит крыши
И стынет золотом в траве.
...Недавно было ли, давно, —
Телеги, лошади, подворье —
И думалось, какое горе,
Когда сломается оно,
То колесо... В грязи, в дороге...
Казань, Рязань или Москва...
Мой быт веселый и убогий
Мне дал особые права
На жизнь, на самобранку-скатерть,
На женщину, на рысака...
И колесо мое всё катит,
Не рассыпается пока.

Льется-гнется вода из дубовой бадьи.
Утро золотом шарит по срубам колодца,
И четверка гусей, как четыре лады,
Из раскрытых ворот выплывает на солнце.

А сосед отбивает литовку — тук-тук.
А напротив соседи подсолнухи режут.
Вынимает отец самосад и мундштук...
А по радио врут..
Ну, зачем они брешут?..

Вот — лады из ворот!
Там — отара из мглы!
И — тесовый навес, и — курганное поле!
А какие здесь люди! Как жадны и злы —
Не до злата-богатства — до жизни и воли!

Кто решил, что деревни уже не нужны?
Кто сказал, что здесь тошно и песнь не поется?
Вон, какие отавы — в колена! — пышны,
Вон, какая вода — голубая и гнется!

За илбаном бутром, за калиной кустом,
Где таймень хлещет воду багровым хвостом,
На широком лугу, собираясь в отлет,
Журавли предотлетный вели хоровод.

Я в стогу не доспал, я с трех метров смотрю,
Как высокие топчут ногами зарю,
И кружатся, и стонут, и трутся пером —
Будто казнь через час и придут с топором.

Через час, через миг... Вот прольется Восток,
И плеснет через край и на птиц, и на стог,
И вожак закричит, и расправит крыло,
И очнется земля, и заплачет село;
И белесые, словно во мгле паруса,
Крылья птиц пронесут надо мной голоса,
И косой треугольник, широк и крылат,
Тот вожак поведет от зари на закат.

И мне больше не спать в этом рыжем стогу,
Потому что поверю тому вожаку,
Потому что весной, средь майского дня,
На базаре цыганка, жалея меня,

Всё молчала, крутила на пальце кольцо,
Долго-долго смотрела в ладонь и в лицо,

И сказала: «Под осень уйдешь из села...»
И за черное слово монет не взяла.

Лебеди

Груды чистого серебра!..
Солнце алое, хорошея,
Из-за моря, из-за бугра,
Чиркнуло лебяжьи шеи
Золотою своей косой,
Как расплавленной полосой.
Самый старый глаза открыл,
И все десять на сильных лапах
Разбежались и в двадцать крыл,
Воды вспенив, ушли на запад.

Я остался на берегу,
Сердце билось, и даль клубилась...
До сих пор понять не могу —
Было это или приснилось.

Звезды падают. Тихо-тихо.
Тополей голубая рать.
Ой, ты, ягода ползуника,
Собирать бы да собирать!

А клубника и впрямь созрела,
Да во тьме ночной не видна.
Вон еще две звезды сгорело:
Мне — одна и тебе — одна...

Не узнали бы наши матушки,
Как сгорали они — по две,
Как янтарные твои камушки
Мы искали в густой траве.

Вроде, ты — и не ты.
Вроде, та — и не та.
Не боюсь темноты,
Мне страшна пустота...
Пустота, пустота.
Не понять ни черта!
Словно стал на карниз,
Словно падаю вниз,
Бьюсь о серый бетон —
Даже чудится стон...
Ночь.
Такая луна!
Ты со мной, но одна,
И один я — с тобой...
Слышен моря прибой.
Светел парк от росы.
Нас разводят часы.
Нас разводит луна.
Разлучает волна.
Первый луч.
Первый звук...
И — ни крыльев, ни рук.

...Затем, когда я разолью вино,
И устоится горизонт в бокалах,
Я вдруг увижу — в комнатах темно,
И легкий свет в глазах твоих усталых.
Но горькую морщинку у виска,
Когда ты улыбнешься, не замечу.

— За что мы пьем?

— Наверное, за встречу...

Об этом каждый вечер с потолка
Мне слал паук депеши: лично... срочно...
Я думал — врет, но оказалось — точно.

— За что, ты говоришь?

— За нас... до дна...

Под окнами, в предчувствии вина,
Качнется вечер на мохнатых лапах
И зашуршит соломенной стрехой.

Какой приятный виноградный запах!

— За что, ты говоришь?

— Да ты глухой...

За всё — за нас, за добрые дела,
Потом за них, чтоб им всегда икалось,
Потом за то, что жизнь не состоялась,
Или такой задумана была...

Чего же нам еще?..
Смотри, как листопадом
Заметены сады. Прозрачная звезда,
Сгорая по дуге над почерневшим садом,
Шуршит листвой, и слышно — провода
Невидимые жалобно и тонко
Поют печаль высокую свою
О том, что в поле смолкла перепелка,
Что коростель — уже в ином краю! —
Не нас с тобою выманит под вечер
Смотреть, как тени кружат под луной,
Как шелестит хмельной осенний ветер
Над рыжею растрепанной копной...

Рассыпанные кудри. Брызжет снег.
Морозным духом комната набита.
Я всё в тебе люблю — и этот смех,
И платья шум, и тайною повитый
Хитрющий глаз.
Хитра! Ох, ты хитра!
Я сам такой и, коль крыла раскину,
Добуду столько белого пера,
Что хватит на подушки и перину.
Лукавая, ты это понимаешь,
И, предо мной по струнке становясь,
Ты каблучки от пола отрываешь,
И — достаешь!
И возникает связь,
Когда мозги, осыпанные хмелем,
Ломают руки, рвут одежды прочь...
И мы с тобой на половицах стелем
Медвежьей шкурой пахнущую ночь.
Звезда висит, луна течет в окошко,
Роня на пол брызги серебра,
И, плавная, ты шуришься, как кошка,
Всё распахнув...
Я ж говорю — хитра.

Кончался март. Сосульки вниз росли.
Коту на крыше кошечка шептала:
— Ну, что, гусар? Зиме конец. Растли...
И на четыре лапки припадала.

А Серый боком терся о трубу,
И хвост пушистый задира трубою,
И на карниз плевал через губу,
Прицелившись раздвоенной губою.

Он был высок и в холке, и в цене.
Он не спешил предаться грешной страсти,
И серебром светился при луне
Не хуже норки серебрястой масти.

И вот пока он, наливаясь грузом,
Любовную очерчивал петлю,
Явился рыжий с креозотным пузом,
Покусанный, в грязи и во хмелю.
Ну, что с того, что кровь сочится с лапы?
Он потеснил соперника плечом...
Был Рыжий не гусар, и не растяпа.
А мех в любовном деле не при чем.

После странствий к тебе возвращаясь твоим паладином,
Привезу я с собой белоснежное чудо-крыло.
О любви написать можно только пером лебединым, —
Их всё меньше теперь опадает на наше село.

Стороною летят, с каждым годом всё дальше и выше.
Над селом — воронье, по ночам дикий хохот совы.
И кружат ястреба, и прищуренно смотрят на крыши,
На потресканный тес в бурых пятнах сопревшей травы.

Только клекот да грай... В этой музыке черные звуки!
И она — то грозой, то осенней крупой простучит.
У подружек твоих о работу изломаны руки,
У моих корешей в бронхах порох Бамута горчит.

Я от нашего дома отважу недобрую птицу.
Горечь стреляных ран и тяжелых обид залечу.
Лебединым пером нашей жизни допишем страницу!
Лебединым — и только...
Другим — не смогу, не хочу.

Всё при мне. Живу не плохо.
Не болит.
Достает меня эпоха.
Шевелит.

То налево, то направо
Развернет.
То накормит, то отравы
Подольет.

Принимаю. Понимаю.
Не хочу!
Поднимаю. Выпиваю.
И молчу.

Привкус яда. Воздух спертый.
Всё в дыму...
Умираю. Или мертвый?
Не пойму.

*Не дивитесь, братия мои,
Если мир ненавидит вас.
Перв. посл. И. Богослова, гл. 3, п. 13*

И когда тракторист сдернул купол тросами —
Закричала летучая мышь. Отродясь
Не бывало их здесь. Матерясь и крестясь,
Затворила деревня ворота и ставни.

Пять ночей выли волки на дальнем отроге,
Восемь дней старики не садились к столу.
И весь месяц июнь вдоль разбитой дороги,
Объедая бурьян, шлялся скот по селу.

А потом — ничего... Крест и купол сожгли.
Разобрали алтарь. Растащили иконы.
За оградой — пустырь.
Оскверненной земли
Не желает никто. Лишь под вечер вороны

В серых кофтах садятся на темный венец,
Чистят перья, негромко ведут перебранку,
Да порой удилищем на зорьке малец
Протрещит по ограде, идя на рыбалку.

Фрагмент

...Он шел в атаку, зная лишь о том,
Что пуля из ствола идет винтом,
Нарезами закрученная вправо,
Колеблясь от плеча и до плеча,
Как в пальцах поминальная свеча
Под сводом переполненного храма.

А храм был полн!
И свечи колебались.
И люди их гасили, выгибались.
Хватая воздух безнадежным ртом,
Они кричали, исходили рвотой,
И полк, редая, становился ротой
Обугленной, не ведая о том.

Кричал и он, и автомат дрожал
В его руках. И он был горд: не струсил!
И в трех шагах дымился вражий бруствер,
Когда он понял, что не добежал...

И сталь еще по стали грохотала,
И ночь роняла звезды и глотала
Их на лету, на вышнем рубеже,
Который он перешагнул уже...

Роняет листья календарь,
И деревья роняют листья,
Шурша которыми, сентябрь
Невидимой тропею лисьей
Бредет к домам, чей горький дым
В потоках утреннего света
Становится — то золотым,
То бледно-розовым. А это
Определяет ту печаль,
Которую приносит осень,
Когда себя уже не жаль,
И средь высоких редких сосен
Ты, замороженный с утра
Заботой вечною о хлебе,
Не слышишь возгласов «ура»
И чепчиков не видишь в небе.

Я не верю в случай и везенье.
Жизнь моя, зачем ты мне дана!
Не хватает бокового зренья
И дыханья, чтоб достать до дна.

Знаю, где-то там, на дне колодца,
В глубине, куда я так влеком,
Что-то есть, а в руки не дается —
Трется о ладони плавником.

Встрепенется рядом и растает,
Водит за собою, как раба...
Зрения, наверно, не хватает,
Или счастья, или... не судьба.

Здесь, что ни делай, выйдет плохо,
Здесь плачут не по волосам,
Здесь колесом прошла эпоха,
Как тяжким траком по овсам,
Которые никто не сеет,
Как следствие — давно не жнут,
Здесь красный флаг уже не реет,
На новый денег не везут.
Здесь что-то пьют, никак не выпьют,
Здесь — не для масла — конопля,
Здесь зуб, когда не сгнил, то выбьют.
Здесь русский дух.
Моя земля.

...И опять не до сна. Двух Ковшей круговерть!
Упаду на копну, стану звезды смотреть.
Глубоко загляну — и раскроется тьма,
И душа заболит... Так и сходят с ума!
Ой, ты, родина... Сколько?.. откуда?.. куда...
Опрокинется небо, прольется вода,
И забулькает слева и справа, везде,
И копна, словно челн, по широкой воде
Закружит, не спеша, мимо хат, мимо пней,
Мимо старых крестов, мимо серых плетней,
Где в крапивах сады, где цветы без цветка,
Где торчат на колах — то кувшин, то башка...

Взять цветок, на травах сочных
Лечь под небом голубым.
И пчела нектар цветочный
Станет пить с моей губы.
По цветку возьмется топтать!
Слушать будет —
Как дышу...
Я ее без микроскопа
Всю до пяток разгляжу:
Как берет, над чем колдует,
Как танцует, что поет,
Перед тем как в кладовую
Отнести пыльцу и мед.
Пусть она меня научит
На лугу, средь бела дня,
Те слова найти, что мучат
Столько времени меня.

Есть в запустенье красота,
Узрев ktorую, художник
Подрамник ладит на треножник
И долго смотрит вглубь холста.

Не подходи!
Пусть зреет зренье.
Оно наполниться должно
Пространством, чтоб затем мгновенье
Легко легло на полотно.

Он смотрит, слушает. Он слышит!
Кураж, кураж... Без куража
И даль мертва, и холст не дышит.
Но вот взволнуется душа, —

И кисть начнет свои полеты...
И на холсте, как из зеркал,
Проступит то, мимо чего ты
Не проходил, а пробегал.

Выхожу один я на дорогу...

М. Лермонтов

Я не знаю ту дорогу,
Но ко мне с недавних пор
Звезды падают к порогу
И заводят разговор.

То отчетливо, то глухо.
Так струится в крепь вода.
Приноравливаю ухо,
Понимаю иногда.

Вот они — о чем-то млечном,
Вот — о спуске-вираже,
Вот они — опять — о вечном...
Это я слышал уже.

Мне б послушать тех, горящих,
Полыхающих крылом,
А не этих, говорящих
О величии былом.

И молюсь я тайно Богу:
Может быть, укажет путь —
И найду я ту дорогу,
Постою на ней чуть-чуть.

Иосифу Бродскому

Еще ты жив. Читая между строк,
Я понимал — судьба тебе в подарок
Подкинула российский уголок,
Где ни панелей, ни садов, ни арок —

Лишь колокольни старой желтизна,
Да горний свет, стекающий с березы,
Да синий горизонт, чья кривизна
Тебя на время отделит от прозы

Той странной жизни, где на кухнях мы,
Глотая чад, над примусами бились,
Не понимая, что тоска тюрьмы
Не хуже той, в которой мы ютились.

Но ты... ты понимал, и свой урок
Учил сполна и полной мерой мерил
Ту глубину... Читая между строк,
Я видел всё. Но всё еще не верил.

Теперь Вас нет. Я говорю Вам — Вы.
И, наклоняясь глубже над строфою,
С больной душой, с больною головою,
На мир не поднимаю головы.

Кошка

Черно-бурое пальто.
Белый галстук ярко вышит.
Я люблю ее за то,
Что она стихов не пишет.
Сядет рядом и поет.
Песня мне передается:
«...звезды спят на дне колодца...
...под стрехой пчела живет.
В камышинке ей не тесно,
В камышинке ей тепло...
...утро ночи интересней,
Это знает всё село...
...вот идет мужик с лопатой..
...мыши есть, да лен густой...
...а скворечник, что за хатой
Третий день уже пустой...
...скоро ужинать покличут...
...тени шире и темней...»
И поет она, мурлычет,
Хоть записывай за ней.

Я смотрю в календарь, видя в календаре
Тот магический знак, что заставил запеть.
И пишу по ночам. Я пишу на заре.
Я пишу, как пашу. Я боюсь не успеть.

Вот и снова рассвет. Смотрит космос в окно.
Солнца луч — по стеклу, солнца луч — по двери...
И течет по рукам золотое руно!
Где ты бродишь, Ясон, я не жадный, бери!

Этих рун золотых в наших русских домах!
Что Колхида тебе, если все они здесь.
...И я ставлю в строку восклицательный взмах

— ! —

Как залог, что еще не окончена песнь.

Что там дальше? Отверни-ка полог,
Приоткрой завесу, покажи...
Долог путь мой, бесконечно долог.
Всё бы ничего, но столько лжи...

Нет желанья говорить об этом.
Есть слова, да что они — слова.
Здесь легко кому-то, а — поэтам...
Оказалось, мама, ты права.

Говорила: «Будет еще то ли...»

Стопку наливала до краев.

«Пей, сынок...»

Шумели грозы в поле,
Застилая синий оком,

Рвали солнца луч, и он, размолот,
Бился в речке золотым ершом.
Я смеялся, счастлив был и молод:
«Что ты, мама, глянь, как хорошо!»

«Хорошо, да не уйдешь из круга.
Много троп, но ни одной — назад...
Ветры дуют с севера и юга,
Солнце ходит только на закат!»

Ну, и всё же, отверни-ка полог,
Черную завесу приоткрой!..
Оглянусь: какой тяжелый волок,
Сил не хватит на другой такой.

*Немного красного вина...
О. Мандельштам*

Строкою дантовой привит,
Стих дышит небом итальянским.

Так белизна тончайших пальцев,
Легко ломающих бисквит,
Вдруг отразится в хрустале,
И влага темная бокала
Преломит свет — и станет ало
Вокруг бокала на столе.

Откипела листва, отшумели походы,
Время золотом плещет на окна с резьбой.
Слушай, небо, я твой, и твои непогоды
Примеряя к себе, я грущу над тобой, —

Потому что приходит пора собираться,
Настрадалась душа и не хочет гореть.
Я пришел и уйду, а тебе оставаться,
А тебе это горе смотреть и смотреть.

Московский вокзал

Ленина сменивший на Петра,
Город вымыт, вылизан с утра...
Прибываю в Питер из Самары.
Тополя шумят над головой.
Из вагонов — лица-самовары,
Пахнущие Волгой и травой,
Пахнущие медом, степью дикой,
Ветром, обжигающим виски,
Родиной несчастной и великой,
И родной до боли, до тоски
От сознания: каждый что-то значит;
От обиды: упади — сотрут...
Гибнет «Курск», в толпе никто не плачет,
«Сторонись!» — носильщики орут.
Сторонюсь...
А день — что плащ в накрапах,
В серой дымке, питерский вполне.
И вокзал, как зверь на сытых лапах,
Нас глотает.
И не страшно мне!
В пасть вхожу. Как гулко в этой клетке!
Жулики! Ментов — ни одного.
Русский царь зрочками цвета меди
Смотрит и не видит никого.

Обрубки ветвей да тяжелые всхлипы
Свинцовой погоды. В саду
Качают верхушками старые липы,
Как будто идут в поводу.

Как будто шагают, шагают, шагают...
Усталая рота! Куда?
Слагают напевы, былины слагают,
И я, забредая сюда,

Смотрю это действие, слежу эти песни.
Как больно — я слышу нутром —
Шагать и шагать, оставаясь на месте,
Пока не придут с топором.

Сколько народу указом спроважено!
Двор нежилой... Ни трубы, ни стекла...
Двери забиты.
Замочная скважина,
Будто леток.
...вылетает пчела!..
Следом другая, а вот и возвратная,
Медом груженная, низко гудит.
Лапки в пыльце. До чего же опрятная!
Кто ей, красавице, жить запретит?
Улей порушат — в дупле обустроится.
Где?
Да хоть где, хоть в лесах Колымы...
Ходит пустою деревнею Троица,
Ходит по кладбищу,
Молится, горбится...

Пчелы живут.
Возвратимся и мы.

Памяти Олега Тарутина

Вот и тебе отрыли яму.
Сановных лиц у гроба нет.
Страна мертва, не имеет сраму...

Какой поэт! Какой поэт...

Как ты писал легко и звездно.
Как улыбаться ты умел!
А жизнь и впрямь проста и просто
Ты с головой белей, чем мел,
Собрал нас под сентябрьским небом,
Заставил нас купить цветы,
Пить водку,
Задышаться хлебом,
Смотреть на темные кресты,
Что так обидно и убого
Итожат наше бытие...
Я подхожу к тебе — как строго
Лицо спокойное твое!
Молчишь?
А мы справляем тризну.
И я твои слова шепчу:
«Мы за стихи заплатим жизнью...»
Заплатим...
Плачу и плачу.

Роль окончена... Тоска...
Человек сошел с экрана.
Свечка. Стопка.
Ноет рана
Где-то в области соска.

Вот ведь был. Ведь где-то тут
И сейчас он с нами рядом.
Бродит лугом, полем, садом,
Влагой падает в сосуд.

Ветром свищет, птахой бьется,
В двадцать вытянутых жил
Мучается... Не сдается...
Был ведь!
Господи, ведь был.

Лабуда... Сапоги... Пальто...
Губы дудочкой. Птичье личико.
Полюбил бы его хоть кто,
Хоть какая алкоголичка.
Может, он бы и посветлел.
Синяки перестал носить бы.
И неделями б не говел,
И узнал, что живет в России.
Что страна сия велика —
Земли пашет, пшеницы косит,
Да еще его, дурака,
На себе, словно язву, носит.

Посветлеет листва, а потом загорится,
А потом опадет, а потом загремит.
И метель прилетит длиннокрылою птицей,
И на озере лед — словно рвут динамит! —
Будет гулко звенеть, перемноженный эхом, —
Вот тогда и придет та, которую жду,
Со свирелью в руке, опушенная мехом,
И гнедого коня приведет в поводу.

Никогда! никогда вам не видеть той сцены:
Это будет в ночи без огней и людей —
Я ей царство мое от крыльца до антенны
Предложу за коня: проходи и владей!
И серебряный хруст под морозной подковой,
И точеный каблук на тесовом крыльце
Нитью тонкою лягут, незримой основой
Для поэмы с хорошей строкою в конце.

Станет Дева играть на печальной свирели,
Будет конь гарцевать под высоким седлом,
Будут белые крылья широкой метели
Шелестеть по ночам за узорным стеклом.
Весь январь и февраль это чудо продлится...
Но однажды проснусь — никого: ни коня,
Ни ее, лишь исписаны густо страницы:
То ли всё — обо мне,
То ли всё — для меня...

Ульяне

Мне нравятся беременные женщины.
Цветы — в бутонах!
Вот еще чуть-чуть...
Святящиеся, Господом отмечены,
Они, по сути, представляют суть.

Всему начало и всему основа!..
Припухли губы, носик на боку,
Но я лица такого никакого
Прекраснее не видел на веку.
Распущенные волосы, что крылья.
Халатики не сходятся... Растет!..
Она привстанет, соберет усилья
И павой несказанною пойдет.

Она идет прямой дорогой в мамы.
Набухшая, вся в солнечном свету!
И хулиганы все, и даже хамы
Такую огибают за версту.

Она идет — ни берегов, ни края! —
Сравнима с полноводною рекой...
В который раз смотрю и, замирая,
Склоняюсь перед радостью такой.

У картины

Всё так и было в самом деле —
И влажность губ, и легкость в теле,
И отворенное окно,
И листьев шум, и запах ели,
И перекошены качели...

Стою, смотрю на полотно.
Похоже?
Господи, похоже!
И поворот, и локон тот же,
И та же белая рука.
Альков, распахнутое ложе,
И туфельки шевровой кожи,
И ангел смотрит с потолка.

Еще мгновенье — и поверю,
Что кто-то был тогда под дверью,
Всё видел, выбрал карандаш,
Примерил кисть и хладнокровно
Он передал почти дословно
И завиток, и профиль Ваш,

И чье-то пенье за стеною...
Мадам, не я тому виною,
Но конь, заседланный гнедой,

Который нами так беспечно
Был пущен с повода в тот вечер
Гулять в отавах над водой.

И некто, видно, догадался,
И подглядел, и постарался —
Смотри, Париж и Амстердам!
Похоже...
До чего ж похоже!
Всё тонко, трепетно.
И всё же
Вы интереснее, мадам.

Июль. Обрызган луг росой.
И я у озера — босой.
Играет лень, вода — кругами,
По воздуху скользя, чирки
Идут на плес, а над холмами
Зари краснеют плавники.

И мне опять двенадцать лет.
И мир прекрасен, как рассвет.
И где-то впереди дороги,
И день, что для меня хранит
Мои печали и тревоги,
И горечь тяжкую обид.

И рядом, рядом отчий дом, —
За этим лугом, за холмом,
В листве по плечи утопая,
Стоит в соломенном венце,
И мама, снова молодая,
Меня встречает на крыльце.

Грузди белые, как блюда,
Подойдут, в сапог упрутся,
Дождевой росой полны.
Под любой такой холеный —
С луком, с маслицем, соленый! —
Забуреет полстраны.

Дышит лес туманом влажным.
Вдаль гляжу из-под руки —
В гамаках висят, вальяжны,
Золотые пауки.

Зубы скалят, пузы чешут,
Солнце ждут, а наверху
Две сороки ладно брешут,
Сочиняют чепуху.

«Вот идет медведь горбатый!
Злой медведь, большой, седой...»
Что — медведь, я сам сохатый,
В сапогах и с бородой!..

Бурый вереск, небо сине,
Пней нахмуренные лбы...
Я люблю тебя, Россия,
В том числе и за грибы!

Через павшую лесину
В гущу лезу, бью росу.
Грузди валятся в корзину:
— Унесешь ли?
— Унесу!

Запах стружки. Пламя свечи.
Зеркала крутой овал.
Новый дом!
От этой печки
Я еще не танцевал.
От зимы не укрывался.
Не водил сюда гостей.
Я еще не напивался
В доме этом до чертей...

Где скитался? где шатался?
Дом рубил?
Ну, вот, срубил!..
Я вращаюсь в ритме вальса —
Круг один, еще один.

Я вращаюсь, как прощаюсь,
Я уже гашу свечу,
В невидимку превращаюсь,
И взлетаю,
И лечу —

За дома, где серой птицей
Вечер крылья уронил,
Где воды в любом копытце,
Как в чернильнице чернил.

Выйду в поле:
— Здравствуй, воля!
Здравствуй, шмель. Пчела, привет...
Рву цветы. Наверно, больно.
Но цветы молчат в ответ.
Ни намека, ни укора.
И в букет еще живой
Шмель с басовым разговором
Залезает с головой.
Словно в чем-то виноватый,
Словно прячется, ей-ей!
Желтой лапою мохнатой
Упирается своей.
Не за рубль берет, а даром.
У, мохнатое лицо!
Переполненный нектаром,
Перепачканный пылью,
Хоть бы мне оставил, что ли!..
Это я шучу, Земля!

Ухожу.
Спасибо, поле,
За цветы и за шмеля.

Старики становятся детьми.
Как всё это плохо, черт возьми!

Ходят еле-еле, не глядят,
Пищу непонятную едят,
Бога молят — просят во тьму...
На ладонях маму подниму:
Выкупаю, вытру, обсушу,
Каждую морщинку разгляжу
И разглажу.
Ногти подстригу...
Что еще я, Господи, могу.

Поле. Тропка... За шагом — шаг..
Переходит тропа в большак.
Как легко большаком идти!
Но стоит вокзал на пути.
Рельсы-ленточки. Сталь светла.
Даль заманчива... Эх, дела!..
Поезд в клочья пространство рвет.
Глядь... уже пароход зовет.
Чайки белые. Облака.
Солона вода, глубока!
Солнце. Марево. Синь-слюда.
Ни отметины. Ни следа.

...А ведь только что шумели соловьи,
И садились птицы-гуси на жнивье...
Новый запах мандариновой хвои
Заползает в петербургское жильё!

Отступает из подъездов темнота,
Влажным холодом не тянет из щелей,
И всё ярче и нарядней суета,
И кошелки всё полней и тяжелей.

А на каменных на невских площадях,
Где морзянкой светофоры говорят,
Бляхи медные на медных лошадах
В медном свете медным золотом горят!

А ведь думалось: забот — невпроворот,
И казалось: неудачи все — твои...
Не венчанье, не крестины — Новый год!
Пьяный запах мандариновой хвои!

Нехороших и обидчиков простим.
Всё, что спешно — отодвинем на потом.
И откроем, и нальем, и погрустим
Незаметно
О себе и о своем.

Еще не край. Еще живу!
Еще храню в запасе порох,
И слов десяток, от которых
Болит, как будто наяву,
Еще могу поставить в ряд,
И, чувствуя дыхание строчки,
Еще я слышу, как звенят
И падают с деревьев почки,
Как пахнет молодым листом,
Проселком, деревянной школой,
Рекой разлившейся, мостом,
Где я иду такой веселый
Своей тропой, своим путем...
И всё — на ять, и всё — путем!

Алтай

Здесь чернозем грачиной чернью
Блестит под сталью лемехов.
Здесь, тетивой поющий, чернеть,
Касаясь тростника верхов,
Туман пронзает над протоком,
И, шавкая, летит туда,
Где новый день зажжен востоком...

В постромках сельского труда
Он подступает, багровея,
Раскинув крылья-невода,
Он ладит мне хомут на шею,
Он спрашивает: «Сдюжишь?..»
— Да!

Конечно, сдюжу!
В этих крыльях,
Полого стелющих рассвет,
Малиновых, широких, сильных,
Иной не мыслится ответ.
Конечно, да!
Привет, грядущий!
Сшибай последнюю звезду
И красной охрой шибче, гуще
Плоды раскрашивай в саду!

Цепь водою сочится на ворот колодца,
Лошадь прядает ухом и с придыхом пьет,
И подсолнух — шпана в бескозырке из солнца —
Умываясь росой, по грядке идет.

Пацаны из ночного летят на каурых,
Далеко за рекою визжат оселком,
И корова на травах лежит, как на шкурах,
Лижет ноздри шершавым большим языком.

Дужкой звякнет ведро, птица-селезень шавкнет...
Тихо стукнет калитка...
Петля проскрипит...
Глянет пес на зарю, позевнет и не гавкнет,
Понимает: деревня проснулась, но... спит.

Петушок-вестовой в третий раз встрепенется,
Горн сверкающий в небо упрет и тогда
Молоко звонкой струйкой ударит о донце,
Дым взойдет над трубой и появится солнце,
И в пруду позолотой рябою вода

Заблестит;
Со столба грянет радио песней,
Станет шумно и тесно — коровы идут!..
Вроде, пожил, а жить с каждым днем интересней,
И не где-нибудь в дальних краях, а вот тут.

Здесь гуси и утки вразвалочку ходят,
Здесь всякий петух — вестовой,
Здесь шмель со шмелихою шашни разводят
И лезут в цветы с головой.

Здесь пахнет укропом, ботвою, овсами,
Вьюнком, что ползет в борозде,
Здесь птицы такими поют голосами,
Каких не услышишь нигде.

Так что же мне надо, так что же я, маясь,
Живу, как в потемках бреду,
Какую такую великую малость
Ищу и никак не найду?

Родина

1.

Стихла речка паромная,
Гаснет вечер над крышами,
И огромное темное
Небо звездами вышито.
Старый тополь сутулится,
Густо пахнет смородина,
И пустынно на улице,
И не скрипнет воротина.
А над светлыми хатами

В этой полночи-роздыми
То ли птицы крылатые,
То ли сполохи звездные...

2.

Утро какое!.. Ни топа, ни выстрела.
Пахнет восходом заря!
Чистое поле туманами выслано,
Спелой росой сентября.

А над стернею, за дальней околицей,
Где на омете омет,
Небо такое — коснись и расколется,
Звонким стеклом опадет.

Даль закурлыкает и опечалится,
Иноходь сменит на шаг.
Каждую осень такое случается,
Не было, чтобы не так.

3.

Господи!
Сколько еще и докуда
Буду я жить в ожидании чуда
В сером саманном краю,
Где надо мной злая птица кружится,
Рвет мое сердце — чтоб ей подавиться! —
Кровь добывает мою.

Суслик

Радый солнышку в синеве — рыжий, русский! —
Он живет в мураве-траве по-пластунски.

Стебли с капельками росы — славный завтрак,
Только не было бы грозы нынче, завтра.

Станет столбиком межевым возле норки,
Поглядит на меня своим глазом зорким,

И на весь широченный луг торопливо
Переключку заводит вдруг — все ли живы!

Как он свищет, былую тьму воскрешая...
И пойду я назад, ему не мешая.

Нет мне места в его лугу необъятном,
Я живу перед ним в долгу неоплатном.

Норы помнятся на холмах и капканы,
От зубов его на руках злые раны.

Ах ты, детство мое, — винтом! Солнце — в темя!
То ли я виноватый в том, то ли время?

Как он ржавое грыз кольцо!.. Сердце стонет...
Видно, помнит меня в лицо. Видно, помнит...

Вечером

Серый дым растекался и плыл по земле,
Заполняя просветы пустынных аллей,
И варился закат, словно кетчуп в котле,
И томатами пахло с колхозных полей.

Утомленный народ возвращался в дома.
Утомленные кони роняли слюну.
И скотину встречать выходила сама,
Хворостиной сухой шевеля тишину.

Одинокий фонарь в самом центре села
Загорался и гас, загорался и гас,
И заречная песня печальной была,
Чем тоска лошадиных распахнутых глаз,

Где в бездонных колодцах плескалось темно,
Где блестящим осколком ушедшего дня
Проявлялось на дне и манило на дно
Золотое тепло золотого огня.

Травы пьяно завалятся, колосом сбиты,
Хмель тоску наберет и поникнет башкой,
И кусты, ежевичником крепко обвиты,
Станут листья ронять, а над синей рекой
Тучи будут идти вперемешку с гусями.
Этот гогот тревожный, как стон вековой!
И такая возникнет печаль над полями,
Что повесится с горя последний живой
Восковой, запечатанный плотно, подсолнух
На соседском плетне,
А в капустной гряде
Станет тесно от крепких по-бабьи и полных,
По колено стоящих в осенней воде,
Голубых кочанов...
Что ж ты плачешь, Россия!
Кто тебя этой лентой цветной повязал,
Кто тебе наказал, чтобы ты голосила
У поскотин пустых, прижимая к глазам
То клинок подорожный, то горечь крушины.
Посмотри, как светло и просторно вокруг,
Как пшеницей груженные воют машины,
На токах замыкая разорванный круг!

По трубе узнают, что опара в дому
Подошла и хозяйка дрова запалила.
И петух на коньке закрутился в дыму,
И береза по плечи листву заголила,
Осветив палисад...
— Здравствуй, день, — говорю.
Сыплю птице корма, обметаю ступени,
Наливаю воды и смотрю, и смотрю
На восход, на подворье, на длинные тени,
Что от кленов-берез разбежались в луга...
Как всё это до боли красиво и просто! —
И петух на коньке, и дрова, и слега,
И седая дворняга щенячьего роста,
Да и сам я...
Откуда всё это взялось?
Говорят, что из взрыва какого-то... ада...
Но ведь как хорошо улеглось-утряслось!
Вот смотрю и не верю, что всё это — правда.

Темной силой дышит поле,
Нависают облака.
Помолиться Богу что ли,
Да не движется рука.
Не увечная — живая.
Но не может. Не с руки...
Ходит ветер, завывая,
Бьет о камни башмаки.
А за дальними скирдами,
Примеряясь к пустырю,
Трактора стоят рядами,
Морды вперили в зарю.

И не утро, и не вечер —
Просто мрак идет средь дня,
Небо гнет, избу калечит,
Делает слепым меня.

Как свинец из лихого ствола,
Налетели дрозды на калину.
Что за шум?
Это осень пришла,
С бугорка покатилась в долину.

Вот идет, обметая кусты,
В паутины бурьян обряжая,

Обнажая холмы и кресты,
И латынь на крестах обнажая.
И такой наступает покой,
И такая земля неземная,
Словно трогаешь душу рукой,
А душа, будто рана сквозная,

Кровью капает, болью болит,
И следит, как зима подступает,
Палисады и крыши белит,
И тропу серебром посыпает.

Словно черные хлопья на фоне звезды,
Воронье в облетевших ветвях не галдит
И не чистит пера. В их глаза из слюды
Месяц, губы топыря, раскосо глядит.

Горький час полуночника... Тени в углах...
Домовой шебаршит, охраняя углы.
Что находит — ворует, хранит в зеркалах,
В голубиных глубинах из праха и мглы.

Я смотрю в эту бездну — ни зги не видать,
Только блики зрачков, от которых светло.
Я кричу в зеркала — ничего не слышать,
И тогда я дышу — не потеет стекло.

Пахнет в воздухе Везувием.
Ходит ветер, гнет стекло.
Туча схожая с безумием
Наползает на село.

Гарью дышит, черным хохотом.
По фронтону, по крыльцу
Рваной жестью бьет и с грохотом
Гром катает по кольцу.
Ни одна изба не курится,
И на улочках села
Ни собаки нет, ни курицы,
Ни кола и ни козла.

Только стрелы над дорогою
Опереньем шелестят,
Только ласточки с тревогою
Из-под крыши вниз глядят.

Да щенята в сени просятся,
Поднимая тихий вой,
Да в сенях под лавкой возится
С хомутами домовой.

Гроза грохотала светло и отвесно,
Чернея, буграми ходил водоем,
А туча на тучу все лезла и лезла,
Свинцом заволакивая окоем.

Всё было как надо. В стропилах гудело,
Шаталась изба,
На скрипучей петле
Калитка штакетиной свежей белела,
Мотаясь под ветром в сиреновой мгле.

Корявые сучья гремели в деревьях.
Корявые молнии били в упор,
И дождь полосую шагал вдоль деревни,
Глуша и сминая в сенях разговор

О том, что гроза хороша, да не время,
Что надо бы ведро, что травы уже
Набрали метелки, и горькое семя
Роняет седая полынь на меже.

Ну, с кем поделиться веселой печалью —
С дроздами, летящими строго на юг?
С луной голубой, голубою эмалью
Обрызгавшей выбитый косами луг?

Ну, с кем поделиться веселою грустью —
С подковой, лежащей на стыке дорог?
С тропой, что ведет к камышовому устью,
С курьерским, идущим в ночи на восток?

Ну, с кем поделиться печальной удачей —
С зарею, что гаснет? С зарей, что встает?

— С душой, что свернулась в комочек и плачет,
Да с сердцем, что плакать душе не дает...

Вечер

Вечерних звезд скупая завязь
Мерцает вспышками слюды,
Колелблется тальник, склоняясь
Над вечным таинством воды.

Змеею желтою дорога
Ползет куда-то в никуда,
Туман седой — посланник Бога —
В репье скуфья и борода —
С холма спускается в долину.
На мысе, где еще светло,
С больших копыт смывает глину
И пьет роскошно тяжело

Рабочий скот.
Зовущий голос
Шибает хмелем, как вино,
И серебром расшитый пояс
Роняет месяц на гумно,

И воздух вспыхивает синим,
И легкий дух неуловим.
И только трепетно осинам,
Тревожно только им одним.

Осень! осень... Охапки листьев.
Всем достанется!
На плечо
Полдень падает шубой лисьей,
Расстилается горячо.

Утопая в меху богатом,
Ветер ходит, прозрачен, сух.
Солнце шастает по палатам,
Груши падают, а на слух —

Будто кто ударяет в бубен:
Гулко, весело и легко!
И петух, с серьгой цвета бубен,
Праздник празднует.
Высоко!
Лучшей песни о бывшем лете
Никому уже не сложить.
Осень, осень...
Печаль в карете!
Ах, как хочется жить и жить...

Сроки подойдут и не спеша
У души спрошу:
«Ну, что, душа?..
Время — горечь пить и собирать
То, что разбросали мы однажды...»
Собирать не значит — выбирать,
Да и пить совсем не значит — жажда.
Это просто значит — в небесах
Накопилось много на весах
За дурные годы бытия
И камней, и яду-пития.
А поскольку надо умирать,
Есть такой обычай — убирать
За собою...
В памяти скрести.
Мебель двигать. Веничком мести.

...И решусь!
И отдам всё за ломаный грош.
Ничего не возьму — только песню и лиру,
И пойду по дорогам (веселый Гаврош!),
Забывая свою городскую квартиру.

Будут петь мне в июнях мои соловьи,
Будут в августях падать на плечи рассветы,
И осенние листья под ноги мои
Будут сыпаться, как золотые монеты.

Что мне золото?
Нет, не нагнусь, не возьму!
Знаю я, что от золота голос грубеет.
А за песни мои в самом бедном дому
И накормят меня, и теплом обогреют,

И за краткий ночлег ничего не возьмут,
И слова на прощанье хорошие скажут,
И советом помогут,
И хлеба дадут,
И к другому селенью дорогу укажут.

Нет, в поэзию всё же идут дураки.
И чего в ней такое! Обычные строки.
Ну — река, ну — тростник, ну — обрыв у реки,
Над которым всё утро стрекочут сороки.

Это кто ж там идет, не за мной ли с косой!
Я-то знаю, сорока трепаться не станет,
Я знаком с этой птицей, она не обманет...
И выходит... красавица!..
Ножкой босой
Отрясает росу и свирель вынимает,
И к высокой березе плечом прислонясь,
Извлекает печаль.
Вызывает на связь...
И дурак этим звукам всё утро внимает...

Колочей проволоки лира...
И. Бродский

1

Как злой фортуной загнанный король,
В кирзу обутый и одет в фуфайку,
Сидел поэт, сжимал изгнанья пайку —
Почто ему томиться и доколь?

Но не было ответа. Часовой,
Убродный снег со скрипом приминая,
Блестел штыком и, как сова дневная,
Крутил заиндепевшей головой,

И чем-то очень походил на Феба,
В служении зашедшего туда,
Где к рыбе выдавали пайку хлеба,
Но вилку не давали никогда.

2

Барака серый зачумленный остов
Расскажет всё, он не умеет врать...
Потом откроют визу. И на остров
Придти уже не сможешь.
Умирать
Придется там, где писем нет по году,
Но можно, со свечой накоротке,
По-русски думать и писать (в угоду
Кому?) на иностранном языке.

В вагоне

Чудится, еду в России я...
М. Волошин

Прощание с ночной Тулузой...
На стенке пиджачок кургузый
Болтается, слоново желт.
В окне луна в кругу горящем,
А на перроне отходящем
Какой-то тип в подобье шорт

В тебя глядит и крутит пальцем...
Когда б ты не был иностранцем,
Ты б не смотрел нетопырем,
Ушастым и крупноголовым,
На эту женщину в лиловом,
Стоящую под фонарем,
На этот самый свет фонарный,
Густой и желтый, как янтарный,
На типа странного в тряпье,
На шар луны, в дыру летящий,
На куст черемух, шелестящий
Листвой, что картами — крупье...

Но, слава Богу, скорый поезд
Уже вошел в зарю по пояс
В шипящих звездах, в брызгах рос!
И солнца золотая спица
Стучит в стекло: «А что там снится
Тебе под звук чужих колес?»

Чужих колес...
Тебе ж не спится.
Тебе твоя Россия мнится,
Грехи и радости ее,
Свет куполов, проселки, дроги,
Стада коров и вдоль дороги
Кружащееся воронье...

Не хотелось бы так, но иначе нельзя.
По могилам и тюрьмам распались друзья.
Не итог подвожу, но смотрю за черту...
Словно шапку о землю, ударю мечту,
Перспектива бессмертья давно не манит,
Вот и пить научился, уже не тошнит.

Вот и пить научился, уже не тошнит,
С каждым днем равнодушной смотрю на гранит.
От ударов под дых защищаясь рукой,
Всё привычной гуляю с небритой щекой —

Опускаюсь навстречу какой-то беде,
Как в славянский колодец мурза на бадье.

Как в славянский колодец мурза на бадье...
Что он хочет во тьме? Прикоснуться к звезде?
А и впрямь, что ты ищешь, скуластый мурза,
От испуга и страха тараша глаза,
Черной тенью вдоль черного сруба скользя...
Не хотелось бы так, да иначе нельзя.

Не хотелось бы так, да иначе нельзя,
Видно, выпала в жизни такая стезя,
Видно, посох достался кривой и с сучком,
Потому и разодраны губы крючком,
Что учили меня — не смогли научить,
Как живую форель от блесны отличить.

Встану утром, приму полстопки...
Гуси-лебеди-журавли!
Что в кармане?
Пивные пробки.
Вот ведь жизнь, понимаешь ли.
У сельмага машина воеет,
В старой кузне гремит металл...
На халяву теперь не поят,
А свои давно промотал.
И сижу я, гляжу на ветер,
В двух шагах от добра и зла.
Хоть бы кто заглянул,
Хоть петел,
Мышь-норушка бы из угла.
Я нашел бы огрызок корки,
Дал пшеницы им, молока...
Эх, Россия, леса-пригорки,
Медовуха из тuesка...

Скину туфли, сниму пальто,
Разогрею постылый ужин...
Мне не нужен уже никто,
Да и сам я себе не нужен.

Это грустно, но не беда.
Это горько, но не отравя.
Упадет на плечо звезда,
Обернется дурною славой...

Здесь ночами и глух, и гол,
Непонятный, как только зачат,
Я катаю во рту глагол
И не знаю, что это значит.

И в рассветном луче лучусь,
Верю слову и жду удачу,
И кровавой слюной сочусь,
И слезою кровавой плачу...

Змея лежала под колодой.
Змея... Не кобра, не гюрза,
А — так...
Следила за погодой,
Лениво щурила глаза.

Она лежала у дороги.
Вальяжная, она могла б...
Шли по дороге ноги, ноги,
А человек, известно, слаб.

Что ей мешало востепениться?
Что ей мешало пасть раскрыть,
И развернуться, и коснуться,
Кольцом блеснуть и воздух взрыть!..

Она же — нет, не шевелилась,
Мол, нет желания ничуть...
Ну, надо же, какая милость.
Ну, надо же, какая жуть!

Желанья нет...
А тут — желают!
Жуют (не давятся!), едят,
Отраву льют, стреляют, лают,
Или недобро вслед глядят...

Новый день встает. Не пора ль купить?
Тяжело — не пить. Тяжелее — пить.

Потому, что пью я осознанно.
Счастье пропито или роздано?

Или мой кувшин был с дырявым дном?..
Ой, ты, жизнь-тоска, — не залить вином!
Я смотрю вокруг, нет покоя мне,
Всё холмы, холмы, — я на самом дне.

Глина чавкает, берег рушится,
Птица черная рядом кружится.

Всё плотней круги, всё крыла темней.
Не видать ни зги. Наливай полней!

Наливай полней, да и все дела...
То ли жив еще, то ли смерть пришла?..

Дождь окончен, но гроза
Всё еще деревья валит!..
Новый день, малиной залит,
Из ведра промыл глаза,

На крылечке крутанулся,
По стеклу провел огнем,
Сыромятным затянулся,
Медью кованым, ремнем!

Вот и всё, и вся недолга.
Сладок сон, да не поспишь!
Сверху вниз валилась Волга!
Снизу вверх бежал Иртыш!

И с холма воды напиться
Журавлиным косяком
В белых лентах, в белых ситцах
Шли березы босиком.

Шли отары. Даль клубилась!
Пар стелился по траве.
Горло пело, сердце билось,
Коршун плавал в синеве.

А на дальнем перевале,
За рекою, за бугром,
В небе, как в пустом подвале,
Всё еще катался гром!

Невесомый и неслышный
Светло-серый облак пышный,
Легкий ветер, дождь косой,
Солнца луч,
В листве зеленой
Домик чисто побеленный...
Среднерусской полосой

Еду, газ ногой педалю,
Открываю даль за далью.
Тополы в параличе!
Скот пасется. Слава Богу...
Дядя вышел на дорогу —
Кнут пастуший на плече.

Торможу. Поговорили.
Будто щей казан сварили!
Я опять педаль топлю.
По проселку — как по следу! —
Еду, еду, еду, еду —
Солнышко щекой ловлю.

Вот страна! Ни дна, ни края!
Есть ли где еще такая?
Широка, тепла, светла...
Небо, солнце, дождь, дорога —
То крутая, то полого,
То прямая, как стрела!..

Степь

Убегают сайгак и сайга,
Скорость — ног не видать ни фига!

Ствол винтовки — аорты обрез...
Ручка газа и... наперерез!

Не погоня — стальная струна!
Степь мертва, сожжена, солона.

Степь пуста! И на тысячи верст
Звон копыт и визжанье колес,

И уверенность — гонка не зря.
И... очки...
И зрачки дикаря.

Спас медовый...
Износились крылья.
Выходи, сосед, меды качать!
Улей вскрыт. Какое изобилье!
Вот над чем склониться и молчать.

Долгий труд под восковой печатью.
Не вскрывать!..
Янтарная пчела

Траченным крылом ведет по платью,
Но взлететь не может. Тяжела.

...Бродит август, пахнет огурцами,
Создает из праха миражи,
Дышит медом,
Счастье бубенцами
Ворожит-колдует...
Ворожи.

Столица и в Австралии — столица,
А вот деревня — только на Руси...

Дома светлы. Приветливые лица.
Туман, как шаль, хоть на плече неси!
В три улицы дома, за речкой пойма,
Гогочет птица, уркает пила,
Скрипит журавль; всё мирно и спокойно,
И только разогретая пчела
Спешит на волю капелькою света;
Никто не знает, знает лишь она,
Что не бывает постоянно — лето,
Что если на канавах белена
Стручки набрала, значит дело к Спасу...
И впрямь — крестьяне яблони трясут,
И женщины для яблочного квасу
Антоновки в передниках несут.

Лиде

Потом, когда меня не станет,
И ты свернешь и спрячешь шаль,
В твой тихий дом войдет печаль
И за твоей спиною встанет.

Не отрекайся от нее,
Не укрывайся за стеною —
Твоя печаль не что иное,
Как продолжение мое.

Куда б тебя не привела
Слепая суতোлка буден,
Печаль всегда с тобою будет, —
Тиха, прозрачна и светла.

Когда однажды среди сна
Ты вдруг услышишь звук свирели,
Бесшумно поднимись с постели
И сядь у нашего окна.
И в час, когда в полях темно,
Когда тревожно кычут совы,
Невидимый и невесомый
Приду я под твое окно.

И — легкий призрак — не дыша,
Касаясь губ твоих, ладоней,
Я буду чувствовать, как стонет
Твоя прекрасная душа.

По сено

Бескрайний снег. Россия. Купыри.
Травы созревшей пышные метелки
Опушены морозом. В волчьи холки
Рассвет вплетает ленточку зари,

И слышно как токуют глухари
За речкой, на бору, у самой кромки...
Пристяжка рвет и дышит на постромки
Серебряным туманом из ноздри.

И, серебром окутанные, сани,
Визжа, идут в раскат на вираже,
И ты, вращая крупными глазами,
Стоишь в санях в хозяйском кураже,
Чуть шевеля подобранной вожжой,
Весь в инее, бессмертный и большой.

В голой роще кукушка всю весну куковала,
Словно нитку, весну сквозь кусты продевала,
Недородом пугала, предрекала разлуку,
И тяжелую долю, и лихую разруху.

Мы ходили по пашне, собирали картошки,
Мы пекли из картошки — вот такие! — лепешки,
Мы крутили сигарки, мы саранки копали,
Мы ходили к цыганке, мы о счастье гадали.

Выходило — не очень... Карты, деньги да кружка
Всё родней становились. Эх, кукушка, кукушка...

Подросток

Легким дождиком пыль прибитая,
Светом полнится утро свежее.
Окна чистые, как намытые,
Даль прозрачная, словно вешняя.
Облака так легки, парящие,
Синим дымом низина выстлана...
Прикоснешься к стволам — звучащие,
Слово вымолвишь, в слове — истина.
А рубашка — бела!
Не пестрая.
Чтобы светлым шел в тихой роздыми.
А литовка такая острая,
А роса на соцветьях — гроздьями!
С синевою, на диво, ровные
Капли вызрели за ночь, рясные...
И в полнеба заря огромная.
И судьба впереди неясная.

Солнце

1.
Оно – по стеклам, по крылечку,
По старым следам на шесток
Перетекло,
Потом овечку,
Потом коня точеный бок
Позолотило, развернуло
К себе подсолнух, а потом
Как будто жаром потянуло
И тополь шевельнул листом;
Стекла роса на кончик стали
Косы, почувшавшей светло,
И согреваться руки стали,
И сделалось ногам тепло.
И очарованный соседством
С огнем, пробившим облака,
Я и не знал, что это действо
Мне детство дарит на века.

2.
В небе коршун высокий, скирда на подворье,
На заборе качается хмель во хмелю,
Крепко меченный оспой корявой и корью,
Я картошку печеную крупно солю.

Солнце вязнет в кустах. Переполнены кадки.
Стриж застыл на лету и повис в проводах

Нотным черным крючком. Наш сосед на трехрядке,
Не спеша, подбирает лады на ладах.

Что за новая песня, о чем и откуда?
Как он звуки стыкует и вяжет слова?
Всё яснее мотив, всё доступнее чудо,
Всё светлей и печальней моя голова.

Я не знаю еще, что запомню всё это
На всю жизнь, навсегда, до известной реки...
Дышит медом высокое жаркое лето,
О прошедшей войне говорят мужчины.

Кони, звякая сталью, идут с водопоя,
Золотою свечою стоит благодать,
И любая мечта, и желанье любое –
Всё исполнится, только успеи загадать

Подпасок

1.

Хорошо в подпасках. Нега.
Пьяный шорох пьяных трав.
Рассыхается телега,
Дышло старое задрав.

Чай кипит. Стрижи мелькают.
Солнце валится в кусты.
Жаркий воздух протыкают
Золотые пауты.

Стадо мается от зуда.
Кузнецы куют ножи.
Неба знойного полуда
Льется на колосья ржи.

Ни обрыва и ни края,
Ни начала, ни конца.
Ветерок, дымком играя,
В дрему клонит огольца.

А по гриве межевые
Метки, меж которых в ряд
Суслики сторожевые
Словно башенки стоят.

2.

Хорошо в подпасках. Воля.
Конь. Седло. Сидишь как князь...

Далеко, за краем поля,
Тучи, грузно шевелясь,

То, вскипая, разойдутся,
То сойдутся – не разъять,
То рогами так сшибутся:
На ногах не устоять.

Соберутся овцы в кучу.
Кони гривы развернут!
Дождь придет, ломая сучья,
Ковыли свивая в жгут.

И тогда взиграет стадо,
Стадо кинется бежать.
В это время стадо надо
Непрерывно удержать.

Ветер. Молнии кривые.
Весело, аж будь здоров!
Телки, словно чумовые,
И бараны без голов.

День

Шмель зарылся в клевере,
Разглядишь не вдруг.
Дождь идет на севере,
Я иду на юг.

Молодо и весело
Плещется река.
Жучка набок свесила
Пламя языка.

Отставать не велено.
Вот и семенит.
Родина. Не меряна.
Мает и манит.

Поле не допалото.
На привале смех.
Солнце уйму золота
Вылило на всех.

Девки с позолотами
Лезут в тень дремать.
Утки над болотами
Учатся летать.

Порохом не мечены,
Кружат высоко...
Жарко! И до вечера –
Ух, как далеко.

И снова наискось и боком
Заря по лесенкам прошла,
И, полыхнув по стеклам окон,
Осинник желтым подожгла,
Позолотила струны сосен,
Берез веселые верхи.
И стало ясно – это осень...
И выпал шмель из-под стрехи.
И засопел, и завозился!
Пытаясь выправить крыла,
Он головой о землю бился,
Гремел во все колокола!
И поплыла тоска над полем.
Плыви, басовая, плыви!..
А мы картошечку посолим,
И, разгоняя жар в крови,
Пойдем вперед, навстречу свету,
Рубить пласты, молоть зерно,
Вращать огромную планету
И с ней вращаться заодно.

Последний звонок

Счастья синяя птица...
Белый бант, воротник...
В небе солнце струится,
Жизни вечный родник.

Речка плещет о берег.
Рвется ласточка ввысь.
Антарктид и америк
Впереди — завались!

Это как перед боем.
Столько вдруг тишины!
Нам не страшно, обоим,
У расстрельной стены...

Мы уже понимаем,
Что погибнем с тобой.
И вдыхаем, вдыхаем
Майский день голубой...

В соломах ли, на сенных ли пластах,
Не помню где,
Лишь помню – на устах
Мерцало золото. Манило и звало.
И было нам просторно и светло
Под ветром, что шумел над головами.
И разжигало солнце наше пламя
За разом раз! Калило добела!
И в этом пекле я сгорал дотла,
До донышка. И ты со мной горела.
Гореть красиво — это тоже дело!

А после мы валялись. Две души.
Растрепаны, легки и хороши.
Под небом, на открытом сеновале.
И остывали...
Ласточка моя!
По краешку земного бытия
Шагая неизвестности навстречу,
За те мгновенья чем тебе ответчу –
Какой тоской, какой лихой судьбою?..
Тобой убит и воскрешен тобою.

Чем-то новым даль окрашена,
Словно и не наяву.
До чего ж планета страшная,
А ведь я на ней живу.

О своем плохом не думаю,
О хорошем не молю,
И судьбу свою угрюмую
Никому не уступлю.

Потому как мне завещано
Жить на свете до ста лет,
Мне завещана и женщина,
Чтоб хранить меня от бед.

Руки гладить, плечи, волосы...
С этой женщиной вдвоем,
Если — что,
Мы на два голоса
Песни грустные поем.

Золотые маковки... Столица...
Медь гудит... Дорога в рай пряма...
Это ж кайф — нагадив, помолиться.
Помолиться — это не тюрьма.
И тропинки сходятся к притворам,
И молитвы тянутся наверх
Путаным гугнивым разговором...
Господи, зачем прощаешь грех?
Вот ведь — жнет, а не пахал, не сеял,
Ну и сделай, чтоб не жил — влачил...

Где он ходит, что зерно от плевел
Отделять умеет, как учил?

И куда с небес глядит святая Троица?
На награбленные деньги церковь строится —
Вроде выкупа за жизни, что загублены.

Не об этом ли печалюсь, свечи куплены?

Вот горят они, мерцают, воском плавятся...
А вокруг который век дерутся, лаются,
Приправляют свару водкой да закускою,
И зовут всю эту мерзость долей русскойю.

*Кусай гнилую нитку, пряжа,
Мне в этом царстве места нет...*

Виктор Максимов

*Без стыда, без жалости, без страха
Сделали из Вити горстку праха...*

04.2005

И ты ушел, скорбя и негодуя,
Туда, откуда не придешь уже.
Разрезан и заштопан. Неглиже...
Прислужники поддатые, шуруя
В геенне кочергой, поправят жар
И подтолкнут тебя, и смрад, и пар
Свечой взойдут над черною трубою,
И то, что было некогда тобою,
Поднимется до облачных высот,
Разветется, и ветер отнесет
Веселый пепел на сады и пашни,
Где новый день справляет торжество,
Где светлой тенью ходит день вчерашний,
Исполненный дыханья твоего.

Отпусти ты меня, конвойный...
М. Цветаева

В темном, шашелем точенным, книжном шкафу
Переплеты шелками блестят, сановиты.
За обложкой зеленой берут на «фу-фу».
За тисненою красной жируют бандиты!..
А вот эта книжонка (откуда она?)
Создавалась когда, под какую ордою?
Я ее разверну, как накроюсь бедою,
Что волны тяжелей.
А беда солона!..
Подступает смятенье, дышать тяжело,
Время рвет паруса, гребни ходят, упруги.
Ни костра, ни звезды. Кто поможет фелюге!
И я вижу и слышу, как стонет весло.
Время гнется в снастях, переходит на вой,
Золотую зарю кукарекает кочет.
...И конвойный никак арестантке не хочет
Разрешить постоять под рассветной сосной.

...а потом, признаваясь в любви, предадут...
И огонь моей веры погаснет во мне,
И они из неволи в пустыню уйдут,
И потонут в песках, и потонут в вине.
И опустится мор, и опустится глад,
И на башнях контрольных зажгутся огни,
Будет кровь, и от брата отступится брат,
Только бездны своей не постигнут они.
Всей беды не поймут...
Ну и что мне в любви?
Для чего эта жизнь, эта боль, эта плоть?
Я несу, как проклятья, вопросы свои:
— Слушай, Господи! Слышишь?..
Не слышит Господь.
И я плачу тогда:
— Хоть видишь ли, Господи...

Здесь в тебя влюблены, если ты — просто так.
И тебя вознесут... Новоявленный гений!

Променяв золотой на потертый пятак,
Ты каких еще жаждешь добыть откровений?

Не добудешь, увы. Здесь польстят, подпоют...
Но когда разобьешься, тебя не заметят,
Обойдут стороною, на крик не ответят,
Для спасения пару жердей не собьют...

И вновь досада, боль и грусть,
Как непокой на высшем пике...
Я обязательно вернусь
Туда, где грядки в повиликe,
Где птица волею пьяна,
Где зверь о камень точит коготь,
Где на канавах белена
Такая, что опасно трогать!
Там над рекой стогов крутых!..
Там пацаны шумят, купаясь,
Там рыжий конь в хлебах густых
Колосья рвет, не нагибаясь!
Там чуб хмельной у седока.
Там вечный чибис у колодца.
И неба синь синей клинка,
И столько солнца!
Столько солнца!

Вернисаж

Сквозь густую щетину сосновой хвои
Щурит солнце глаза поросячьи свои,
И, лучом на тропе поджигая труху,
Чешет розовый бок о кривую ольху.

А за дальней березой, на том берегу,
Бородатый сохатый застыл на бегу,
И тяжелый кабан, омывая клыки,
Пьет рассветную воду из теплой реки.

Возле края обрыва, у старого пня,
Я стою, но художник не видит меня,
Потому что есть то, что, конечно, главней.
А с маэстро не спорят. Маэстро видней!

Красота!
Ой, художник, и, впрямь, красота!
Слышен запах земли, виден трепет листа,
И туман, меж деревьев плывя на боку,
Шевелит паутину на рыжем суку...

А восток всё сильнее! Солнце рушится в зал,
Заливая огнями перрон и вокзал
На соседнем холсте, где художник другой
Пассажирский состав выгнул черной дугой!

Там толпа пассажиров стоит и молчит.
Там кричат денщики и носильщик кричит.
Там ключами гремят, там надраена медь,
И такая тревога, что больно смотреть...

Мой былинный народ
Стал обычным изгоем.
Кто не пробовал – пьет,
Кто бывал, тот – запоем.
Вот и мне невтерпеж,
В чем не вижу плохого.
Присмотрись, и запьешь,
И стыда никакого.

Суета, пустота.
Обернешься и снова
Ни лица, ни креста,
Ни приветного слова.

Одурманишь мозги,
Как примеришь постромки...
Гляну влево – ни зги,
Вправо те же потемки.
Но когда впереди
Что-то вдруг забелеет,
Рву сатин на груди...
А в душе не светлеет.

*«А всего ты, сила русская,
На тыновье загодилася.»*

С. Есенин

Кто пьет «из черепа отца»,
Кто просто из бутылки...
Не видно у кольца конца,
Окорье да опилки.

Какая боль! Какая грусть!
Талдычат – Русь... Какая Русь!
То храм, то пепелище...
Я знаю, вижу: как тогда
В мой дом опять идет беда
В похмельных сапожищах.

Не с пулеметом, не с клинком,
Не с крупновскою сталью.
А — по-мужицки! Под хмельком...
Придет, всплакнет,
Рукой махнет,
На стаю спустит стаю...
И я, молясь и трепеща,
Достану нож из-под плаща.

Лихой зимы под каблуком
Лихая песня...
Душа не плачет ни о ком.
Неинтересно.

Вся жизнь в пути, в борьбе, в гоньбе...
Живешь, батрачишь...
Кого жалеть? Тут о себе
И то не плачешь.

Бежишь дорогой в никуда,
Играешь драму
В трех миллиметрах от беды,
В пяти – от сраму.

Не поскользнись на вираже!
А поскользнешься –
Не отбояришься уже,
Не отскребешься.

В лютой темени выйду в полночи,
Никого вокруг – только сволочи.

Ведьмы шарятся, черти рыскают,
Жарят, варятся, ядом брызгают.

Те шельмуют там, эти мутят здесь.
Там плохая песнь, тут лихая весть.

Видят всё насквозь, в десять глаз прозрев...
А в садах луна рвет плоды с дерев!

Рвет хозяйские, рвет колхозные,
И роняет их в травы росные.

Медом пахнет сад! Под такой луной
Хорошо ежам, просто рай сплошной!

Каковая чудь – таковы слова.
А вокруг трава будто шелкова!

Светлым светится, ладно стелется,
В то, что ведьмы есть и не верится.

Блюдец с плоскою водою,
Лампы свет, закат в окне...
Постою перед бедою,
Погадаю при луне.
А за окнами – дорога,
Вербы гнутые, гряда.
Манит, манит от порога,
А задумаюсь – куда?..
Горизонт коряв и черен,
Тучи с рваной бахромой.
Зашумит крылами ворон,
Станет виться надо мной,
Намотает сорок петель,
Из степей пригонит ветер,
А когда запахнет адом,
Прекратит кружить, парить,
Круг замкнет и сядет рядом,
Страхи станет говорить,
Клювом клаять, глазом мерить,
В жуть вгонять, но я ему,
Черному, не буду верить,
Как не верю никому.

Смотрел и видел, и не знал, что послуху
За это среди лжи идти, что посуху,
Где слову присягнув, как делу ратному,
Строки не должно осквернить неправдою,
Но говорить лишь то, что было видно...
А виденного видимо-невидимо.

Собака

Подкармливал, кормил и прикормил.
Уже и узнавал ее. По лаю.
Всё шло нормально, но пришел debil
И выстрелил. Зачем, не понимаю.

Конечно, я досаду залечу.
Подумаешь, безродную убили...
Подумаешь... Я что сказать хочу:
Напрасно мы расстрелы отменили.

Я не за месть. Сосед ли, имярек...
Но манит равновесия картина,
Тем более, когда – нечеловек,
И, главное, обличьем – не скотина.

И света сноп – как горсть прозрачных зерен! –
Из темного окошка.

Тишина...

Крылами прошумела птица ворон,
И в палисаде супротив окна
Роса явилась маковой пылью,
Сорвался лист кленовый и, кружа,
Спустился вниз, и сказка стала былью,
И женский голос, трепетно дрожа,
Заполнил всё таким неповторимым,
Таким высоким! И увидел я
Как предо мной частица бытия
Прошла моя,
И с клочковатым дымом,
Скрывающим и дол, и небеса,
Перемешалась и во мне осталась.
И по моей щеке моя слеза
Скатилась и на атомы распалась.

Врач промолвил:
— Живи пока...
Но без водки, без коньяка!
И соленого не моги.
Береги себя, береги...

Я живу. Себя берегу.
Раньше пил — теперь не могу,
Раньше ел, а теперь гляжу.
Тошно, братцы, без куражу!
Тошно этак и тошно так,
Превращается жизнь в бардак,
И не просто в бардак – в борьбу.
Где такую добыл судьбу?
Не случился загад богат.
Лучший друг отвернулся.
Гад.

А с другой стороны, смотрю, —
Не один я вот так мудрю.
Вот и этот ни капли в рот
Не берет, лишь овсянку жрет,
И не пишет стихов к тому ж.
Вот где пакостно.
Вот где... уж...

Вновь сажу, одиночу.
Пустота. Тишина.
Продираюсь, пророчу,
Добираюсь до дна.

Шконка помнится, ватник...
Место, где без прикрас
Каждый пятый – стервятник,
Не скрывающий глаз.

Сколько выпало, боже...
Что ни шаг, то урок.
Ходит холод по коже,
Достает до кишок.

Вот прознать бы, додумать,
С болью наедине,
Что там спрятано в трюме
Этой жизни, на дне?..

В краю от Иртыша до Енисея,
Пася отары и пшеницы сея,
Пронзая небо бронзовым копьем,
Скуластый гунн, безродный и бездомный,
Притянут к жизни тягою бездонной,

Окидывая оком оком,
Всегда в погоне, я бежал и мчался,
На бричках тряся, на горбах качался,
Влюблялся в жизнь и понимал – она
Одна, и от нее не отвертеться,
И тяга к ней, что чувствовал я с детства,
Была во мне, воистину, без дна.

Сонет

В стекло однажды заглянув, пойму,
Что зеркала в природе не случайны,
Что зеркало разбив, лишишься тайны...
Я в зеркало вхожу и в том дыму,
Легко мне, затерявшись, одному
Идти, и вспоминать, и, вспоминая,
Почувствовать, что жизнь уже иная
Стоит вокруг меня, и потому,

Дыша свободой, я шагаю дальше
В прекрасный мир, где ни на йоту фальши.

И если вслед недобрая молва
Шипит: «вернись...», то я в ответ слова
Роняю, губы вытянув в дуду,
«Вернись... вернись...», а сам вперед иду.

День стряхнул туманы с облака,
Обложил дождем гряды.
Не видал грязнее волока.
Делать нечего — иду.

Невеселая дороженька,
Слева мрак и справа мрак.
Если это сделал боженька,
Почему он сделал так?

Мог бы солнышком порадовать,
Птицей певчею, а то
Земляник веселой ягодой,
Иль попутчицей... А что!

Мы бы шли бы с ней, болтали бы.
Лето. Сосны. Благодать.
Никого...

...Да нам на алиби
Просто было б наплевать.

Канун

Вздохнет и задрожит осинник.
За речкой повторится гром.
И на травинке пять росинок,
И клен, раскинутый шатром,
Замрут. И молния ударит.
И запоет печаль в осях,
И лошадей гнедой косяк
Раскинет гривы, и обшарит
Высокое высокий свет...

И новой молнии в ответ
Калитка скрипнет. Женский голос
Окликнет поле, и оно
Дольет последнее зерно
Чистейшим золотом, и колос
Негромко прошуршит: пора,
Усы расправит, изогнется.
И поле дружно отзовется —
Пора, пора... И дождь прольется.
Веселый дождь. Из серебра.

Дождь охапками листьев плюет.
Чайки мокнут на дальней гряде.
Я рыбачу плотву. Не клюет.
Видно, нет ее в этой воде.

А тростник, знай, шуршит и шуршит.
А барашки бегут и бегут.
Но душа никуда не спешит.
Хорошо ей, наверное, тут.

Никого. Ни друзей, ни вранья.
Мокрый северный ветер не злой,
И ни коршуна, ни воронья
В низком небе, завешенном мглой.

И не слышит никто, не следит
Как болотная птица дудит
В золотую кривую дуду,
От меня отгоняя беду.

Волна уйдет и вновь накатит.
Валун блестит. Луна мертва.
Орет баклан. Белеет катер.
На черном черная сова
Как черный росчерк. И ни звука...
Поговори со мной, печаль,
О том, как тяжела разлука,
И ничего уже не жаль —
Ни тех полос, ни тех колосьев,
Ни тех снегов, когда в ночи
Звезда блестит из-под полозьев,
А по утрам хлеба в печи
Дружны и высоки, и жарки,
И у красавиц на заре
Ресницы, брови, полушалки
В таком роскошном серебре!
И этого богатства столько,
Что хочется лишь одного —
Смотреть на эту Русь и только,
Боясь дыханья своего.

Бахча

В жгутах камыша дверь на ржавой петле.
В глуби шалаша на тесовом столе

Обломок штыка тусклым блеском дрожит...
(Душа казака где-то рядом кружит!)

На мякоти дынной танцует оса,
Крыла приподнимет – звенят небеса...

Живая вода луговых родников.
Озера, стада, табуны рысаков.

Крестьянского быта кондовая злость.
Тугая орбита! Хозяйствуй. Не гость.

Смоленые лайбы, чеканная медь...
Лежать бы, молчать бы, смотреть и смотреть –

На мост, на околок, на взгорок крутой,
Где катит проселок версту за верстой,

Где едет кыргыз, по земле волоча
Натруженный хлыст боевого бича.

Он этим кнутом стережет и пасет.
Нацелит хлыстом – и Господь не спасет!

Любуюсь бичом. Наблюдаю коня.
Веселым лучом гладит солнце меня.

Ни звука, ни слова. Всё видно до дна.
Какая основа – такая страна...

Всё скроено, сбито. Верней сургуча!
Колеса, копыта, пшеница, бахча...

Арбуза пластины. Жую да плюю.
Мои палестины. О них и пою.

Курс держал, меня галсы,
Мрак и темень озарял...
Мой гнедой не спотыкался
И подков не растерял.

Он идет, чеканит воздух,
Сокращает жизни путь.
Ключ, настоящий на звездах,
Нас поманит отдохнуть.

Я коня пущу в отавы,
Брошу под ноги версту,
Лягу на спину на травы
И травую прорасту.

Стану холмиком зеленым.
Новый путник новый путь
Совершая, утомленным,
Здесь присядет отдохнуть.

— Ах, трава какая, — скажет.
Просто шелк, а не трава...
Головой на запад ляжет,
Холм приладит в голова.

Ночь окутает планету,
И ему приснится сон,
Как шагает он по свету,
В жизнь по маковку влюблен.

Купина

Рота в камни залегла. Никудышные дела.
Стрекоза кружит и воет, гарью дышит из ствола.

Мы лежим с Антоном врозь. Из Антона крови гроздь.
Куст терновый не спасает, мой земляк прошит насквозь.

Рву бинты, а он — не рви, толку нет, я весь в крови...
Я кричу ему — Антоша, хоть минутку проживи!

Искры брызжут из камней, бойню делают видней.
Их аллах хороший воин, многих умников умней,

Длинно видит наперед... Из Антона кровь не льет.
У Антона в Барнауле мама старая помрет...

Как проснулись у костра, говорил — видать, пора...
Вот окурочек, докуришь, мне не курится с утра,

Что-то нынче я хандрю... Я на небо посмотрю,
Нет стрекоз, от купины я тот окурочек прикурю.

Куст пылает, весь в дыму. Кто укрыт в нем, не пойму.
Мне б скрижаль — прикрыть затылок свой,
Антонов — ни к чему.

Чернолучье

Криком исходит октябрьская ночь.
Ветер ломает кедровые сучья.
Черной волною кипит Чернолучье,
Лебеди плачут, и нечем помочь.
Камни грохочут, волна высока,
Белые гребни под белой луною
Холодом тянут, тоской неземною,
Стынет душа и немеет рука...

А далеко за Казачьей грядой,
Там, где подтоплены сети рыбацьи,
В поисках счастья и вечной удачи
С темной водою, как с темной бедой,
Борется катер...

Костер догорает.

Лебеди стонут.

Погода играет.

И вдоль прибоя блестят валуны,
Словно осколки огромной луны.

Мы уедем отсюда совсем.
Ветер плотно калитку закроет
И помножит печали на семь,
И в столетних деревьях завоюет,
И листва полетит...
Вот летит!
И дождями умытый проселок
Под колеса телег невеселых
Бросить эту листву норовит.
Так расправим же грудь и вздохнем
Этой палой листвою и громом,
И помашем бредущим коровам
И закату, что рыжим огнем
Разжигает лоскут синевы
Над чертою, которою бредим,
За которую едем и едем,
И однажды уедем, увы.

Испания.

Виноградники. 1994

Чем заскорузлей и кривее
Торчит лоза,
Тем надзирателя темнее
И злей глаза.

Российских нас, простоволосых,
Ему не жаль.
И он глядит, как пять раскосых,
Куда-то вдаль...

Корзины полные до полдня
Кручу-верчу.
И после полдня так же плотно
За что пыхчу?

Ухмылкой улыбаюсь горькой —
За «черный нал»...
Об этом ни строки у Лорки.
Да кто бы знал.

А винограду — пропасть! Осы
То там, то тут,
Как полосатые матросы,
На штурм идут.

Тельняшки рвут. И воем воеют.
Не удержать!
И жалят больно, только стоит
Чуть-чуть прижать.

Ностальгия

В запущенном сквере на нескольких сотках
В дырявой помойной печи
Советские дети в советских колготках
Пекут из песка куличи.

Советские дети... Советские люди...
А я прохожу стороной,
И кто-то поет о свершившемся чуде,
Собою гордясь и страной.

Гудят провода, громыкает телега,
Хлебов золотится пурга,
И солнце с широким лицом печенега
Коней выгоняет в луга.

Высокие зданья, красивые крыши,
За шторками теплый уют.
Залезу на крышу: «А что там, в Париже?..»
А там марсельезу поют.

Великая песня... Великая слава!
Другой не добудешь такой...
На грядке подсолнух стоит златоглаво,
Согнувшись под грузом дугой.

А дети играют. В метровых колготках
Расцветок любых и сортов.
В советском детдоме. На нескольких сотках.
Я плакать от счастья готов.

Китайка

Солонцы. Эта соль – не соль.
Не еда – трава лебеда...
Полюбить китайянку, что ль?
Да не просто, а навсегда!

Я монголку знал. Хороши,
Узкоглазые, все они.
Лето... Займище... Камыши...
Ураганные были дни!

Под стогами ли, на возах, –
Губы в губы и взгляд в упор.
Жемчуга плескались в глазах,
До сих пор слепят, до сих пор!

До сих пор храню эту боль.
Всё скрипят, и скрипят возы...
Полюбить китайянку, что ль,
Что живет за рекой Янцзы?

Там в лугах круглый год трава
Мягче шелка, хоть где ложись.
Лишь представлю всё – голова,
Как хмельная, и жизнь не в жизнь.

Мы ходили б с ней по грибы,
И с любовью к труду, к земле,
Лук растили, чеснок, бобы
И картошку пекли в золе.

Я бы коз и драконов пас.
Китайанку любил до слез.
И родился б сынок у нас,
С русской примесью китаёз.

Я б жалел его и учил,
Славил каждый его успех
И от грусти его лечил,
Потому как унынье – грех.

Я на подвиг решусь такой!
Улечу я к ним, убегу,
Пусть узнают они – какой
Я, и как я любить могу.

Хорошо живу. Люто, молодо!
Мне бы кучера в черном.
Воланда!
Чтобы мог я на всем скаку
Глянуть сверху вниз на реку,
На Казанский собор, на Спас,
Где увидел бы без прикрас
Этот город в прожилках вен
С тайной жутких своих дворов,
Где когда-то средь серых стен
Тосковал я – найти бы кров;
Где, сработанное хитро,
Привечало меня метро
Не за деньги и не «за так» –
За пятак!
Я бросал пятак,
И проваливался туда,
Где зимой тепло без пальто,
Где везли меня поезда
И не спрашивали – ты кто?..

Июнь

Этот город из камня, воды и ветров,
Отдающих гнильцой метростроевских штолен...
Зачинает комар свою песнь островов
Под высокую чистую медь колоколен.

Наступает эпоха великих ночей,
Время белых бантов и шикарных нарядов,
Время четких подковок, блестящих ключей
От блестящих машин, время жарких закатов.

Ах, любовь! Пахнет вечер таким неземным!
Пухнут губы от жажды и тихо сжимает
Кто-то что-то внутри, и дыханье сбивает.
И плывет над шоссе, и качается дым.

Тихий шорох авто... Есть у вечности миг
И любому дается попытка обжечься,
И на травы упасть, как на плахе разлечься,
Ощущая, как сухо немеет язык.

Бьется легкою бабочкой мысль в пустоте.
Небесам и светло, и свободно, и жарко.
Чудеса твои, Господи, все в решете,
Натряси этой радости, сколько ни жалко.

Петроградка

В сыром подъезде вороха добра,
И коммуналки старая дыра,
Пропахшая застиранной постелью.
Кривой торшер, цыганская игла,
И крыса, что приходит из угла,
Шурша своей облезлою шинелью.

Чуланный мир... Во сне и наяву
Мне здесь нехорошо. Я здесь живу.
Варю картошку. Файлы открывая,
Читаю тексты, по утрам смотрю
Чухонскую бесцветную зарю,
И с численника листья обрывая,

Всё представляю ту эпоху, где
Бродили ночью волки по гряде,
Орали выпи, шелестели совы,
Луга цвели, клубились небеса,
Где я, влюбляясь в эти чудеса,
Не жил – парил, как облак невесомый,

Не представляя, что моя звезда
Однажды приведет меня сюда,
Где счетчики мерцают на панели,
Где задувает спичку сквозняком,
А между газплитой и косяком
Гуляет крыса в траченной шинели,

Где не слышны ни волк, ни совы с выпью,
Где страшно мне, что вновь запью как выпью.

Питер

Небо золотом проколото.
Я живу здесь. Ем и пью.
На закате дня из золота
Золотые петли вью.
Сам себе тиран и мученик,
Сам провидец и пророк,
Сам себя ночами мучаю,
Продираясь между строк.
Словно конь, опутан путами,
Не на свет гляжу — во тьму,
Годы — что? — эпохи путаю,
Где какая не пойму.
Земляник лесных не трогая,
На Вуоксу, по росе,
Финской взорванной дорогою
Под косым углом к шоссе
Я хожу, и ниже Лосево
На кольцо лещей ловлю.
Знаю Бродского. Иосифа.
Прозу Бабеля люблю.
Поражаюсь.... Что ж ты, Господи!
Одарил, как наказал...
Слов космические россыпи.
Жизни призрачный вокзал.

Дышит город зноем и покоем.
Каменно и душно. Не вздохнуть.
Я здесь проживаю не изгоем –
Должником. Пора бы и вернуть.
Много разрешил он мне когда-то!
Тайну этих скверов, площадей
Раскрывал... хотя и скуповато.
Город... город...
Скопище людей.
И не то, чтоб это всё прельщало,
Перевоплощало и звало —
Никаких наград не обещало,
За собою в пропасть не влекло.
Но пошел же. Сунул в петлю бошку.
Мерил свои версты, гать гатил,
Поначалу думал – понарошку,
Оказалось, жизнью заплатил.
Еду ли в метро, стою на Невском,
Слово подбираю ли, строку,
Чувствую себя всегда довеском,
Щепкою приколотым к куску.

Этот стих, словно серый бревенчатый дом,
Где и ставень кривой, и труба косовата,
Где лежит за стеклом прошлогодняя вата,
И к двери через грязь проберешься с трудом.

Вот беда. Неужели здесь кто-то живой?
Я читаю строку — открываются двери:
Желтый свет фитиля, сухари на фанере,
Вязка луку и сетка с целебной травой.

Сквознячок. В поддувале мерцает зола.
Занавески оборваны. Ржавые вилы...
Кто здесь жил? Кто дышал тленом этой могилы?..
Пустота.... Лишь за печкой колеблется мгла,

Да в окладе серебряном некто двоится,
Наблюдая откуда-то издалека
Как на окна крылатая живность садится,
Цепenea от взгляда креста-паука...

Прочно в матицу вбит черный зуб бороны,
На обрывке пеньки муравьи шевелятся.
В мире нету, конечно, угрюмей страны,
И подумалось: «Правильно, если боятся».

Потому как стоим на крылах да на лапах!
Омута будоража седьмым плавником,
Вон раскинулись как на восток и на запад,
Вдоль зубчатой стены грохоча каблуком!..

Выхожу... Сквозь высоких небес решето
Солнце золото льет — травы спелые гнутся.
Что мне стих?.. Но душа норовит оглянуться,
Видно, что-то ей там померещилось.
Что?

Ладога зимняя

1.

Ундины заморожены уста.
Ударь пешней, и голубое тело,
Гулявшее когда-то без предела,
Аукнется сильнее, чем пустота.

И долгий звук потонет в небесах.
Ударь еще, и вьющиеся строчки
Пойдут канвой по голубой сорочке,
Ликуя и ныряя в волосах.

И желтый диск, рассеивая дым,
Покатится верстою золотою,
И далеко, за тоненькой чертою,
Сомкнется голубое с голубым.

2.

Бутерброды с маслицем коровьим.
Лютый сивер холодит ноздрю.
Я здесь не за рыбой – за здоровьем!..
Сталью острой Ладогу бурю.

Черный ворон ходит по торосам,
Вековыми перьями шурша.
Чувствую, как гнется под морозом
Воронова черная душа.

Солнышко скитается по краю,
Рассыпает снежную зарю.
Я хожу, осколки собираю,
Я блесну зарею озаряю,
Я на «ты» с зарею говорю.

Жилы отворяю водяные,
И над током перевитых струй
Подставляю губы ледяные
Под ее багряный поцелуй.

3.

Мы пьем ее и тонем в ней.
Природа мстит за окуней!
Кому пожалуешься? Боже...
Но это красное перо!
И гнутых блесен серебро,
И скул обветренная кожа!

Встает заря. Идем в зарю.
Как сладко лед бурить! Бурю...
Блесна качнется и зависнет,
И опрометчиво берет

Ее горбатый окунь в рот...
В башке его какие мысли?!
Удар! Подсечка. Снасть — в дугу!..
Не подведи, тверская леса...
И, красноперого замеса,
Буянит хищник на снегу!

19.01.

Заря легко светло и весело
Сумёты красным залила,
Просторы белым занавесила,
И стекла алым подожгла.

Свежо январское дыхание.
Полозья стонут и визжат.
Дерев незримо колыхание –
Верхи дрожат и не дрожат.

Лед под пешнею синим светится.
За речкой техника урчит.
Село встает, неспешно крестится,
И колокол уже звучит.

И медь его плывет, таинственна,
И отвечает высота,
Что Иордань уже очищена,
И, что вода в реке свята.

Изба

Разжигаю плиту. Выправляю огонь.
И плечо не болит, и не саднит ладонь.
Всё спокойно. Душа как пустая изба...
Ну, скажи, на черта мне такая судьба!

Не болит. Не саднит... Пламя лижет дрова,
И дрова, разомлев, шевелятся едва.
Тяга зверем поет. Вой шатает трубу.
В ладном месте казак справил эту избу.

Под высокой горой, возле самой реки!
Здесь весной и осенью — птиц косяки,
Здесь на зорях таймень хлещет воду хвостом,
Здесь марал, свою песню на камне крутом

Запевая, втыкает рога в облака...
Я живу здесь не век. Я живу здесь века!
И не просто живу, я с землею дружу —
Я пишу, и пашу, и березу тешу.*

С хрустом гнется судьба. Я ломаю судьбу.
Дед, конечно же, знал, когда ставил избу,
Что она постоит и послужит свое,
Что поддержит не раз дух казацкий ее

Неумного дедова правнука там,
Где за правнуком ходит беда по пятам.

* — от слова тесать (авт.)

Сосновка

Болото ржавчиной подернуто.
Гогочет гусь. Шумит овца.
Деревня к солнышку повернута,
И тридцать три ее крыльца
Спускаются к дорожке узенькой...
Куда ведет она, куда?
Настраиивает август гусельки,
Поют под ветром провода.
К реке с холма сбегает рощица,
Кружат и падают грачи.
И так светло, что жить не хочется,
И грустно так, хоть хохочи.

Ночь

Казенный пес суконной масти...
Открылось небо, и луна,
Разламываясь на три части,
Ввалилась в темный зев окна,
Где раздробилась на осколки —
На изумруды, зеркала,
И синим полыхнула мгла.
Зашевелились волчьи холки!
И страх, как черная пружина,
Восстал из каждого угла.
А это просто ночь брела!
Гремела цепью, пса кружила,
Мозги морочила ему,
Листвы качала опахала
И пятна лунные пихала
В собачью конуру. Во тьму.
А пес дрожал, щетинил мех
И сторонился пятен тех.

Судьбы моей суровый матерьял
С заплатами соломенного цвета...
О, знать бы, кто меня на прочность проверял,
И сна лишал, и не давал ответа.

Водил смотреть, как через край стрехи
Снопы лучей швыряет солнце в окна,
Как зноя летнего тягучие волокна
Качают острых тополей верхи.

Подсказывал, мол, вот где скрыто всё,
В огромном диске яростного света!..
Сармат кузнец, когда приметил это,
Ось отковал и вставил в колесо!

Тележное – со скрипом и подпрыгом,
Оно свело кочевника с ума...
И покатилося солнышко по ригам,
Ссылая золотишко в закрома.
Вставали тени и ложились криво.
Дышали многоярусно стада.
Пластая крылья, прижимались к гривам,
Добычу настигая, беркута,

И замирали в развороте гордом,
Нацеливая страшный свой удар.
Дымилась печень, и, кровеня морды,
Саженой рысью волки шли под яр.

А солнце било это всё с размаху
Лучами света в локоть толщиной,
И, расправляя под ремнем рубаху,
Пел человек, влюбляясь в шар земной.

Я песню эту слышу сквозь эпохи,
И принимая будущую тьму,
В любом цветке, в любом чертополохе
Я вижу солнце и молюсь ему.

Из лесу тяжелы ЗИЛы
Вывозят хвойные стволы,
Отполированные зноем.
Рессоры стонут, свищет грязь...
Куда, Россия, собралась
С таким добром и жутким воем?

Не скрипнет сук, не порскнетмышь,
В безмолвье этом – ворон лишь,
Да леший смотрит сквозь деревья,
Как, чертыхаясь по углам,
Вслед свежесваленным стволам
Глядит чухонская деревня.

И вологодская следит
Как гать соляркою смердит,
И под Читою тот же запах.

Скрипят рессоры, хлещет грязь...
Чем толще лес, тем круче власть,
Без разницы – восток ли, запад.

И лишь брусника день за днем
В актив заносит пень за пнем,
И спелой кровью набухая,
Под прессом неуютных дней
Всё полновесней и темней
Склоняется, благоухая.

Бруснить устану, посижу,
На клин гусиный погляжу,
На узкий лист ракиты-вербы.
Всё реже сосны, даль видней...
И хорошо, что столько пней!
Когда б не пень, на чем сидел бы.

Всё, что здесь зарифмовано, всё от тоски,
От великой заботы, дарованной свыше.
Рвется темное небо, как холст, на куски,
И на землю срывается с толевой крыши.

На подворье Петровых солому гребут,
У Кольчугиных скоро, наверное, свадьба,
Надку так разнесло, хоть накладывай жгут,
Не пришлось бы гулене до свадьбы рожать бы.

Над Прибалтикой синь, над Петрополем хмарь.
А на Невском, от Думы к Литейному, пробка...
Испеки колобок, с мясом луку нажарь.
Третий день моросит. Может, выручит стопка.

Русь без рюмки ничто. Ей без водки пропасть.
Многих прочих утех эта радость милее...
Таракан разевает багровую пасть,
Громко пьет, и на печку спешит. Там теплее.

Там за шторкою тьма. Там овчина душна.
Там уют и покой, там любые печали
Исчезают бесследно. Там лучше слышна
Песнь сверчка, что живет два столетья в подвале.

От стола по избе тянет хлебом густым.
Наливаю в стакан самогонное пойло.
Петушок не орет, и крылом золотым
Не шумит. Можно пить.
Всё в округе спокойно.

Брызги солнца! Шелуха!
Горизонт... Страна... Эпоха...
Мне от выдоха до вдоха,
Как от слова до стиха –
Так мучительно живется:
И не то, чтобы тоска,
Или, скажем, не поется,
Просто давние века
Подступают, приступают
И, мерцая в темноте,
Даль за далью обнажают,
Где в тоске и нищете
Проживала, выживала
Бедная моя страна,
Где на сотни верст шибало
Хмелем горького вина,
Кожей мятою, сырою,
Кровью, бьющей через край
Злой венозною струею.
Прикоснись и умирай!..
Прикоснись и, умирая,
Рукава в крови марая,
Глухо падаю во мглу,
И валяюсь на полу,
В красном вареве густом,
Руки в стороны, крестом.

Поездная тоска. Ни рукой, ни ногой...
Выгибается поезд гремящей дугой!
Наплывают поля, уплывают поля.
Чернозема пласты, ястреба, гоголя...
Вот, скажи: где такое увидишь еще!
Да нигде. Да ни в жизнь. Ни в какие века!
Чернозем... Ястреба... Тополя... Воронье...
Лебединая песнь! Золотая строка!
Поезд порет пространство на тряпки, как холст.
Убегают колосья за край ковылей.
Мне любить эту жизнь до разлуки, до звезд,
До последней великой печали моей.
От сарматских времен – золоченая Русь!
Я вдыхаю простор, задохнуться боюсь.
Ветер пахнет медово, горячий, густой,
Вышибает слезу, и, кружась над верстой,
Тучи гонит на запад.
А мне – на восток!
Размотайте, колеса, сомнений моток
Между небом и твердью, среди этой красы
В две веселых блестящих стальных полосы,
Чтоб душа замирала, от воли пьяна,
И трезвела от счастья – какая страна!

Улыбнусь ли, или загрузу...

1.

Постоял, подумал, подышал,
Тронул ветку яблони и вроде
Растворился музыкой в природе.
Тела нет.
Осталась лишь душа.

Вся раскрыта.
Вся обнажена...
Бредит космос тайными мирами.
Облака кочуют над горами,
А над ними влажная луна.

Сад набух росой. Деревня спит.
Дремлет за околицей дорога.
Тишина...
Еще чуть-чуть, немного, —
Каплю!
И душа заговорит.

Улыбнусь я, или загрузу —
Чувство будет искренне и ново...
Первое бы мне услышать слово,
Остальные я не пропущу!

2.

Настрадаюсь до поры,
Но когда себя открою
И услышу как миры

Шелестят над головою, —
Отложу перо-копье
И увижу на распутье:
«Мир огромен! Не забудьте.
Только каждому свое...»
Подниму перо я снова
С крепкой верою в одно —
Чем в строке спокойней слово,
Тем прекраснее оно.

3.

Высоко в горах туман.
Облака клубятся — выше...
Я впервые в жизни вижу
Как бушует Океан.

Вот он, свой смиряя бег,
Бьет в гранит тугой волною
И дымится под скалою.
И вот так — который век!

Верность берегу хранит.
То спокоен,
То бунтует...
И настойчиво шлифует
Неподатливый гранит.

Вот и смолкла песнь, и певец давно
Чистит клювом грудь, все равно, что фрак,
А уже идет по тропе темно
И с полей к садам подступает мрак.

Не бренчит кольцо, не скрипит журавль,
Вдоль сухих плетней стали сосны в ряд.
В синем омуте крепко спит головаль,
Да на дне реки две звезды горят.

Меж кривых коряг стелет шелк трава,
Словно девичьи косы длинные,
И течет вода, говорит слова
Всё старинные да былинные.

Окуну ладонь, раз и два раза...
А была ли ты, сила вешняя!
Упаду в траву, распахну глаза,
Потечет в зрачки темь крошечная.

И бездонные так наполнятся
Черной пропастью, звездным крошевом!..
Жаль не сбудется всё, что вспомнится,
Не воротится то, что брошено.

Стекают влагой облака.
Веранды запотели.
Плывет вселенская тоска,
Глаза бы не глядели.

Над перелеском, над селом,
Стучится в окна, двери.
И ощутимей с каждым днем
И всё больней потери.
Такое, видно, ремесло –
Всё, что взойдет – созреет...
Свеча души, струя тепло,
Уже почти не греет,

Но, как далекая звезда,
Что не горит – мигает,
В ночи кромешной иногда
Потемки раздвигает.

*И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам дойдет...*

О. Мандельштам

Да!
Можно верлибром!
Но можно — хореем!
Суть главная в том, чтоб иная орбита...
Мы в поисках слова незримо стареем
И вдруг открываем веками забытое.

Далекое слово!
Прекрасное слово!
Подержим в губах и — забвение снова.

Утро

Ранний свет. Откину полог –
Брызнет золотом восток.
Шмель – мохнатый спелеолог
Лезет в тыквенный цветок.

Зреют дынь тугие слитки.
Слышен перепела бой.
Конь пасется у калитки,
Мокрой шлепает губой.

Запеваает гулко улей.
Мед и яд. Одно окно.

Золотой жужжащей пулей
Очарован я давно.

Жизнь мудра. Разгадка рядом.
До чего же прост ответ.
Соты с медом...
Пчелы с ядом...
А без яду меда нет.

Какая жизнь.
Какие дни.
Какая странная эпоха!
Вот и поэзия в тени.
На что надеется дурёха?
Того, что было, больше нет,
Ушло, растаяло, не видно,
И выйти вновь на белый свет
Не суждено, как ни обидно...
И где-нибудь сережа-петя,
Заслышав песню вдалеке,
Шагая в новое столетье,
Поднимет дудочку в руке,
И, с верой в чистое искусство,
Подует, но услышит... хрип.

...А мы ему помочь могли б,
Но нас не будет.
Вот что грустно.

Там ветер солнце подгоня,
Следит как в поле, за мостом,
Кругами осень осеня,
Плывет развернутым крестом
Высокий коршун...
Даль слезится.
Согретый солнечным лучом,
Лениво хлопает возница
О пыль дорожную бичом.

Я вспоминаю эту прелесть –
И шум травы, и звук бича...
Какая всё-таки нелепость,
Остатки жизни волоча,
Мечтать и не суметь вернуться
Туда, где ты всё время есть,
Где было не во что обуться,
И было нечего поесть.
Где пел ковыль,
И лебедь плавал,
И голубь приспускал крыла,
Где жизнь текла без всяких правил
Чиста, спокойна и светла.

Подворье

Воробьи... Пшеница... Драка...
Щебет, гам, разбойный пух...
Подошел петух...
Однако!..
Просто «ух!», а не петух.

Сразу стало всё на место.
Сразу стало всем не тесно.
Тот клюет и те клюют,
Не дерутся, не плюют,
Ни рогаток, ни пальбы...

Вот и нам такое бы.

Вновь гудят провода, и шумит непогода,
За окошками март, с кровли падает снег,
И крестьянин пешней у тесового входа
Рубит лед...
А столетья назад печенег
В эту пору готовил коней для похода,
Потому что весна растопила снега,
И славяне уже расчищают ворота,
И скотину готовятся выгнать в луга.
Будет славный набег!
Но оставим всё это,
Семь веков — долгий срок. Уйма календарей.

Новый день, новый график и новая смета,
И проблемы иные стоят у дверей.
А душа так болит! — норовит оглянуться,
Посмотреть на дедов, подсобить им рукой...
Первых мартовских луж серебристые блюда
Рассыпаются в прах и шуршат под ногой.
Я иду по селу и прошедшее вижу —
Весь я прошлом! — и любо мне это житье,
Высеваю овсы, крою заново крышу,
Проверяю силки, поправляю копье...

Весенний день...
В окно смотрю —
Калины куст, ольха, береза...
Смотрю и прозой говорю,
И нравится мне эта проза.
И этак нравится, и так...
А в доме тихо, только в печке
Дрова потрескивают в такт
Мерцающей в лампаде свечке.
Поет сверчок, гудит в трубе,
Скворечник пуст и чалый мерин
С былинкой сенной на губе
Стоит, задумчив и растерян, —
Пора в хомут...
А я молчу,
И на крыльце не появляюсь.
Я по стеклу ногтем стучу,
И, нос прижав к стеклу, кричу,
Что я работать не хочу,
Я нынче прозой занимаюсь,

Что для меня сейчас она
Хмельней работы и вина.
Не горься, мерин, спи родной,
Считай, что выпал выходной...

А я переверну песок,
И напишу наискосок:
«В белом плаще с кровавым подбоем...»

Далекое

Ах, июль...
Золоченые стежки!..
Неба, солнца и воздуха смесь...
Мы подроем на поле картошки,
Будем печь их в жестянке и есть.

Ни упрека не будет, ни вздоха.
Подрывать – это не воровать!
До чего же прекрасна эпоха,
Если эту эпоху не знать.

Вот сидим мы, сопливые люди,
У ночного степного костра,
И луна в оловянной полуде
И строга, и чиста, и мудра
Озирает нас пристальным оком,
Брызжет синей росой по меже,
И рождается мысль о высоком,
О сакральном почти.
О душе.

Машет курица крылом:
- Старый дом идет на слом!..
Псина воеет, козы скачут,
У коровы глаз косит,
Ребятишки хором плачут:
«Дядя Костя... паразит...»

Дядя Костя-паразит
Дому трактором грозит!

Дядя Костя ходит важный.
В животе его арбуз!
Наверху колпак бумажный,
Тараканий желтый ус,
Брюки в масле... сапоги...

Как нажал на рычаги!

Грозный трактор! Настоящий!
Карабасово лицо...
Как задрал свой нож блестящий!
Как наехал на крыльцо!..
Захрустело все, поплыло
В мураву-траву, в ботву...
До утра собака выла.
Что — собака...
Сам реву.

По лезвию каленой стали
Стекла роса и рассвело,
И кони у колоды встали,
И задышали тяжело.
А на поляне, под березой,
В рассветной дымке голубой,
Задерганный колхозной прозой,
С отвисшей мокрою губой
Стоял Гнедко. Не шевелился.
Один. Понур. Мослы... бока...
Казалось – он сюда явился
Из бронзы и стоит века,
Как памятник суровый — быту,
Тоске, налитой по краю,
Уздечке старенькой, копыту,
Косматым лентам из репья.

Урожай

С золотым тугим зерном
Поезда идут на запад.
Грай ворон над полотном.
Дыма шлейф.
Пшеничный запах!..

Понимая груз по звуку,
По скрипению осей,
Я внизу хожу по лугу,
Я пасу своих гусей.

Гарь летит,
Вода рябит,
Паровоз в трубу трубит,
Над закатом белый облак
Красным золотом подбит!

А когда, идти устав,
Остановится состав,
Сквозь бурьян наверх по склону
Подбегу с мешком к вагону,
Сыпану в мешок зерна —
Не ругай меня, страна!

Шито-крыто, нет погони...
Над водою, над ручьем
Гусь берет зерно с ладони
И гогочет ни о чем.

Он гогочет ни о чем,
Он не знает что почем,
Что из всех гусей окрест

Только он пшеницу ест.
Хорошо ему, гусю,
Что не знает правду всю.

Время было и останется.
Мы побудем и уйдем...
Дождевая туча мается,
Накрывает водоем.

Лодки, цепи, колья, пристани...
Всё в тумане, в пелене.
Посмотри на это пристальной,
Запечалься обо мне.

Запечалься — я и выживу,
Вновь пройду дорогой той,
Где каталось солнце рыжее
На телеге золотой...

Дождь пройдет и распогодится.
Век живи, не умирай!
Охраняет богородица
Хлебородный этот край.

Всё поднимем, что обронено,
Всё наладим в самый раз,
Потому что наша родина
Проросла корнями в нас.

Умер...
Это не уехал.
Это хуже, это крах...
По каким пойду я вехам,
Вынырну в каких мирах?

Где, в каких — еще не знаю,
Но хотелось очень бы —
Чтоб деревня, домик с краю,
Стол, скамейка у вербы.

Дым прямой свечою в небо,
А в дому такое вот:
Молоко, краюха хлеба,
Печь протопленная, под.

В чугуне картошка. Мыта!
Синеглазка. Молода...
У крыльца свинья, корыто,
Брюква, сечка, лебеда...

Сват идет, в руках гармошка.
Куры бродят во дворе.
У кумы на платье брошка —
Капли солнца в серебре!

Рядом я, совсем не старый,
Не лентяй, не тугодум...

И весь вечер тары-бары,
И всю ночь шурум-бурум.

Дни, как родинки, похожи.
Живность, песни за рекой...
Вот умри, а там всё тоже!
Ну и помирать на кой?..

Жеребцы сходились во поле,
В клочья рвали синеву,
Звонко ржали, глухо топали,
Выбивали мураву.

Грызли шеи, зубы скалили,
В жаркой солнечной пыли
Рыжими косыми скалами
Друг на друга боком шли.

От бойцов неогороженный
В стороне стоял пастух,
Наблюдал кобыл встревоженных
И не трогал этих двух.

Сами все узлы распутают!
Усмирять таких — беда,
Потому как дело лютое,
Полюбовное когда.

Колос тяжестью радует.
Хлеб везут и везут.
В травы яблоки падают.
В норы гады ползут.

Колокольни высокие!
Медь густа и чиста.
Над стерней, над осоками
Тишина разлита.

Ходит волнами марево.
Паутина легка.
Из миражного варева
Встанет тень седока.

Тонконогая, узкая,
Высока и стройна...
Сторона моя русская –
Удила, стремена.

Журавлиные вывихи,
Стук шеста о бадью...
В каждом скрипе и выдохе
Я тебя узнаю

От края деревни до края погоста
Полынь да крапива саженого роста.

От края погоста до края деревни
Проселок разбитый, как родина, древний.

Пахучие травы. Гудящие пчелы.
Славяне. Алтайцы. Казахи. Монголы...

Отары пасутся. Летают ракеты.
Крестьяне коней запрягают в кареты...

...Шагаю вдоль поля, травинки срывая.
Луна над пригорком, на четверть кривая,

Сверкает глазами раскосого предка!..
Подсолнухов шляпы завернуты крепко.

Над займищем коршун кружится и вьется.
Земля словно масло.
Алтайской зовется.

Небо выгнуто в дугу —
Черти бьются на дугу!

Вся земля пластами взрыта.
Видно, жизнь не дорога.
Семижильные копыта.
Трехвершковые рога.

Выйду в поле – к черту грусть! –
Посмотрю, повеселюсь.

Вот болтают — не бывает,
Чтобы драка меж чертей...
Вон как зубы вышибают!
Кольями!
Как у людей.

Шерсть летит, хвосты метут.
Значит, Бога нет и тут.

Злость в глазах, зрачки как блюдца...
Но в моем селе — ей-ей! —
Мужики, когда дерутся,
Этих будут пострашней.

Как сойдутся на буграх!
Крови... просто божий страх...

Эти тоже бьют сердито!
Гнутся ребра от пинков!
Кулаки, рога, копыта...
Жаль — копыта без подков.

Наши

...Перекручены страстями,
Перемолоты с костями,
Рвали ягоды с кистями,
Злаки сеяли горстями...

А случись беда-тревога:
Рвали колья из оград,
Матерились в черта, в бога,
И крошили всех подряд!

А потом для тех, что били,
Ограждаясь от греха,
Из кореньев смесь варили
И медвежьи потроха.

Перед праздником Покровом,
Веря искони в добро,
Отпускали с мирным словом
Всех, кто вылечил нутро.

Свечи ставили, молились,
И уже от Покрова
Не дрались, не матерились
Целый год, и даже два.

В колечках табака,
Без думы о ночлеге,
Считая облака,
Я еду на телеге –

На старенькой такой,
С корявыми осями.
В полях стоит покой
С пшеничными усами.

То овод, то оса,
То с синей головою
Сверкает стрекоза
Над скошенной травой.

Вдали рожок поет
На ясную погоду.
И солнце речку пьет,
Воткнув тростинку в воду.

Возвращенье

Подошел, в стекло постукал:
Я пришел к тебе с приве...
За рекою поезд гукал,
Ночь лежала на траве.

Дрыхло всё — дома, деревья,
Псины в будках-конурах...
Здравствуй, милая деревня
С санным духом во дворах!

Не отсюда ль во солдаты
Провожали только что?..
Вот вернулся... Те же хаты,
Те же пугала в пальто.

Те же сени, те же сани,
Лодка, весла, полавки,
Пахнущие карасями,
Прелой тиной, рюкзаки.

Живность слышится в сарае,
Под крыльцом сверчок сверчит...
Стонет сердце, обмирает,
С перебойми стучит.

Чердак

Бич, хомут, седло, ошейник,
Штык немецкий, медный грош,
И Бердана ствол ружейный,
Ржавый, но еще хорош...

Среди той чердачной были
От зари и до зари
На постое жили-были
Витязи-богатыри.

Я им по два раза на день
Сказки русские читал,
И точил то меч, то складень,
То доспехи им латал.

Мы на матицу садились,
Запивали хлеб водой,
И всё время бились, бились
То с Кощеем, то с ордой...

А теперь не та картина.
Вроде, та же, но не та!
Ленты пыли, паутина,
Ни ствола, ни хомута.

Ни седла и ни седелки,
Ни копья и ни гроша,
Только я на сером волке,
Да при мне моя душа.

Октябрь, 1962

Пацан, покинув сады и гумна,
Друзей и школу, почти бездумно
Вошел я в тамбур с ущербным светом,
Где пахло гарью и туалетом.

Вагон качнуло и закачало,
И покатило, и застучало.
И трое суток стонали рельсы...
О! Это были такие песни,
Каких я после нигде не слышал...

Шел дождь со снегом, когда я вышел...

И, подтверждая, что всё серьезно,
Гремя железом, орущий грозно,
Шагал носильщик по черным лужам...
Огромный город.
Кому я нужен?..

С каблучка на каблучок —
Звезды с искрами!..
Подогнать бы челночок
К этой пристани.

Развернуть бы паруса:
Покатаемся!
Окунемся в небеса,
Не покаемся.

Шла, соблазнов не тая,
Мимо берега...
Ах ты, Индия моя,
Эх, Америка!

Шла, прошла и не видать...
Озарение:
Есть на свете благодать,
Нет везения.

У меня в моей квартире
Зал — четыре на четыре,
Кухня меньше — два на два...
Неужели власть права?

Неужель такая мода,
Чтобы тесно, чтоб тоска,
Чтоб в любое время года
Капал дождик с потолка?

Дело, думаю, не в моде,
Дело даже не в стране,
Не в народе, не в погоде,
Дело, всё-таки, во мне...

Вот сосед (не из америк!),
Русский, наш, который год
Служит в храме, Богу верит,
И Господь ему дает.

И в жилище (не убогом!),
Понимая, что почем,
Он беседы водит с Богом.
Мне послушать бы — о чем?

Может быть, предстанет случай,
Рассосется этот мрак,
И Господь меня научит,
Растолкует — что и как...

А иначе, жилы рвя,
Так и сдохну, не живя.

Шутка

В лесах не осень — благодать!
Грибов — и нам, и мухам!
Боровиками торговать
Недели две старухам!

Я так устал от шашлыков,
Пойду куплю боровиков.

С картошечкой... под стопаря...
Не вилокю, а ложкой!..

Не любите?
Вот это зря!
Боровики с картошкой
Ценил от веку наш народ...
Наешься — и на целый год!

Однажды приеду и снова увижу
Вокзала щербатый бетон и ларьки,
Тяжелые двери, железные крыши,
С клубникою дикой кривые кульки.

И запах услышу столовский буфетный,
Дыхание терпкое ям выгребных,
И шелест скользящих оберток конфетных,
И ржавые скобы замков номерных.

Не это ль меня, угнетая, манило,
Упорно влекло из чухонской дали?..
Скажите — какая великая сила
Влечет нас к порогам, откуда ушли?

Зачем это всё и кому это нужно?..
Скатавшийся пух голубых тополей,
Обвисшие ставни, огромные лужи,
Сырой полумрак привокзальных аллей...

Зачем? Не пойму... Не приеду... Приеду...
Извечен вопрос и не ясен ответ.
Зачем прикасаюсь к остывшему следу?
Наверно, приеду. Но чувствую — нет.

Прие..., не прие...
Чую: надо.
И снова,
Я к кассам билетным, что не по пути,
Иду, как по наледи скользкой корова,
И вбок ухожу, не желая идти...

Николаю Прошину

Когда я уйду, не допев, не доплакав,
Легко и навечно смыкая уста,
Не надо цветов, киньте золото знаков —
Десяток колосьев к подножью креста.

Сильнее всего я любил это поле,
Манящий ветрами и солнцем простор.
Как пахнет полынь!
Сколько света и воли
Я с детства вобрал и храню до сих пор.

Ходил я с котомкой по выжженным гривам,
Ягнят охранял от атак коршуныя...
Счастливый, себя я считал несчастливым,
И понял позднее, как счастлив был я.
Когда призовут и с пристрастием спросят —
Любил ли я жизнь, я отвечу, что — да,
Но больше всего — это поле и осень,
Где все мы задумчивы, как никогда...
Когда в небесах столько светлой тревоги,
И холоден мрак, и теплее огонь,
То мысли приходят, конечно, о Боге,
Но чаще о прошлом своем, только тронь.

Как чистой водой обольюсь тишиною,
И с гривы на гриву идущий рассвет
Опять не минует меня стороною,
И снова я в прошлом, и выхода нет.

Зрю на мир, как пес из конуры.
Пролетает жизнь. В тартарары...
Ни победных маршей, ни конвоя.
Тишина, и только иногда
Прошумит упавшая звезда —
Не на грудь, не на погон героя,

А куда-то мимо. В пустоту...
Видно, так и подведем черту,
Молча, будто нас и не бывало.
Сгинет всё — хазары, татарва,
Правильные главные слова,
Ужасы уральского подвала.

Ничего не жалко — лишь себя,
Потому как мучился, любя
Эту жизнь, светился светом горним.
Ну и что?
Теперь лежу в пыли,
Хлебопашец, от родной земли
Вырванный и выброшенный.
С корнем...

Памяти Павла Васильева

Чудес качая решето,
Крупицы выбираю.
Я знаю — Пушкина за что,
И Лермонтова — знаю.

И — Павла...
Павел! Боже мой...
Досады сколько, боли.
В Москве хана Москве самой,
А чужаку тем боле.

Твоя беда, твои слова
Со мной опять и снова...
Ах, Павел, Павел...
Степь мертва,
Ей не хватает слова.
Я эту грусть не залечу,
Пытаюсь вот, батрачу...
Всё вижу, знаю и молчу.
Петь начинаю — плачу.

Сростки

...шумит Катунь...

Н. Рубцов

Белесая, она шумела,
Она, легко входя в права,
Свое раскраивала тело
На рукава и острова.

Качала лес, и лес шатался,
Дыша глубокой стариной...
Макарыч, как ты в ней купался,
В такой холодной и смурной?

Ей — утопить! Да просто в шалость...
Не утопила, видит Бог.
Она судьбы твоей касалась,
Твоих босых касаясь ног.

Всю боль свою, весь гнев, и жалость —
Всё отдала тебе она.
Вот жизнь продлить – не догадалась.
И не смогла бы.
Не вольна...

Памяти Николая Шипилова

*Деревья!..
Был смешон я и крова лишен ...
.....
И несут меня двое...
Н.Шипилов*

По шелку отав по сентябрьскому полю,
Где гаснут деревья в закатных лучах,
Дурак и Дурнушка Шипилова Колю
Уносят в бессмертье на скорбных плечах.

Я ключ поверну, и появится снова
Не демон, не ангел, а сквозь тишину
Несущий в губах потаенное слово,
Держащий в руках дорогую струну.

И день разгорится под небом высоким,
В святых родниках прозвенит серебро,
И лебедь ударит крылом по осокам,
И свежую кровью окрасит перо.

Не тем ли пером и допишется строчка,
Где рухнет поэт, не допев, на бегу?
Я думаю – тем. Не перечьте, и точка.
Представить иное я — нет! — не могу...

Я вижу беду, я не верить пытаюсь,
Бастую, но чертит упрямо рука
Пространство, где двое, земли не касаясь,
В бессмертье поэта несут сквозь века.

...так и живу, по крохам выбирая
Из мрака свет, из музыки печаль...
Земная ось укажет двери рая,
Накроют стол и выставят хрусталь,
И помолчат...

Мои листы листая,
Потом отыщут главную строку,
Где обнажится истина простая,
Что я пытался на своем веку
Постичь,
Но проходил всё мимо, мимо,
Ловушки мастерил, хлестал коней,
С чем и набрел на посох пилигрима,
Что и помог мне в суতোлке дней
Остановиться, чтобы оглядеться,
В кромешной отстояться тишине,
И, словно в омут, окунуться в детство,
И подивиться этой глубине.

Обижать никого не стану,
Говорить ни о чем не буду, –
Обработаю в сердце рану,
Перемою в тазу посуду,
В небо гляну – ну, как ты, вечность?
Гляну в подпол – вы сыты, мыши?..
Ночь по небу расстелет млечность,
Станут звезды стучать по крыше,
По крыльцу..
Наберу ведро
Ярких звезд и внесу под крышу.
Хорошо – еще есть сноровка:
И шустря, и в потемках вижу.
Звезды светятся, остывают,
Мне от них и светло и жарко..
А потом они исчезают.
И ведро пустеет.
Жалко.

Жаром пышущее в сто ватт,
Солнце сплющилось о закат,
Вышел месяц и, боком стоя,
Глянул вниз, где на полверсты
Встали радугами мосты,
Где село, отходя от зноя,
К ночи вылезло из щелей,
Зашумело.

А ведь казалось,
Что такая царит усталость,
Что вернувшиеся с полей
На пол рухнут и онемеют,
Шевельнуть губой не посмеют,
И без задних ног и без рук
Захрапят.

Но жива деревня!
Тащит ветки, трясет деревья,
Разжигает костры вокруг, –
Пахнет пшенкой, полынным дымом,
Духом пахнет таким родимым,
Что присядешь и загрустишь,
Самых светлых коснешься клавиш,
За плечами крыла расправишь
И куда-то летишь, летишь.

Завяз туман в садах густых,
Роса, как легкая пороша,
В иконных бликах золотых
На раннюю зарю похожа
Река...

Моя земля, Россия...
Алтай! – и золотом пахнёт!
И пацаны придут босые
К реке, проверить перемет.

И выгнется налим вопросом,
И язь тугим пером плеснет,
И рыба стерлядь острым носом
Укажет в небо и уснет.

Созрела в поле рожь,
И – пышная – сгибаясь,
Она пошла под нож,
Тревожно колыхаясь...

На запад и восток
Распахнуты калитки,
И солнышко на ток
Спускается по нитке

Смотреть, как на току
Платки мелькают алы,
Как зерна по лотку
Стекают в самосвалы.

И день стоит погож,
Звоня во славу Божью,
И солнцем пахнет рожь,
И солнце пахнет рожью.

Корявый тын.
Горшки да крынки
Под ветром не гудят – поют.
Такие не найдешь на рынке,
Их вообще не продают.

Они оттуда, где когда-то
Всё вызревало, что цвело,
Где даль была светла, крылата,
И день, когда входил в село,

Дышал росой и землею,
Гремел уздечкою, мычал,
Метлой шуршал, скрипел петлею
И журавлиный шест качал.

Птица вылетит с черным криком,
Ночь расставит вокруг силки.
Кто-то думает о великом,
Кто-то прячет свои шаги.

Всё помечено, всё разъято,
Безголосая тишина...
Долгой ночи глухая вата,
Ветра порванная струна!

Выйду в сад, где звезда на ветке,
Где полынью сирень горчит,
Сердце черное в черной клетке
То застонет, то застучит.

Покрывается тело болью,
Ощутим каждый шов и стык.
Застревает тревога в горле
И шершав, как наждак, язык.

Только зренье острей и уже,
Только ночи петля всё туже,
Да роса холодна черна
И на вкус, что кровь, солона...

А утро всё ярче и жарче пылает,
По веткам скользит, по корявым стволам.
Окно распахну – в небе ангел летает,
Жуки-скарабей ползут по делам.

Природа!..
Порода любая достойна
Той участи, что нагадали века.
Сентябрь надвигается плавно и знойно,
На редкие перья разбив облака.

У солнца, сквозь марево, мордочка лисья.
Мелеет река, появляется брод,
Ржавеет ботва, осыпаются листья,
Прямее дымы и спокойней народ.

По венам пульсируют волны всё тише,
В колодцах вода голубее, чем хмель...
Уже не воркуя, ступает по крыше
Сизарь коготками...
Сентябрь не апрель.

А небо всё выше, синее, и чище,
Готовятся дикие утки в отлет,
Набей патронташ, подтяни голенища,
Неделю, другую – и ведро уйдет.

Осенью кукушки безголосы,
Осенью кукушку не слышать...
Ближние и дальние покосы
Утомились. Время – отдыхать.
До весны...
Зима придет, закружит,
Заровняет ровного ровней,
На кустах навесит белых кружев,
Засверкает в сумраке сеней.
Холоду каленого напустит,
В русской печке запалит дрова...
Мама испечет пирог капустный...
Маме скоро восемьдесят два.

...Инеем подернутые рамы,
На стекле деревья, глухари.
Снег со льдом...
Давно не стало мамы.
Тянет холодком из-под двери...
Нащиплю лучины из березы,
Принесу из погреба грибы,
Наварю картох. Какие прозы!
Стопочку наполню,
Маму вспомню...
Осенью кукушки безголосы...
Не до кукованья.
Выжить бы...

*Безлюдный двор
И елка на снегу...*

Ю. Левитанский

Зажжем огни:

– Ну, где же ты, зима?..

Под Рождество у неба снегу выпросим.

Игрушки спрячем в ящик, елку выбросим,

Начнем строку, и не сойдем с ума.

Слова, слова...

Зачем я их пишу?

Ищу, шепчу и вглядываюсь пристально

Не для того ль, чтоб обнаружить истину —

Что я не только воздухом дышу.

Не им одним...

И в мире строчки есть,

Поставленные в столбики по правилам,

Где всё – чем неожиданней, тем правильной,

И хочется их вновь и вновь прочесть.

И я тебя читаю, мой Поэт.

Читаю, и строкой как чистой правдою

Дышу, иду над бездной,

В бездну падаю,

И понимаю, что спасенья нет.

И елке нет спасенья. Вот беда!

Поставлена, игрушками украшена.

Придуманный кусочек быта нашего.

Такая, понимаешь, ерунда.

Такое никакое бытие.
Конфеты, мишура, хлопушки гроздьями...
Да я за эту елку сек бы розгами,
За каждую хвоиночку ее.

За граненым стаканом я сижу истуканом,
Осыпаются злаки, всё прозрачней вода,
И совсем не приметен, ходит по двору ветер,
То листву пошевелит, то качнет провода.

Хорошо в захолустье, ни веселья, ни грусти,
Только гуси порою, прошумев за рекой,
Вековую тревогу отрясут на дорогу
И в сердцах отболевших растревожат покой.

И от шума очнется, и на нитке качнется
Паучок сероглазый, капля ртути живой...
Как движения четки! Перещупает четки
И зависнет беззвучно над моей головой.

Я его не обижу. Присмотрюсь и увижу
Как он собран в комочек. Чтоб его не прижать,
Мягко трону за ножку, положу на ладошку,
Он на линии жизни будет смирно лежать.

Вот и я не шатаюсь, жизнь обдумать пытаюсь,
А за окнами гуси всё летят и летят.
Осыпаются листья, проясняются мысли
И в стакане граненом испаряется яд.

Ты, мой век ХХI, меня не морочь,
Мне в ХХ еще нагадали метели,
Чтоб пронес я в глазах моих черных, как ночь,
Эти песни, что степи Алтайские пели.

Край велик! Понимаю теперь это я.
И суров! Хорошо мне досталось когда-то!..
Лижут волны песок, моет берег струя,
И пшеница шумит, тяжела и усата.

Разделяя себя на «тогда» и «сейчас»,
Не представлю: потом что еще приключится...
Всё пустее причал, всё темнее баркас,
Всё сильнее из плетней выпирают ключицы.

Я однажды решусь и отдам якоря...
Время — то ли ушло, то ль иное настало?
Так же красен закат, в той же дымке заря,
Те же птицы щебечут в ветвях краснотала.

Всё, как прежде, с чего же болит под соском,
От чего прожитое родней и светлее?
Это космос меня засыпает песком,
Что на ощупь незрим, но плиты тяжелее.

Когда ложится снег на плечи,
Когда светло под сапогом
Скрипит мороз и зимний вечер
Плывет к домам от берегов
Реки, заваленной снегами,
Когда туманная звезда
Едва мерцает над холмами
Еще неясная,
Когда
Озябший голос отзовется
На стук дверей в чужом дворе,
И по сугробам к конуре
Собака беглая вернется,
Когда свои огни дома
Загасят, как бы ненароком,
И почернеют стекла окон,
В углах затянутые льдом —
Я прихожу в свой тихий дом.
Я печь топлю.
На пламя дую.
Стою у темного окна.
Смотрю на улицу ночную,
И до утра без сна ночую...
Мне нужно иногда — без сна

Страдал и говорил, умел молчать и думать,
Укладывал бетон, крошил пешнею лед,
Но с некоторых пор затих и стал угрюметь —
Когда же призовут?
Узнать бы наперед...

За пару дней, хотя б, за два часа, хотя бы,
Чтоб оставался миг уверовать: Он есть...
Откроется простор, во мраке сгинут хляби,
И ты еще не там,
Но и уже не здесь.

Слоятся облака.
Всё выше, выше, выше...
А далеко внизу, на уровне червей,
В Москву спешит «Сапсан», торчат кривые крыши,
И прошлый мир не стар, и новый не новей.

О чем же говорить, печалиться о чем же?
Еще мне далеко до тихой той реки,
Но входит холодок в нутро, как сталь сквозь кожу,
И слова не сказать,
И не поднять руки.

Человека... Человеку...
Я сижу, ищу строку.
Что же надобно от веку
Человеку на веку?

Что он ищет, чем он занят,
Почему который век

Возле древних стен Казани
Проступает кровь сквозь снег?

Почему всё так сурово?
Почему в лесах мордвы
От стрельбы и лая злого
Перья дыбом у совы?

Почему живу в досаде?
Не хмельной, не с бодуна,
То в атаке, то в засаде...
Где ошибка, чья вина?

Неприкаянный, как птица
Между небом и землей...
Почему всё чаще снится
Тракт с глубокой колеей?

И бредут-идут по тракту
Через реки и года
Кто по воле, кто по акту,
Кто оттуда, кто туда.

Знаю, если с почвы сдвинут
И вобьют меня в хомут,
Непрерменно душу вынут,
Заодно и стыд возьмут,

Чтобы жил до жилок выжат,
Чтобы мучился, скорбя,
И метался – как же выжить,
И не потерять себя?

Что-то ангелы не шумят,
Словно нет их на белом свете.
Снег крылами не сбит, не смят,
Лишь в саду дерева гремят
Да шатаются в лунном свете.

И от этого так светло!
В час ночной при такой погоде
Тихо входит печаль в село
И по избам крестьянским бродит.

Губ касается, жарких щек,
Поправляет тулуп овчинный,
А найдет, кто не спит еще,
Сетью тонкой, как паутиной,

Обойдет вокруг, обовьет,
На глаза упадет, на руки,
И не знает, не спящий тот,
Отчего столько сладкой муки.

Почему хорошо ему.
Вот и горько, а не обидно...
И смотрю я в ночную тьму –
Может, ангелы?
Нет, не видно.
Только снег — и то там, то тут
Полыни, как плохие мысли,
И по тем полыням бредут
Тени волчьи и тени лисьи.

Серый дождь, седая птица,
Под окном трехцветный флаг...
Кем я должен был родиться,
Чтоб не мучиться вот так?

Вроде — жизнь. И всё в порядке:
Хлеб, картошка, молоко,
Рубль — в уме, редис — на грядке,
Войны где-то далеко;

Сети с рыбой, хата с краю,
Лук подрос и вызрел квас,
Но живу и умираю
Каждый день по двадцать раз.

Пистолеты, ружья, вилы,
Наркоманы, домострой,
Карфагены, Фермопилы,
Пламя, пена, дым горой.
Впереди дыра наружу,
Позади собачий вой.
Как мне жить в такую стужу
С непокрытой головой?

Да еще планету эту
То в тайфун воткнул, то в смог.
Улететь бы — крыльев нету,
Убежать бы — нету ног.

И я хочу вложить персты...

О. Мандельштам

Я горизонт

Окину взором –

Полынь дуреет, прет осот.

Дни выметаются с позором,

Как трутни мертвые от сот.

Шумят народы, гнутся дуги,

Немые обретают речь,

Во вражий стан уходят други,

Идет предательство, сиречь.

И я никак не разумею

Истоки этого всего,

И вновь теряю, что имею,

Не обретая ничего.

Как говорим, о чем поем?
Встает Культура на колени.
Вот мы сейчас ее добьем,
И говорить начнем по фене.

Тут и припомнишь времена,
Когда ты от крыльца родного,
Вбивая ноги в стремяна,
В ночное направлял гнедого!
Звенела в родниках вода!
Ты пил ее, и кони пили...
Как правильно мы говорили,
Как пели слаженно тогда!

И ты грустишь?..
Да, ради Бога...
Но только в прошлое – нельзя.
У нас с тобой своя дорога,
У языка своя стезя.

Глухарь

Передо мною словно леший
Он появился вдруг.
Высок!
Таежный царь...
Стоит и чешет
Стальные лапы о песок.

Чего-то склонул и ни слова.
В железных перьях, как в броне,
Он на меня глядел сурово,
И неуютно стало мне.

Но я не вышел из машины,
Картечь в патронник не дослал...
Я знаю сталь, ходил сквозь мины,
Я на бинты рубахи рвал.
Зачем еще мне это горе?
И без того здесь жизнь горька...
Стоит сосна на косогоре,
Под ней глухарь – у родника!

Он крупный галечник катает,
Он мелкий галечник берет,
И влагу пьет.
Он просто знает:
Пока я здесь, он не умрет.

Дорога

Ездовой помолчит, вздохнет

И опять о своем поет...

Стекленеют глаза от мороза,
Пробирают ветра до нутра.
Голубая сибирская проза...
Волчий иней на ворсе ковра,
Звон подков, достающий до сердца,
Ледяная белая сталь,
И косое лицо иноверца,
Непрерывно глядящего вдаль,
Где сугробы с кривыми горбами,
Словно волны, бегут и бегут,
Где в ночах голубыми губами
Звезды синюю песню поют,
Где никто не судья и не зритель,
Не провидец лихого конца...
В этой бездне какая обитель
Нам, уставшим, согреет сердца?

Полжизни пройдя, ты уже понимаешь,
Что выхода не суждено.
Страна, я твой сын, если ты умираешь,
То выжить и мне не дано.
Красивые песни, высокие цели...
Но грусть не прогонишь рукой.
Торнадо, цунами, аварии, сели –
Всё это ничто, дорогой.

Есть глубже печаль, что, как рыба на сушу,
Выходит, предчувствуя смерть.
Она при тебе. Распахни свою душу,
Попробуй печаль рассмотреть.

Увидишь – и станут и цели, и песни
На место, как молвил поэт,
И светом наполнится тело, но если
Не видишь – то выбора нет.

Шорох листьев, похожий на шорохи ситца,
От луны серебра ручеек,
И в пуховую пряжу воткнутая спица,
И в стакане остывший чайк –

Говорят, что здесь жили когда-то, но вышли,
И уже не придут никогда...
Постою, покурю, успокоятся мысли,
Устоится в колодце вода,
И заречная песня легко издалёка
Наплывет, и качнутся весы,
Где на чаше одной я стою одиноко,
А, напротив, на чаше часы

Осыпают песок – чаша легче и легче,
Я всё глубже, где холод и тьма,
Где на плечи мои, на уставшие плечи
Опускается вечность сама.

И, догорев, зажав свечу в горсти,
Отправлюсь я по новому пути
Сквозь лабиринты тьмы, о чем пророки
Вещали мне, и говорили — верь,
Настанет час и распахнется дверь,
И свет сойдет, и сбудутся все сроки.

О, мой пророк! Вещун и чародей...
Идея эта праведных людей
Ведет сквозь жизнь от самого порога.
И я там был, и выслушал не раз
Свой приговор с выкальваньем глаз
Моих за то, что зрю и вижу много.

Крестьянский сын, потомственный кулак
Я начал петь, зажав себя в кулак.
Покинув край пшениц и чернозема,
Теперь живу вблизи чужой реки,
Бездарно тратя дни и каблуки,
И создавая то, что невесомо.

Не потому ли кажется порой
Мне жизнь моя никчемною игрой,
Где всё вокруг оглохло и ослепло,
Где, уступая вечности игру,
Я догораю свечкой на ветру,
Потомкам оставляя горстку пепла.

Презренный прах... Но всё же иногда,
Оглядывая прошлые года,

Я думаю – хватило же отваги
Мне твердо верить столько лет подряд
Той истине, что мысли не горят,
Когда их обозначишь на бумаге.

Всё тусклей становилась небес бирюза,
Всё темнее тревожные мысли,
И когда глаукома доела глаза,
Он купил себе краски и кисти.

Он сел к столу, он свечу выключал,
И на чистом четвертом формате
В правом верхнем углу звездный свет намечал
И светлело от звездного в хате.

И ложились мазки, и ясел его взор,
И по древним оврагам и склонам
Краски жизни текли, заполняя простор
Голубым, золотым и зеленым.

Светило всё ниже. Закаты короче.
Весомее слово. Просторнее ночи.
Спадая с деревьев, шуршит золотишко.
Прочитано лето. Захлопнута книжка.
Посохли шмели. Протираются рамы.
В веранде осенними пахнет дарами.
Насолишь, наквасишь, в подвалы опустишь...

Всё ближе к крыльцу подбирается пустошь.
Медовую бражку проверим на зрелость,
Сверчка молоком напоим, чтобы пелось.
Увидев последнего лебедя в небе,
Об озими вспомним, о пашне, о хлебе,
Из лука плетеные косы развесим,
Натопим лежанку, и греться полезем:
Целить свои мощи, крепить свои латы,
Суставы лечить, потроха и простаты,
Вздыхать, что осталось всего от деревни
Десяток дворов
Да кресты за деревней.

Всё раздевая догола, шагает осень.
Мой ангел отстегнул крыла, за печку бросил.

Какие, к черту, виражи, дела какие,
Когда встают – не миражи – ветра тугие?

Сосед уныло говорит, скребя калоши,
Что в печке уголь не горит, и нехороший

Промозглый дух висит в избе... Коптится нельма.
И черепков на городье сверкают бельма.

Живу один. Чужой, ничей. Возьми и выбрось.
На самом донышке очей печаль и сырость.

И, падая пеплом, и, капая воском,
Сгорая, как свечи, как масло в лампаде,
Гонимые ветром, гонимые роком,
Что овцы, бегущие в блеющем стаде,
На что-то надеясь, мы молимся, верим,
Пока не очнемся, пока не увидим...

И каждый четвертый становится зверем,
И каждый второй в этой гуще не виден.
А первый и третий стоят одиноко
В сторонке, в предчувствии срама и фальши.
И падает первый на землю до срока,
А третий глядит и отходит подальше.

Баба Ньюша

Кто там ходит в огороде?
Кто там воротом скрипит?
Баба Ньюша! Вся в заботе,
Кто бы спал – она не спит.
Тут прополка, там готовка,
Полный живности сарай.
Не уменье б, не сноровка –
Хоть ложись и помирай.
Куры бьются, гуси просят,
Подрывает хряк углы,
Внуки бегают, гундосят.
Золотушные орлы!
Старший – сынов, меньший – дочкин.
Кудряши – кольцо в кольцо...

А когда устанет очень,
Сядет Ньюша на крыльцо.
На тесовое крылечко!
Думать будет и смотреть.
На руке блестит колечко,
Золотой чеканки медь.
Письмоноска носит вести.
Ньюша весточек не ждет.
На коньке петух из жести
Лет пятнадцать не поет.

Шагает по земле мессия,
По весям русским, городам...
Москва?
Нет, это не Россия,
Россия где-то глубже, там...
За той чертой, за той грядой,
Где пахнет хлебом и костром,
Где люди со своей бедою,
Как с трудно нажитым добром,
Снегами битые, морозом,
Шатаясь вбок и наугад,
Живут, измучены вопросом,
Кто виноват?..

Родина

Всё бегу к тебе, бегу,
Задыхаюсь, как собака.
Так бегу, что не могу...
Вдоль забора, вдоль барака,
По железке до Москвы,
До Казани, до Урала...
Были старшие правы,
В душном космосе вокзала
Назидая, – где родиться,
Там и сгинуть...
Вот наказ!..
Многое могу — молиться,
Локти грызть, в недобрый час

Не скрываться от ответа,
Верить женщине одной.
Но гадаю, что же это
В жизни сделали со мной,
Что не знаю – как стараться
Я обязан, как гореть,
Чтоб суметь туда добраться,
Где я должен умереть.

...а потом на окраине лета,
На гранитном чужом берегу
Я пойму – есть на свете планета,
Без которой я жить не могу.

Как бы ни было, что бы ни пело,
Где б ни падал, убитый почти,
Я свое окаянное тело
Возвращаю на те же пути,

По которым ушел, по которым,
Крепко путами жизни повит,
Вопреки всем уздечкам и шорам
Мне вернуться назад предстоит –

К милым весям и маленьким хатам,
К старым пугалам в рваных пальто,
Где никто из нас не был богатым
И униженным не был никто.

Россия

Чудовищна, – как броненосец в доке...

О. Мандельштам

Чудовищна, объемна и страшна,
С характером тяжелого медведя,
С монголами и галлами соседя,
В народы обращая племена,

Изнемогая от того и мучась,
Добыв свободу кровью и трудом,
Она идет, уверенная в том,
Что не напрасно ей такая участь.

И мы ее, влюбленные в нее,
Случится край – в сто первый раз поддержим,
В канаты свяжем жилы и удержим,
Ей кануть не дадим в небытие.

Выйду во двор – в рукомойнике лед.
Жерди оград серебром оторочены.
Ясное небо.
Над пашнями вотчины
Красное солнце, играя, встает.

Падает с крыши, течет на порог,
В царство заходит, которым владею...
Я не умру, не смогу, не сумею,
Я не прошел еще столько дорог!

Рыбой не плавал, орлом не кружил,
В полную силу с врагом не сражался,
Воздухом родины не надышался,
Я, если честно, еще и не жил...

Библиография

В. В. Брюховецкого

Книги

Брюховецкий, В. В. Отчий дом: первая книга стихов. – Ленинград : Лениздат, 1982. – 24 с.

Брюховецкий, В. В. И нежностью наполнится душа... : стихи. – Ленинград : ЛИО «Редактор», 1991. – 107 с.

Брюховецкий, В. В. Второе дыхание: книга новых стихотворений. – Санкт-Петербург : Журн. «Нева», 1993. – 157 с.

Брюховецкий, В. В. Над острым пламенем свечи: книги новых стихотворений. – Санкт-Петербург : Новый Геликон, 1996. – 170 с.

Брюховецкий, В. В. Лебединое озеро: книга новых стихотворений. – Санкт-Петербург: Журн. «Нева», 1998. – 120 с.

Брюховецкий, В. В. Я уже не вернусь: книга новых стихотворений. – Санкт-Петербург : ИПТ, 2000. – 135 с.

Брюховецкий, В. В. Горлицы: новые стихотворения, проза. – Санкт-Петербург : ИПТ, 2001. – 190 с.

Брюховецкий, В. В. Золотое сечение: книга новых стихотворений. – Санкт-Петербург: ИПТ, 2003. – 228 с.

Брюховецкий, В. В. Стихи для Лизы. – Санкт-Петербург: Гириконд , 2004. – 20 с.

Брюховецкий, В. В. Как запомнилось... : книга новых стихотворений. – Санкт-Петербург : Знакъ, 2012. – 175с.

Брюховецкий, В. В. Избранное: стихотворения. – Барнаул: [б. и.], 2013. – 351 с.

Брюховецкий, В. В. Сквозь любовь и печаль: стихи. – Санкт-Петербург : Знакъ, 2014. – 160с.

Публикации

Аврора (Санкт-Петербург). – 1979. – №7; 1980. – № 11; 1982. – № 11; 1990. – № 2; 1993. – № 5; 1997. – № 1/2; 2012. – № 4.

Алтай (Барнаул) – 2001. – № 5; 2003. – № 6; 2008. – № 1; 2009. – № 2; 2010. – № 4; 2011. – № 4; 2012. – № 2; 2014. – № 6.

Всерусский соборъ (Санкт-Петербург). – 2003. – № 1.

Врага Сибири (Тюмень). – 2005. – № 2; 2008. – № 1(24); 2009. – № 1(27); 2012. – № 2(34).

Дальний Восток (Хабаровск) – 2004. – № 2; 2005. – № 2; 2006. – № 2; 2007. – № 3; 2008. – № 6; 2010. – № 1; 2010. – № 3; 2011. – № 1; 2012. – № 6; 2013. – № 4.

День и ночь (Красноярск). – 2008. – № 4.

Енисейский литератор (Красноярск). – 2010. – № 4.

Звезда Севера (Красноярск). – 2012. – № 1.

Литературная газета (Москва). – 2007. – №49; 2013. – №21.

Литературный Омск. – 2014. – № 22.

Москва. – 2004. – № 1; 2005. – № 7; 2005. – № 11; 2006. – № 3; 2007. – № 1; 2007. – № 11; 2008. – № 8; 2009. – № 6; 2010. – № 1; 2011. – № 2; 2012. – № 2; 2012. – № 4.

Наш Современник (Москва). – 1977. – № 2; 1979. – № 8; 1981. – № 3; 1983. – № 9; 2001. – № 3; 2001. – № 11; 2002. – № 5; 2003. – № 7; 2004. – № 5; 2006. – № 4; 2007. – № 2; 2007. – № 5; 2008. – № 12; 2010. – № 7; 2011. – № 10; 2014. – № 1

Нева (Санкт-Петербург). – 1979. – № 8; 1981. – № 3; 1983. – № 9; 1992. – № 4; 1993. – № 3; 1994. – № 2; 1994. – № 12; 1995. – № 4; 1996. – № 11; 1997. – № 5; 1997. – № 11; 1998. – № 6; 1999. – № 7; 2000. – № 4; 2001. – № 1; 2002. – № 1; 2003. – № 2; 2004. – № 2; 2005. – № 7; 2006. – № 6; 2008. – № 10; 2010. – № 2; 2011. – № 5.

Невский Альманах (Санкт-Петербург). – 2004. – № 1;
2004. – № 2.

Немига литературная (Минск). – 2003. – № 1.

Нива (Астана). – 2003. – № 11; 2004. – № 12.

Подъём (Воронеж). – 2004. – № 4; 2005. – № 10; 2006. –
№ 6; 2006. – № 11; 2007. – № 10; 2008. – № 10; 2009. – № 11;
2010. – № 11; 2011. – № 7; 2012. – № 10; 2013. – № 9; 2014. –
№ 5; 2015. – № 5.

Русское Эхо (Самара). – 2015. – № 1.

Север (Петрозаводск). – 2002. – № 11/12.

Сибирские огни (Новосибирск). – 2004. – № 8; 2005. –
№ 8; 2006. – № 7; 2008. – № 4; 2009. – № 4; 2010. – № 3.

Южная звезда (Ставрополь). – 2003. – № 4; 2004. – № 4;
2006. – № 1; 2007. – № 3; 2009. – № 1; 2011. – № 1.

Содержание

Сети	10
Осень	11
«В клубнике полевой красны откосы...»	12
Утро	13
У костра	14
Декабрь	15
«Устать от долгого пути...»	16
В дороге	16
Твой дом	18
Плюшевый медведь	19
Вновь на родине	20
«На сеновале сука оценилась...»	21
Вокзалы	22
Дед Сашка	23
Суслик (лишь только выйду...)	25
«Предал друг. Рассказать кому?..»	26
Павлина	27
Тюмень	28
«Ну, цари в моей душе...»	29
Крушина — ягода сладкая	30
«Я люблю, вспоминая утраты...»	31
Забывшие двери	33
Старая крепость	34
Ночная фантазия	35
Зайчиха	36
Воробей	37

Брошенная	38
Волчица	38
Монолог волка	39
Забывтая деревня	40
«Случится час и мрак звенящий...»	41
Колодец	42
«Дом одинок. Жильцы уехали...»	43
Бабушка	44
«Город дорог. Видит Бог!..»	45
«Мглистый воздух над рябью багровых лесов...»	46
Октябрь	47
«Луг с метелками конского щавеля...»	48
Старый бакенщик	49
«В кармане нету ни рубля...»	50
«И радостно, и грустно в этой жизни...»	51
«Так и живу — люблю, работаю...»	52
На кладбище	53
Предосеннее	54
Игра	55
«Боже мой, неужели теперь...»	56
Осенние листья	57
Алей река	58
За синими горами	59
«Почернела душа — ни уйти, ни уснуть...»	60
«Друган, давай поураганим...»	62
«... Мне всё кажется — дверь откроется...»	64
«Под напевы реки, у высокого края...»	65
«За окном минус сорок...»	66
«Этой улицей прямой, как стрела...»	67
Пророчество	68

«В мире этом кривом и убогом...»	69
«Не прокляну тот час, когда меня не станет...»	71
«Пронзительна сентябрьская смелость...»	72
«И приснится однажды...»	73
Март	74
«Возвращаюсь в страну, из которой бежал...»	75
«...и вновь стихи. Я слышу их мотив...»	77
«Когда Иван красивый свой баян...»	79
«Хорошо мне в моей избе...»	80
«То ли червь земляной...»	81
«И, предавший тебя в горьких пьянках, в гульбе...»	82
«Я не верю в судьбу, не пытаю судьбу...»	82
«Пчелы – желтые свечки...»	84
В ноябре	85
«Шумит сосна, качает непогоду...»	86
«И не снег на луту, и не лебеди...»	87
«Шесть утра — и в переулке...»	88
«Российские скупые дали...»	89
«Слышишь, птицы кричат. Это осень зовет...»	90
Из детства (и снег, и сено, и дорога...)	91
«Тепло рукавицы и волчья пола...»	92
«На теплой губе оплывают снега...»	93
«А дому так хотелось жить...»	94
«Когда ущербная луна...»	95
«Я покину мой дом навсегда...»	96
«От рожденья строй не люблю...»	97
«...И хлещет дождь по мостовой...»	98
«Виски потрогаю — бусею...»	98
«И каждый день я раскрываю книгу...»	99
«Здесь все не так и не о том...»	100

«Вот как странно — плачу и плачу...»	100
«Здесь тропы кривы, а заря бледна...»	102
«Я молодой поэт. Мне пятьдесят...»	103
«Всё работа до пота...»	104
Стриж	105
В память о ташкентских ворах	106
«О, как я эту жизнь люблю...»	107
«Кровь хлынула на белизну сорочки...»	107
«Моя страна... От края и до края...»	108
Баллада о читающей женщине	109
«Бедным не был, не жил и богато...»	111
«Я тебя целовал на февральском морозе...»	112
«Закружило порошами...»	113
«Поднимусь над судьбой...»	114
Всё, что увижу — берегу...»	115
«Эта горькая жизнь, будто хлеба краюха...»	116
«Я упал над обрывом на закат головой...»	117
«КАМаз отползает в кювет, застревает...»	118
Жизнь	119
Ленинград	120
«В саду, в полуподвале, где бильярд...»	121
«Когда я был брюнет, а ты кадет...»	122
Ладога весенняя	123
«Валун шевелится и ветер доносит...»	124
«Поедем в Токсовские дюны...»	125
«Всё в мире этом очень важно...»	126
«Любовь... Любить... Люблю...»	127
«Ели стоят, словно церкви, высокие...»	128
«Соленый ветер продует этажи...»	129
«Не «мерседес» угнать бы — скакуна...»	130

«Так вот ты какая, вся синь и забава...»	131
«Туда! Туда! Где пахнет морем...»	132
Песенка бездельника	133
«Зажжем огни на мачтах и пойдем...»	134
«Мне всё кажется — черти есть в озере этом...»	135
Ночью (как тихо...)	136
«Встает рассвет неожиданной новью...»	137
«Сколько дал — значит, столько и дал...»	138
«А зима подступает всё ближе к домам...»	139
«Над могилой моею, над русской моей...»	140
Ночные мысли.	141
«Дрались попы, я видел это сам...»	142
«Когда однажды старый твой брежет...»	142
«Шорох юбок. Золотые перстни...»	143
«Что мне роза ветров, я их чувствую кожей...»	144
«И зачем же я удачу...»	145
Ладога	146
«Я медленно и трудно рос...»	146
«Льется, гнется вода из дубовой бадьи...»	150
«За илбаном бугром, за калиной кустом...»	151
Лебеди	151
«Звезды падают. Тихо-тихо...»	153
«Вроде, ты — и не ты...»	154
«...Затем, когда я разолью вино...»	155
«Чего же нам еще?..»	156
«Рассыпанные кудри. Брызжет снег...»	157
«Кончался март. Сосульки вниз росли...»	158
«После странствий к тебе возвращаясь твоим паладином...»	159
«Все при мне. Живу не плохо...»	160
«И когда тракторист сдернул купол тросами...»	161

Фрагмент (...он шел в атаку...)	162
«Роняет листья календарь...»	163
«Я не верю в случай и везенье...»	164
«Здесь, что ни делай, выйдет плохо...»	164
«...И опять не до сна. Двух Ковшей круговерть...»	165
«Взять цветов, на травах сочных...»	165
«Есть в запустенье красота...»	166
«Я не знаю ту дорогу...»	167
«Еще ты жив. Читая между строк...»	168
Кошка	169
«Я смотрю в календарь, видя в календаре...»	170
«Что там дальше? Отверни-ка полог...»	171
«Строкою дантовой привит...»	172
«Откипела листва...»	172
Московский вокзал	173
«Обрубки ветвей да тяжелые всхлипы...»	174
«Сколько народу указом спроважено...»	175
Памяти Олега Тарутина	176
«Роль окончена... Тоска...»	177
«Лабуда... Сапоги... Пальто...»	177
«Посветлеет листва, а потом загорится...»	178
«Мне нравятся беременные женщины...»	179
У картины	180
«Июль. Обрызган луг росой...»	182
«Грузди белые, как блюдца...»	183
«Запах стружки. Пламя свечи...»	184
«Выйду в поле: - Здравствуй, воля...»	185
«Старики становятся детьми...»	186
«Поле. Тропка... За шагом — шаг...»	186
«...А ведь только что шумели соловьи...»	187

«Еще не край, еще живу...»	188
Алтай	189
«Цепь водою сочится на ворот колодца...»	190
«Здесь гуси и утки вразвалочку ходят...»	191
Родина	191
Суслик (радый солнышку...)	193
Вечером	194
«Травы пьяно завалятся, колосом сбиты...»	195
«По трубе узнают, что опара в дому...»	196
«Темной силой дышит поле...»	197
«Как свинец из лихого ствола...»	197
«Словно черные хлопья на фоне звезды...»	198
«Пахнет в воздухе Везувием...»	199
«Гроза грохотала светло и отвесно...»	200
«Ну, с кем поделиться веселой печалью...»	201
Вечер	202
«Осень! осень... Охапки листьев...»)	203
«Сроки подойдут и не спеша...»	204
«...И решусь! И отдам всё за ломаный грош...»	204
«Нет, в поэзию всё же идут дураки...»	205
«Как злой фортуной загнанный король...»	206
В вагоне	207
«Не хотелось бы так, но иначе нельзя...»	208
«Встану утром, приму полстопки...»	210
«Скину туфли, сниму пальто...»	211
«Змея лежала под колодой...»	212
«Новый день встает. Не пора ль купить...»	213
«Дождь окончен, но гроза...»	214
«Невесомый и неслышный...»	215
Степь	216

«Спас медовый. Износились крылья...»	216
«Столица и в Австралии — столица...»	217
«Потом, когда меня не станет...»	218
По сено	219
«В голой роще кукушка всю весну куковала...»	220
Подросток	221
Солнце	222
Подпасок	224
День	226
«И снова наискось и боком...»	227
Последний звонок	228
«В соломах ли, на сенных ли пластах...»	229
«Чем-то новым даль окрашена...»	230
«Золотые маковки... Столица...»	231
«И куда с небес глядит святая Троица...»	231
«И ты ушел, скорбя и негодуя...»	232
«В темном, шашелем точенным, книжном шкафу...»	233
«...А потом, признаваясь в любви, предадут...»	234
«Здесь в тебя влюблены, если ты — просто так...»	234
«И вновь досада, боль и грусть...»	235
Вернисаж	236
«Мой былинный народ...»	237
«Кто пьет из «черепя отца»...»	238
«Лихой зимы под каблуком...»	239
«В лютой темени выйду в полночи...»	240
«Блюдце с плоскою водою...»	241
«Смотрел и видел, и не знал, что послуху...»	242
Собака	242
«И света сноп — как горсть прозрачных зерен!...»	243
«Врач промолвил: - Живи пока...»	244

«Вновь сижу, одиночу...»	245
«В краю от Иртыша до Енисея...»	245
Сонет (в стекло однажды...)	246
«День стряхнул туманы с облака...»	247
Канун	248
«Дождь охапками листьев плюет...»	249
«Волна уйдет и вновь накатит...»	250
Бахча (в жгутах камыша...)	251
«Курс держал, меняя галсы...»	252
Купина	253
Чернолучье	254
«Мы уедем отсюда совсем...»	255
Испания. Виноградники. 1994	256
Ностальгия	257
Китайка	258
«Хорошо живу. Люто, молодо!..»	260
Июнь (этот город...)	261
Петроградка	262
Питер	263
«Дышит город зноем и покоем...»	264
«Этот стих, словно серый бревенчатый дом...»	265
Ладога зимняя	266
19.01	268
Изба	269
Сосновка	270
Ночь	271
«Судьбы моей суровый матерьял...»	272
«Из лесу тяжелы ЗИЛы...»	273
«Всё, что здесь зарифмовано, всё от тоски...»	274
«Брызги солнца! Шелуха!..»	276

«Поездная тоска. Ни рукой, ни ногой...»	277
Улыбнусь ли, или загрущу...	278
«Вот и смолкла песнь, и певец давно...»	280
«Стекают влагой облака...»	281
«Да! Можно верлибром!...»	282
Утро (ранний свет...)	282
«Какая жизнь, какие дни...»	283
«Там ветер, солнце подгоняя...»	284
Подворье	285
«Вновь гудят провода, и шумит непогода...»	285
«Весенний день... В окно смотрю...»	286
Далекое	287
«Машет курица крылом...»	288
«По лезвию каленой стали...»	289
Урожай	290
«Время было и останется...»	291
«Умер... Это не уехал...»	292
«Жеребцы сходились во поле...»	293
«Колос тяжестью радуется...»	294
«От края деревни до края погоста...»	295
«Небо выгнуто в дугу...»	296
Наши	297
«В колечках табака...»	298
Возвращенье	299
Чердак	300
Октябрь, 1962	301
«С каблучка на каблучок...»	302
«У меня в моей квартире...»	303
Шутка (в лесах не осень...)	304
«Однажды приеду и снова увижу...»	305

«Когда я уйду, не допев, не доплакав...».	306
«Зрю на мир, как пес из конуры...».	307
Памяти Павла Васильева.	308
Сростки.	309
Памяти Николая Шипилова.	310
«...так и живу, по крохам выбирая...».	311
«Обижать никого не стану...».	312
«Жаром пышущее в сто ватт...».	313
«Завяз туман в садах густых...».	314
«Созрела в поле рожь...».	314
«Корявый тын. Горшки да кринки...».	315
«Птица вылетит с черным криком...».	316
«А утро все ярче и жарче пылает...».	317
«Осенью кукушки безголосы...».	318
«Зажжем огни: - Ну, где же ты, зима?...».	319
«За граненым стаканом я сажу истуканом...».	320
«Ты, мой век ХХI, меня не морочь...».	321
«Когда ложится снег на плечи...».	322
«Страдал и говорил, умел молчать и думать...».	323
«Человека... Человеку...».	323
«Что-то ангелы не шумят...».	325
«Серый дождь, седая птица...».	326
«Я горизонт окину взором...».	327
«Как говорим, о чем поем...».	328
Глухарь.	329
Дорога.	330
«Полжизни пройдя, ты уже понимаешь...».	330
«Шорох листьев, похожий на шорохи ситца...».	331
«И, догорев, зажав свечу в горсти...».	332
«Всё тусклей становилась небес бирюза...».	333

«Светило всё ниже, Закаты короче...».....	334
«Всё раздевая догола, шагает осень...».....	335
«И, падая пеплом, и, капая воском...».....	335
Баба Ньюша.....	336
«Шагает по земле мессия...».....	337
Родина.....	337
«...а потом на окраине лета...».....	338
Россия.....	339
«Выйду во двор — в рукомойнике лед...».....	340
Библиография В. В. Брюховецкого.....	341

Лирика
Виктор Брюховецкий
Маятник судьбы

Редактор: Кузнецова Т. Н.

Корректор: Новикова Е.А.

Верстка: Труфанова С.В.

Отпечатано в типографии

«НОВЫЙ ВЗГЛЯД»

394006, г. Воронеж, ул. Славы, 13а

Тел.: (473) 292-93-93,

Печать офсетная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 20,7

тираж 500 экз. заказ 8588

Подписано в печать 22.09.2015 г.

